

Émile Pataud, Émile Pouget
COMMENT NOUS FERONS LA RÉVOLUTION

Э. Пато, Э. Пуже

КАК МЫ СОВЕРШИМ РЕВОЛЮЦИЮ

Перевод с французского
Л. В. Гогеля

Вступительная статья
А. Ю. Федорова

Предисловия
Т. Манна, П. А. Кропоткина

Издание второе,
дополненное

URSS
МОСКВА

Пато Эмиль, Пуже Эмиль

Как мы совершим революцию: Пер. с фр. / Вступ. ст. А. Ю. Федорова;
Предисл. Т. Манна, П. А. Кропоткина. Изд. 2-е, доп. — М.: Книжный дом
«ЛИБРОКОМ», 2011. — 264 с. (Размышляя об анархизме.)

Предлагаемая читателю книга французских революционных синдикалистов Э. Пато и Э. Пуже является одной из важнейших в теоретическом наследии синдикалистского движения. В ней авторы представили свое видение возможной синдикалистской революции, имеющей тенденцию к постепенному построению анархо-коммунистического общества, в условиях удачно сложившихся возможных благоприятных обстоятельств. В книге описывается непосредственно революционный процесс; объясняется, как может состояться слом старого, буржуазного капиталистического общества и переход к новому, социалистическому; рассматриваются конкретные действия для достижения реальных перемен.

Книга будет интересна не только специалистам — историкам, социологам, философам, но и широкому кругу читателей.

Предисловие Тома Манна переведено с английского А. Ю. Федоровым

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 60×90/16. Печ. л. 16,5. Зак. № 4470.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–01921–7

© Л. В. Гогеля, перевод
на русский язык, 1921, 2011
© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2011

9749 ID 120804

9 785397 019217

ЭМИЛЬ ПУЖЕ, ЭМИЛЬ ПАТО: «УТОПИЯ» СИНДИКАЛИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Книга «Как мы совершим революцию» (1909), авторами которой являются французские революционные синдикалисты, члены Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) Франции, является, пожалуй, одной из важнейших в теоретическом наследии синдикалистского движения. В ней авторы представили свое видение возможной синдикалистской революции (имеющей тенденцию к постепенному построению анархо-коммунистического общества) в условиях удачно *сложившихся возможных благоприятных обстоятельств*.

В своем предисловии 1911 года к книге Петр Кропоткин отмечал, что во многом данная работа была развитием его идей, изложенных в книге «Хлеб и воля» (1892 г.). Но это не просто развитие теоретических наработок, а по сути, своего рода мост «от теории к реальности». Речь идет о том, что Кропоткин давал именно *систему возможных революционных преобразований*, в то время как Пато и Пуже описывали непосредственно *революционный процесс*, объясняли, как может состояться слом старого, буржуазного капиталистического общества и *переход к новому, социалистическому*.

Безусловно, в книге французских синдикалистов немало спорных и неоднозначных моментов, а также мыслей, требующих особого анализа и оценки через призму истории двадцатого столетия: мировых войн, Холодной войны, Гражданской войны и Революции в Испании, новых разработок и исследований в разных областях науки и т. д. Взгляд на книгу с позиции истории прошедшего столетия я и постараюсь представить в данной статье.

Синдикализм и анархизм

Когда Петр Кропоткин писал свои работы «Речи бунтовщика» (1885), «Хлеб и воля» (1892), пожалуй, основополагающие для анархо-коммунистической теории, он стремился, прежде всего, дать *возможное видение потенциальных революционных преобразований*. Вопрос о *положительной программе действий* заботил российского анархо-коммуниста на протяжении десятилетий его участия в революционном движении¹.

Вместе с тем, в конце девятнадцатого столетия, хотя анархо-коммунистическое движение было представлено рядом заметных теоретиков, таких как Жан Грав, Эррико Малатеста, Элизе Реклю, Эмма Гольдман, и др., с точки зрения организационного строительства оно находилось в заметном упадке по сравнению с эпохой Первого Интернационала², в котором анархисты разных направлений (прудонисты, бакунисты) играли заметную роль, будучи одним из самых заметных явлений в социалистической среде. Вместе с тем в конце девятнадцатого столетия во Франции начинает развиваться радикальное синдикалистское движение, представленное сначала Биржами Труда, а затем и Всеобщей конфедерацией труда (ВКТ), которые объединились в 1902 году под общим названием ВКТ.

В рамках вышеназванных профсоюзных организаций Франции получил свое организационное и теоретическое развитие революционный синдикализм³. Его развитию активно способствовали местные анархо-коммунисты, такие как

¹ См. в частности: *Кропоткин П. А.* Анархическая работа во время революции // Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. М.: Эксмо, 2004. С. 180–202; *Он же.* Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? // Памяти Петра Алексеевича Кропоткина: [Сборник] / Всероссийский общественный комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина. Пг.: М., 1921. С. 21–56.; *Он же.* Революционная идея в революции // Анархия... С. 677–698.; *Он же.* Речи бунтовщика. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009.; *Он же.* Хлеб и воля // Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990.

² Подробно рассмотрение данного вопроса я дал в двух своих статьях: *Федоров А.* Дети анархии. <http://www.rabkor.ru/debate/2397.html>; *Он же.* Дети анархии. Часть вторая. <http://www.rabkor.ru/debate/2452.html>.

³ Революционный синдикализм — радикальное направление в международном профсоюзном движении. В его основе лежало противопоставление радикальных методов борьбы трудящихся за свои интересы парламентскому реформизму.

Основными средствами борьбы считались забастовка (вплоть до всеобщей), бойкот, саботаж.

Политические партии в революционном синдикализме не отвергались, но выдвигалась идея о «внеидеологичности рабочего движения»: в профсоюзах (синдикатах) могли состоять члены разных политических партий, объединяющим фактором для которых была совместная деятельность в рамках профсоюза.

Самостоятельно изначально развивалось два направления в революционном синдикализме: анархистское (представленное такими личностями как Ф. Пеллутте, Э. Пуже и др.) и марксистское (представленное Ж. Сорелем, А. Лабриолой и др.).

Часть синдикалистов считали революционный синдикализм самодостаточным явлением, не требующим привнесения в него какой либо идеологии.

Фернан Пеллутье, с чьим именем во многом связана история Бирж Труда, и Эмиль Пуже, активный участник ВКТ.

При этом многие анархисты неоднозначно отнеслись к развитию синдикалистского движения, с одной стороны приветствуя в нем подъем рабочего движения, с другой — критикуя его ограниченность и заикленность на самом себе, как, например, Жан Грав¹. В то же время часть анархистов считала, что синдикализм вполне самодостаточен, и нет необходимости его «анархизировать», достаточно того, чтобы он был «нейтральным» в политическом отношении. Другая часть считала, что синдикализм вообще по своей сути не может быть революционным, однако само существование профсоюзов полезно для развития рабочего движения, а потому нет необходимости создавать специфические революционные синдикаты, но следует действовать внутри единого профдвижения. Такой позиции следовал, в частности, Эррико Малатеста². Те же, кто старался развивать в синдикализме анархистскую составляющую, способствовали его перерастанию в анархо-синдикализм, по сути являющийся профсоюзным движением с анархо-коммунистической идеологией.

Так или иначе, но революционный синдикализм развивался, привлекая сотни тысяч трудящихся Франции, и его развитие, как движения, способствовало становлению соответствующей теоретической позиции. Среди наиболее важных работ в этом направлении следует отметить наследие Эмиля Пуже, анархо-коммуниста и революционного синдикалиста, активиста ВКТ.

В данном случае речь пойдет о книге, написанной Эмилем Пуже совместно с другим активистом Всеобщей конфедерации труда Франции Эмилем Пато — «Как мы совершим революцию». Хотя книга и была написана в тот период, когда анархизм уже начинал терять свои позиции в синдикалистском движении Франции³, тем не менее, само ее появление стало важной вехой в истории развития синдикалистского движения и его взаимодействия с анархизмом.

Необходимо разделять революционный и анархистский синдикализм. В частности речь идет о том, что революционный синдикализм был плюралистичен в смысле влияния, оказываемого на него разными направлениями социалистической мысли. Пуже и Пато давали *свое* видение революционного синдикализма подверженное анархистскому влиянию, но не до конца анархистское видение синдикализма. Будучи анархистами-коммунистами, они тем не менее исходили из представлений о *постепенности* преобразований в случае возможной революции. На это обратил

¹ Грав Ж. Синдикализм в общественном развитии. Пб.; М.: Голос Труда, 1920.

² См. Дамье В. В. История анархо-синдикализма: Краткий очерк. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010. С. 40.

Об отношении итальянского анархо-коммуниста к вопросам синдикализма и рабочего движения в целом в 1920-е годы см. например: Malatesta E. Further Thoughts on Anarchism and the Labour Movement (march 1926). <http://libcom.org/library/further-thoughts-on-anarchism-and-the-labour-movement-malatesta>; Idem. Syndicalism and anarchism (april-may 1925). <http://libcom.org/library/syndicalism-and-anarchism-malatesta>; Idem. The Labour Movement and Anarchism (december 1925). <http://libcom.org/library/the-labour-movement-and-anarchism-malatesta>.

³ Gaziers-électriciens, Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français. Publié par Jean Maitron, Michel Dreyfus, Les Editions de l'Atelier/Éditions ouvrières, 1996. P. 279.

внимание в своем предисловии Петр Кропоткин, особо указав, что представленная вниманию читателя «синдикалистская утопия» не является еще анархией, но уже представляет собой модель организации, пропитанной неиерархическим духом¹.

В конце концов, все тот же Эмиль Пуже высказывался в свое время вполне определенно: «Я — анархист, но анархия меня не интересует»². Таким образом — синдикализм не был для него первичен, и именно в нем он видел прообраз будущего общества, а уж насколько оно окажется близким анархистским идеалам и какие будут тенденции в этом направлении его интересовало меньше.

В качестве альтернативной линии в синдикализме стоит отметить концепцию аргентинских анархо-синдикалистов начала двадцатого столетия, для которых создание профсоюзного анархистского движения было лишь организацией борьбы с государством и капитализмом, но при этом профсоюзы рассматривались как их же порождения, а потому считались неприемлемыми в качестве «ячеек будущего свободного общества». Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что испанские анархо-синдикалисты к моменту начала Гражданской войны и революции 1936–1939 гг. выработали своеобразную «смешанную» модель, основанную на своего рода компромиссе между профсоюзным индустриализмом и «анархо-коммунистическим федерализмом», то есть между профессиональной (профсоюзной) формой общественной организации и общинно-коммунальной (территориальной). Эта концепция была закреплена в так называемой Сарагосской программе 1936 г.³

Что касается идей, изложенных в работе Э. Пуже и Э. Пато, во-первых, при их анализе и изучении необходимо учитывать контекст эпохи и личности авторов, а во-вторых, необходимо привлекать к рассмотрению смежных авторов той эпохи, прежде всего таких как марксисты Юбер Лагардель, Жорж Сорель и Артуро Лабриола, анархисты Яков Кирилловский (Д. И. Новомирский) и Фернан Пеллутье. Привлечение работ других теоретиков социалистических школ синдикалистской мысли поможет лучше оценить значение книги французских синдикалистов с одной стороны, а с другой, даст возможность понять значение самого синдикалистского движения в начале двадцатого столетия. Кроме того, чтобы оценить историческое значение работы «Как мы совершим революцию», стоит дать и ретроспективный взгляд на нее через историю революционного рабочего движения 1910-х – 1930-х гг.

Чтобы по возможности оценить, насколько важное место в революционно-синдикалистской концепции Пато и Пуже занимала анархо-коммунистическая теория, стоит привлечь работы видных теоретиков либертарного коммунизма — Петра Кропоткина и Жана Грва.

¹ Кропоткин П. А. Предисловие // Пато Э., Пуже Э. Как мы совершим революцию. Пб.; М.: Голос Труда, 1921. С. 7.

² Цит. по: Дамье В. В. Забытый Интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 39.

³ Концепция либертарного коммунизма // Наперекор 1999. № 9. С. 38–44.

Безусловно, объем статьи не позволяет «объять необъятное». Поэтому я ограничусь лишь кратким аналитическим обзором, касаясь наиболее важных и принципиальных вопросов.

«Теоретический» контекст

Изначально одним из важнейших моментов революционно-синдикалистской теории (равно как и анархо-синдикалистской) являлся вопрос о *всеобщей забастовке*. В ортодоксальной марксистской среде данная идея была встречена негативно и не нашла поддержки, в то время как широкие анархистские круги живо восприняли ее, во многом в качестве действенного противопоставления идее участия в парламентской политике. В среде французских синдикалистов и анархистов, пожалуй, главным проводником данной идеи выступил Фернан Пеллутье, с 1895 г. — генеральный секретарь Федерации Бирж Труда, отстаивавший идею о всеобщей забастовке среди французских социалистов (марксистов и анархистов) и внутри самого рабочего движения в рамках Бирж Труда.

Влияние синдикализма в рабочем движении становилось постепенно столь заметным, что способствовало проявлению все большего интереса к нему и со стороны ряда марксистских теоретиков¹, которые становятся сторонниками революционной стратегии всеобщей забастовки. В этом смысле особый интерес представляет книга «Размышления о насилии» (1908), принадлежащая перу французского революционного синдикалиста марксистского толка Жоржа Сореля. Сорель утверждал, что в революционном движении большую роль играют так называемые «мифы». Для него было не так важно, смогут ли рабочие действительно организовать всеобщую забастовку, важно было давить ее *мифом* на правящий класс: «(...) для нас совершенно не важно, есть ли всеобщая забастовка нечто реально осуществимое или только плод народного воображения. Весь вопрос состоит в том, чтобы выяснить, заключается ли в ней все то, что ожидает от революционного пролетариата социалистическая доктрина»².

Между тем Фернан Пеллутье, чьим близким другом, кстати, был Жорж Сорель, отстаивал идею о всеобщей забастовке как реальном практическом средстве экономической и революционной борьбы пролетариата. Для него была важна именно не сама идея как таковая, но ее *практическое* применение. Уже на синдикалистском конгрессе 1892 г. Ф. Пеллутье (стоит также отметить, что анархистом он стал себя называть лишь годом позднее) активно отстаивал идею всеобщей забастовки в качестве орудия социальной революции. Под давлением его аргументации конгрессом была принята резолюция, признававшая ее одним из средств борьбы рабочего движения³.

¹ Так, например, Артуро Лабриола писал, что именно синдикат является орудием социальной революции. По его мнению: «Барометром социальной революции является развитие революционного сознания, т. е. противоположение существующему обществу профессионального синдиката». (*Лабриола А.* Синдикаты и социальное реформаторство. Киев: Гудок, 1906. С. 17, 14).

² *Сорель Ж.* Размышления о насилии. М.: Польза, 1907. С. 57.

³ *Дав В.* Фернанд Пеллутье // Фернанд Пеллутье и революционный синдикализм во Франции. Пб.; М.: Голос Труда, 1920. С. 17.

Для анархистов синдикализм являлся формой развития рабочего движения вне партийной политики, выражением непосредственной борьбы рабочего класса за свои насущные интересы, и впоследствии — социальную революцию против капитализма и государства¹. Позиция сторонников революционного синдикализма из числа марксистов в этом вопросе была несколько иной. Ж. Сорель старался противопоставить революционных синдикалистов парламентским социалистам², в то же время А. Лабриола выступал с той позиции, что социалистическая партия и синдикаты должны быть единым целым, что синдикаты должны, по сути, быть под контролем партии, которая станет их «выборной организацией»³. Вместе с тем Юбер Лагардель писал о том, что синдикалистское движение во Франции было не антипарламентским, но внепарламентским⁴.

Стоит отметить также, что несмотря на активную публицистическую деятельность, ни Сорель, ни Лагардель, ни другие теоретики марксистского направления в революционном синдикализме не оказали, существенного влияния на развитие движения⁵.

Синдикалистская «утопия»

Перейдем теперь непосредственно к рассмотрению самой работы Эмиля Пато и Эмиля Пуже. В данном случае попутно будет дан небольшой сравнительный анализ концепций французских синдикалистов, а также Жана Грва, Петра Кропоткина и Якова Новомирского. Кроме того будут проведены некоторые параллели между идеями теоретиков и революционными событиями первой половины двадцатого столетия.

Книга во многом построена на *удачном стечении обстоятельств*, то есть *ситуации идеальной революции*, когда раз за разом революционно настроенные профсоюзы преодолевают возникшие на их пути трудности. Это не утопия, но наоборот — описание предположительной модели *успешной* революции. Это не готовая схема, но скорее футурологический прогноз, практические рекомендации, показывающие, как примерно должны развиваться события, чтобы революция победила.

«Как мы совершим революцию» начинается с описания Парижа, охваченного всеобщей забастовкой⁶, на тот момент пока еще экономической. Ее зада-

¹ Изидин М. [Гальдсмит] Революционный синдикализм и анархизм. Лондон: Издание листов «Хлеб и воля». № 4. 1907. С. 10.

² Сорель Ж. Указ. соч. С. 19, 75–97.

³ Лабриола А. Указ соч. С. 26–27.

⁴ Лагардель Г. Революционный синдикализм. Донбасс: Голос Труда, 1999. С. 38.

⁵ Rocker R. Anarcho-syndicalism. Theory and practice. Oakland, CA: AK Press, 2004. P. 91.

⁶ Стоит отметить, что в 1936 г. в Испании объявление всеобщей забастовки было не началом противостояния революционно настроенных трудящихся правительству, но реакцией на вооруженный мятеж военных, и носила при этом частичный характер — то есть происходила не повсеместно. При этом забастовка была прекращена в зонах, оказавшихся подконтрольными республиканцам уже в первые дни после начала гражданской войны. (Мещеряков М. Т. Испания в огне. М.: Издательство «Просвещение», 1971. С. 59).

чей не является свержение существующего строя. Авторы отмечали, что всеобщая забастовка, если она носит решительный характер, наверняка встретит не менее сильное сопротивление со стороны буржуазии, что выразится в массовых локаутах и сильном давлении на забастовщиков в целом. Тем не менее, им важно было подчеркнуть, что в случае, если забастовщиков с самого начала не сломит давление государства и капитала, и при этом решительность и классовая сознательность рабочих будут достаточно высоки, попытки справиться силой с забастовочной волной приведут только к усилению рабочей солидарности¹. В ходе радикальной рабочей борьбы в Италии периода «Красного двухлетия» (1919–1920), на фоне массового захвата трудящимися контроля над заводами и фабриками, регулярных уличных столкновений между забастовщиками с одной стороны и фашистами и полицией с другой, в рядах итальянского пролетариата не было массового осознания необходимости максимальной радикализации забастовочной борьбы, отсутствовало понимание того, что ограничение целей борьбы завоеванием частичных уступок лишь расколет движение и будет способствовать победе сил реакции. В итоге так и произошло. Нерешительность социалистических профсоюзов, ограниченность влияния анархо-синдикалистов на их фоне способствовали сворачиванию забастовочной борьбы и установлению в стране фашистской диктатуры Бенито Муссолини².

Книга начинается как раз с момента, который считался в то время традиционно слабым местом в теоретических построениях анархо-коммунистов. Они немало писали о преобразованиях, которые необходимо провести «на следующий день после революции», последовательно критиковали существующий строй и призывали к его радикальной перестройке, но, вместе с тем, крайне мало места уделяли тому, как же произойдет революция, с чего она начнется, почему ей будет способствовать успех. Много внимания уделялось «стихийности рабочих масс», но, вместе с тем, отсутствовало должное понимание того, как именно эти самые массы смогут сломить государство, опирающееся на колоссальную мощь армии и полиции, за спиной которых стоят финансовые магнаты и политики, искусно манипулирующие массовым сознанием (по крайней мере, значительной части промышленного пролетариата и крестьянства).

В частности, в своей книге «Речи бунтовщика» Петр Алексеевич Кропоткин писал: «Полное разложение и распадение современного строя и всеобщее недовольство; выработка новых форм жизни и жажда какой бы то ни было перемены, юношеский порыв критики в области науки, философии, этики и брожение общественной мысли; возмутительное равнодушие или преступное сопротивление новым течениям тех, в руках которых сосредоточена власть...

Вот каково было всегда состояние общества накануне великих революций».

И далее:

«Будущая революция будет носить экономический характер. Всеми народами (Кропоткин исходил из того, что начнись подлинно социальная, анархистская революция, она непременно охватит всю Европу, начнись она в одной конкретной

¹ Пато Э., Пуже Э. Указ. соч. С. 23.

² Дамье В. В. Указ. соч. С. 75–90.; Red years, black years: Anarchist Resistance to fascism in Italy. London, 1989.

стране — прим. А. Ф.) одновременно будут произведены попытки пересоздать весь экономический строй; они больше не будут ждать, чтобы благосостояние свалилось им с небес как манна небесная»¹.

Вместе с тем он писал о необходимости тотальной экономической экспроприации средств производства и частной собственности в интересах всего общества, перестройке общественных отношений на новых началах². Вот только между предпосылками революции, складыванием революционной ситуации и массовой общественной экономической экспроприацией не прослеживается необходимое звено, а именно: *как это произойдет, каким образом* данный переход станет возможным. В свою очередь, в работах Жана Гравы можно почерпнуть такие высказывания: «В деле революции недостаточно быть готовым к ней; необходимо случай (...)» «Революция есть ряд мелких стычек и больших сражений с правительством и капиталом (...)»³. И далее: «Прежде всего, анархистам нужно отказаться от борьбы целыми армиями против армий, от правильных сражений в открытом поле, от военной стратегии и тактики, управляющей полками, как шахматный игрок управляет фигурами на доске. В борьбе нужно, главным образом, направить свои удары на учреждения — сжечь документы, устанавливающие права на собственность, податные реестры, нотариальные акты, разрушить межевые знаки, уничтожить всевозможные официальные записи и т. д.»⁴ Последователь Петра Кропоткина точно также много пишет о причинах, об эмоциональной стороне революции, о ряде общих мест, даже о «роковой неизбежности революции»⁵, однако и здесь не прослеживается организационная сторона, не прослеживается мысль о том, как и почему революция *сможет победить*.

Именно таким мостом между складыванием революционной ситуации и собственно анархистскими социально-экономическими преобразованиями и призвана была стать идея всеобщей забастовки, а само синдикалистское движение — той силой, что сделает такую забастовку возможной, подготовит трудящихся к революционной борьбе и создаст почву для перехода контроля над средствами производства и природными ресурсами в руки самих трудящихся. Синдикализм предполагал, в том числе, как своего рода школа, в которой рабочие должны учиться солидарным действиям, совместному контролю над производством и распределением в общенародных интересах. Именно синдикат в своей книге «Основы синдикализма» (1906) Эмиль Пуже называет центром борьбы за каждодневные интересы трудящихся и вместе с тем подготавливает почву для будущей революции⁶.

В начале своей книги Пато и Пуже демонстрируют читателю с чего, по их мнению, будет начинаться революция. Они полагают, что всеобщая забастовка не будет с самого начала носить политический, революционный характер, но радика-

¹ Кропоткин П. А. Речи бунтовщика. С. 15, 17–18.

² Там же. С. 163–177.; Он же. Хлеб и воля. С. 57–69.

³ Грав Ж. Будущее общество. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009. С. 6, 7.

⁴ Грав Ж. Умирающее общество и Анархия. Одесса: Черное знамя, 1906. С. 132.

⁵ Грав Ж. Будущее общество. С. 58–63.

⁶ Пуже Э. Основы синдикализма. Пб.; М.: Голос Труда, 1922. С. 35–36.

лизация борьбы и сопротивление власти и капитал имущих будут способствовать ее революционизации забастовки. Чем больше будут стараться силой подавить забастовку, чем больше будет дестабилизирован правительственный аппарат, тем большей силой будет обладать синдикалистское движение, и тем большую популярность оно станет обретать с каждым днем.

Здесь стоит еще раз отметить, что в анархо-коммунистической традиции были заложены следующие мысли о характере революции:

— подлинная социальная революция будет возможна тогда, когда в широких общественных кругах наступит осознание того, чем именно заменить существующий общественно-политический строй, и осознание это должно быть хотя бы каркасным, иначе вместо революции будет происходить не более чем смена правящего режима без реальных перемен в жизни общества;

— революция происходит не сама по себе, и не по воле отдельных лиц, но является частью эволюционного процесса, и происходит именно тогда, когда эволюционные изменения заходят в тупик, либо наталкиваются на серьезные препятствия со стороны власти и капитал имущих. Например, если речь идет о революции в условиях глубоко экономического кризиса, охватившего страну, это не противоречит эволюционности, но скорее демонстрирует ограниченность представлений о *прямолинейности* эволюционного *подхода*. Ведь историческое развитие общества не является линейным процессом постоянного движения в одном направлении, но имеет свои взлеты и падения, что в целом вписывается в общий процесс эволюции как *глобальный макропроцесс развития*. Развитие в данном случае вовсе не отрицает деградации и упадка, но скорее отражает общий глобальный процесс постоянных изменений на протяжении длительных отрезков времени¹.

При этом главным фактором, способствующим перерастанию всеобщей забастовки из экономической в политическую в книге предстает расстрел парижских рабочих в ходе одной из стычек забастовщиков с полицией². В такого рода представлениях отчетливо прослеживается влияние Российской революции 1905–1907 гг., в том числе — событий, связанных с трагедией Кровавого воскресенья 9 (22) января 1905 г. Большую роль сыграл здесь и опыт французского рабочего движения конца XIX — начала XX веков, особенно — жестокое подавление забастовщиков в начале двадцатого столетия правительством Клемансо.

Всеобщая забастовка не обязательно означает, что рабочие абсолютно всех отраслей одновременно начинают забастовку. Такова ситуация в Париже, представленная на первых страницах «Как мы совершим революцию». Расстрел

¹ Ярким примером здесь могут послужить Великая Российская революция 1917–1921 гг. и Испанская революция 1936–1939 гг. Внешней причиной первой было тяжелое состояние в экономике, голод и развал армии (а также множество других факторов), а толчком для другой послужил военно-фашистский мятеж и состояние политической нестабильности. Среди глубинных факторов, способствовавших развитию революций, были противоречия в рамках развития индустриальной цивилизации, противостояние трудящихся фабричным порядкам и пролетаризации, можно даже сказать — противостояние города и деревни, а точнее — сопротивление процессу тотальной индустриальной урбанизации на фабрично-заводских началах.

² Пато Э., Пуже Э. Указ. соч. С. 19–22, 27–28.

рабочих способствует подъему забастовочных и революционных настроений. Таким образом, если сначала мы можем наблюдать, «частичную всеобщую забастовку» (всеобщую забастовку как *тенденцию в динамике*), то, после расстрела забастовщиков начинается переход к тому, чтобы забастовка стала подлинно всеобщей, когда остановятся *все* работы. Забастовка в отдельных отраслях начинается еще до того, как будет принято решение о ее проведении на общесиндикальном уровне¹. Пато и Пуже настаивали на том, что всеобщая забастовка хотя и должна стать тотальной, но должна приносить по возможности меньше ущерба и дискомфорта самим трудящимся. В то же время для буржуазии, власть и капитал имущих она должна быть максимально разрушительной, полностью нарушая привычный для них образ жизни².

Стоит отметить, что важная роль в забастовке отводится авторами электрикам и газовщикам, которые должны были обесточить город. Это звучит особенно интересно (и вместе с тем — дискуссионно) в начале двадцать первого столетия, на фоне зависимости многих сторон повседневной жизни миллионов людей от электричества. От подачи электроэнергии зависят, в частности, промышленность, армия, органы власти.

В своем противостоянии забастовочной волне правительство возлагает в сложившейся ситуации основные свои надежды на армию. При этом Пато и Пуже отмечают, что наиболее надежными силами правительства могут стать алжирские войска, которые «не стали бы стесняться и с радостью бы выместили бы злобу и обиду за угнетение своей расы на париях Франции». Вместе с тем авторы указывают, что в сложившейся ситуации оказалось затруднительным перебросить в Париж эти войска³. Этот момент представляется крайне интересным, так как в Испании наиболее надежными и боеспособными правительственными войсками считали марокканские части и иностранный легион, которые также, как и в теоретической работе Пато и Пуже оказалось затруднительным перебросить на территорию континентальной Испании. В реальности же испанским военным удалось решить эту проблему при помощи итальянской и германской авиации, что серьезно осложнило положение республиканского лагеря уже в начале гражданской войны.

Здесь стоит обратить внимание на то, каким французские синдикалисты представляли себе вооруженное противостояние сил реакции и восставшего народа. С одной стороны, они, конечно же, рисовали картину идеальной ситуации, однако, тем не менее, даже при гипотетически благоприятных условиях развития революции их оценки представляются излишне оптимистичными, особенно относительно опасности для революции внешней угрозы. Это отмечал уже Кропоткин, причем применительно к сопротивлению реакции *внутри* страны, в своем предисловии, сравнивая синдикалистскую «утопию» и события Первой российской революции⁴. При этом авторы вполне справедливо замечали, что революция

¹ Пато Э., Пуже Э. Указ. соч. С. 28–29.

² Там же. С. 37–39.

³ Там же. С. 63.

⁴ Кропоткин П. А. Предисловие. С. 9.

может победить в том случае, если армия откажется стрелять в народ, либо и во все перейдет на его сторону¹. Безусловно, речь идет об идеальных условиях, тогда как в реальности дело обстояло как правило, гораздо сложнее. Потому переход на сторону восставших пусть даже значительной части вооруженных сил еще никогда не означал победы революции, пусть даже и обеспечивал временный серьезный успех.

В этом смысле опять же стоит вспомнить события из истории Италии начала 1920-х гг., когда армия, и во многом — демобилизованные участники Первой мировой войны, были подвержены сильному влиянию реакционных, фашистских настроений. А также, — ситуацию в Испании, где Гражданская война и революция начались с мятежа *военных*. Таким образом изначально ситуация складывалась в пользу контрреволюции, опиравшейся на подразделения, состоявшие из кадровых военных. В то же время республиканские вооруженные силы, крайне неоднородные, от частей армии и полиции, оставшихся верными Республике до революционно настроенных милиционных частей анархо-синдикалистов, были в своем большинстве плохо подготовлены, а то и вовсе не готовы к реальным военным действиям².

В любом случае, стоит особо обратить внимание на то, каким виделось Эмилю Пуже и Эмилю Пато подавление вооруженного сопротивления сил реакции. Говоря современным языком, синдикалисты предполагали использование против правительственных вооруженных сил, намеревающихся подавить революцию, всех доступных восставшим средств уничтожения, вплоть до химического оружия³. При всей недооценке реакции, французские синдикалисты понимали, насколько велика будет вероятность интервенции в страну вооруженных сил государств, в которых не произошли революционные выступления, при том, что их армии сохранили верность своим правительствам. Другое дело, что оценка потенциальной интервенции была явно недостаточной, *излишне* оптимистичной. В данном случае, как и с противоборством силам внутренней реакции, предполагалось использование восставшим народом всех доступных средств, вплоть до химического и бактериологического оружия, отравление почвы, воды, скота на пути продвижения армий интервентов. Они считали, что «мнимые права людей» (права человека) их не должны смущать. Как раз наоборот, — восставший народ должен максимально устрашить противника, нанеся ему в случае вооруженного конфликта как можно более сильный урон⁴. Правда, одновременно с этим они писали о необходимости ведения синдикалистами всего мира активной анти-милитаристской пропаганды. О том, чем и как революционеры собираются защищать революцию от интервентов — говорить, по их мнению, необходимо будет открыто, чтобы солдаты иностранных армий знали, что их ждет на «освобожден-

¹ Пато Э., Пуже Э. Указ. соч. С. 82.

² Вышельский Л. Мадрид, 1936–1937. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 32.; Мещеряков М. Т. Указ. соч. С. 18.

³ Пато Э., Пуже Э. Указ. соч. С. 171.

⁴ Там же. С. 202–205.

ных территориях». Эта мера, по мысли синдикалистов, должна настроить рядовой состав против своих офицеров.

Может сложиться ложное впечатление, будто бы человеческая жизнь для французских синдикалистов ничего или почти ничего не значила. Но это не так. Тех же представителей привилегированных классов, которые не хотели и не могли жить в новом обществе предлагалось вовсе не уничтожать, не репрессировать, а высылать из страны, если своими действиями они будут препятствовать становлению новых социально-экономических отношений. Предполагалось способствовать их выезду за границу, если они того пожелают. Покидающих страну должны были снабжать золотом, которое в революционной Франции потеряет всякую ценность, так как экономика претерпит серьезные изменения, приняв смешанный вид. Коммунистические отношения будут соседствовать с товарно-денежными, причем не только в сфере внешнеэкономических связей революционной страны, но и между ее отдельными субъектами. В реальности именно так и произошло в ходе социально-экономических преобразований в Испании, начавшихся в 36-м г.¹

Необходимо учитывать время написания книги (1909 г.), политическую ситуацию во Франции, историю французского революционного и анархистского движения, личности авторов, отношение к проблеме революционного насилия в синдикалистской и анархистской теории в то время. Чтобы не перегружать статью излишними рассуждениями на данную тему, обозначу тезисно свое видение этих вопросов.

Причин подобного отношения к революционному насилию с точки зрения защиты «освобожденных территорий» победившей синдикалистской революции могло быть несколько. К ним можно отнести и наследие анархистского боевизма во Франции конца девятнадцатого столетия (Равашоль, Вайян, Анри, Казiero и др.)². Отчасти росту террористических настроений в рядах анархистов конца девятнадцатого столетия способствовали жестокие полицейские репрессии: расстрелы демонстраций и забастовщиков. Анархисты не были тогда частью рабочего движения, и действовали как внешняя по отношению к нему сила. По этой причине часть анархистов ориентировалась не на организацию профсоюзного, жилищного, кооперативного движений, но на проведение террористических актов

¹ См.: *Дамье В. В.* Испанская революция и коммуны Арагона // Михаил Александрович Бакунин. Личность и творчество (к 190-летию со дня рождения). Выпуск III. М.: Институт экономики РАН, 2005. С. 208–234.; *Минц Ф.* Самоуправление и проблема денег во время испанской революции 1936–1939 гг. <http://www.avtonom.org/node/4917>; *Шубин А. В.* Социально-экономические преобразования в Испании в период правительства Ф. Ларго Кабальеро (1936–1937) // Новые перспективы в изучении истории Испании. Материалы VII Российско-испанского colloquium историков Москва, 30 сентября – 3 октября 2008 г. М.: ИВИ РАН, 2008. <http://www.soviethistory.ru/socialism/a-29.html>; *Leval G.* Collectives in the Spanish Revolution. London: Freedom Press, 1975.; *Souchy A.* With the Peasants of Aragon. Barcelona: Tierra y Libertad, 1937.

² *Скирда А.* Индивидуальная автономия и коллективная сила. Обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г. Париж: Громада, 2002. С. 65–73; *Холличер А.* Равашоль и парижские анархисты // Михаил Александрович Бакунин. Личность и творчество (к 190-летию со дня рождения). Выпуск III. М.: Институт экономики РАН, 2005. С. 160–207.

и экспроприаций. Это вело к всё большей изоляции анархистов от народа, происходил своего рода эффект домино: оторванные от масс анархисты совершали теракты, пропасть между ними и трудящимися только росла. Выходом из создавшегося положения стало активное участие анархистов в революционно-синдикалистском движении. Однако наследие «пропаганды действием», террористических актов и экспроприаций, по инерции продолжало довлеть и над анархистами, участниками синдикалистского движения. К тому же, Пато и Пуже к моменту работы над книгой имели собственный многолетний опыт участия в синдикалистском и анархистском движениях (в первую очередь речь идет об Эмиле Пуже¹), а потому были не понаслышке знакомы с полицейским насилием против забастовщиков и революционеров.

В революционной синдикалистской теории того времени насилию также уделялась заметная роль. В частности, стоит обратить внимание на работу неомарксиста Жоржа Сореля «Размышления о насилии», написанную несколько ранее книги Пуже и Пато, а также — труд российского анархо-синдикалиста Новомирского «Из программы синдикального анархизма» (1907). Последний писал о необходимости «массового, разлитого, всестороннего террора». Речь шла о необходимости широкомасштабного вооруженного отпора правительственным репрессиям, которые он, к слову сказать, противопоставлял «безмотивному террору», популярному в те годы в анархистской среде. «Безмотивников» он осуждал, так как их подход «не только не содействует пропаганде, но, наоборот, отталкивает от нас массы»². Свои размышления по данному вопросу российский анархо-синдикалист строил, во многом, исходя из собственного опыта участия в Первой российской революции.

Среди факторов, оказавших влияние на формирование концепции Пуже и Пато, важное место занимает история Парижской Коммуны, в мае 1871 г. потопленной в крови правительственными войсками. Конечно, далеко не все анархисты и синдикалисты одинаково оценивали ее историю и делали из нее вовсе не идентичные выводы. Однако представляется вполне вероятным, что часть из них могла сделать прийти к выводу, что на защиту будущей революции необходимо будет бросить максимум усилий, что подразумевало в том числе, и применение всех средств уничтожения, какие только могут оказаться в руках восставших.

Кроме того, книга была написана за несколько лет до начала Первой мировой войны, продемонстрировавшей европейцам (им — в первую очередь) реальные ужасы применение в том числе средств массового уничтожения (удушливых газов). После Первой мировой войны дискуссии о том, чем и как следует защищать революцию в анархистской и синдикалистской среде продолжались, и далеко не все в этом вопросе были готовы поддержать точку зрения Пато и Пуже.

¹ Brown G. Introduction // Pataud E., Pouget E. How we shall bring about the revolution: Syndicalism and the co-operative commonwealth. London: Pluto Press, 1990. P. xix.

² Новомирский Д. И. Из программы синдикального анархизма. Б. м.: б и., 1907. С. 175–177.

Но вернемся к содержанию самой книги.

Среди факторов, без которых французские синдикалисты считали шансы на победу революции крайне сомнительными, было и распространение всеобщей забастовки за пределы Парижа на всю страну. Предполагалось и привлечение крестьянства на сторону рабочих. Подчеркнутое внимание к этому вопросу, опять же, было навеяно опытом Парижской Коммуны 1871 г., когда революционный Париж остался в изоляции, несмотря на попытки распространить антиправительственное восстание на остальную территорию страны. Впрочем, как продемонстрировал опыт Испанской революции, крестьянство могло быть и гораздо революционнее, нежели городской пролетариат¹.

Система «срочных» преобразований, таких как перераспределение жилищного фонда в интересах всего общества, реорганизация системы потребления, сокращение рабочего времени и т. п., выстраивалась Пато и Пуже исходя из наработок Петра Кропоткина, изложенных в книге «Хлеб и воля». Таким образом, несмотря на несколько непоследовательные идеи относительно организации экономики «на следующий день после революции», французские синдикалисты в вопросах социальных преобразований исходили именно из *анархо-коммунистической традиции*. Правда, что касается «организации потребления», точнее — реорганизации этой стороны общественной жизни, они придерживались идеи «изобилия», без которого считали невозможной организацию нового, *анархо-коммунистического общества*. Соответственно Кропоткин полагал, что любые продукты труда, имеющиеся «в изобилии» должны быть в полной мере доступны для всех членов общества. Те же, что имелись в ограниченном количестве — следовало распределять. В первую очередь должны были учитываться интересы слабых и больных, стариков и детей². В свою очередь соглашаясь с П. А. Кропоткиным, что всё, имеющееся «в изобилии», должно быть в свободном и бесплатном доступе, Пато и Пуже предполагали, что продукты, имеющиеся «в слишком небольшом количестве», должны находиться в свободной продаже — «сохранять свою покупную стоимость». Только по мере того, как будет достигнуто «изобилие», коммунистический сектор экономики получит возможность расширяться и вытеснить постепенно товарно-денежный, рыночный сектор³.

Среди наиболее важных проблем, разработанных Пато и Пуже, следует выделить «женский вопрос». Авторы имели свой взгляд на проблему всестороннего раскрепощения женщины, подвергавшейся в европейском обществе начала XX века довольно жесткому патриархальному угнетению, по сути — «двойной эксплуатации». Говоря о системе образования в свободном обществе, авторы предлагали введение совместного обучения девочек и мальчиков, по окончании которого предполагалось, что девушки должны проходить дальнейшее обучение в специа-

¹ См.: Bookchin M. To remember Spain: The anarchist and syndicalist revolution of 1936. Edinburgh and San Francisco: A. K. Press, 1994.

Так же см. прим. 25.

² Кропоткин П. А. Хлеб и воля. С. 45–46, 80–82.

³ Пато Э., Пуже Э. Указ. соч. С. 142–143.

лизированных учебных заведениях, в которых им стали бы преподавать «женские профессии»¹. Вместе с тем авторы полагали, что женщин необходимо освободить от тяжелой работы, не вовлекать их в те отрасли труда, которые традиционно считаются мужскими. Они будут вовлечены, они должны трудиться столько, сколько сочтут нужным сами, в то время как для мужчин предполагался некий «трудовой минимум» — «нравственное обязательство давать обществу определенное количество трудового времени». Приоритет в этом смысле отдавался материнским заботам женщины, что должно было, по мнению Пато и Пуже освобождать женщин от каких либо обязательств перед обществом.

Французские синдикалисты не придерживались пуританского взгляда на личную жизнь человека, считая, например, что женщина имеет полное право подчеркивать свою чисто внешнюю сексуальность, если она того пожелает. По мнению Пато и Пуже, это должно быть следствием личных позывов и интересов конкретной женщины, но не навязанных *модой* стандартов красоты: «Уничтожение торговли повлекло за собой и уничтожение последней (*моды* — А. Ф.), — которая уступила место вкусу»². Можно сказать, что французские синдикалисты отчасти предвосхищали так называемую «сексуальную революцию» второй половины двадцатого столетия. Впрочем, идея женской эмансипации была не нова уже в конце XX века.

В книге содержится немало других интересных мыслей, но разобрать их в данной статье нет возможности. Остается только прочитать саму книгу, представляющую несомненный интерес и сегодня, не смотря на те перемены, что произошли в течение ста лет с момента ее первого издания.

Эмиль Пато и Эмиль Пуже: краткая биография авторов

Эмиль Пато (12.02.1869 – 13.01.1935) родился в Париже, в бедной семье.

Получив хорошее начальное образование, он поступил учиться в школу Лавуазье, которую ему пришлось бросить в пятнадцать лет в виду необходимости устраиваться на работу: Пато начал свою трудовую деятельность на заводе Кайл (Cail). В тот период своей жизни он находился под влиянием гедистских и бланкистских идей, занимался изучением социальной теории. Позднее служил на флоте, получив профессию механика. Тогда он же становится антимилитаристом: в декабре 1905 г. за свою антимилитаристскую деятельность был осужден к году тюрьмы, а также штрафу в размере ста франков.

В начале 1900-х Эмиль Пато начинает интересоваться синдикалистскими идеями. В 1904–1910 гг. он — секретарь Союза работников электрической промышленности (S.T.I.E.), состоявшего изначально из одной тысячи человек, но стремившегося объединить всех работников отрасли в парижском регионе. Данный синдикат с момента создания находился на революционно-синдикалистских позициях, а сам Пато пропагандировал идеи прямого действия и всеобщей забастовки³. За свою синдикалистскую деятельность он был прозван «Королем тьмы».

¹ Пато Э., Пуже Э. Указ. соч. С. 189.

² Там же. С. 234–235.

³ Gaziers-électriciens... P. 278.

Эмиль Пато был делегатом от работников электрической промышленности на проходивших с 1904 по 1912 годы VIII, IX, X и XII конгрессах ВКТ. Проводил активную синдикалистскую работу, был инициатором многочисленных акций протеста, основанных на принципах прямого действия. Так, например, он был инициатором протестной компании S.T.I.E., начатой в 1905 г., направленной на уравнивание в правах сотрудников электрических и газовых компаний с муниципальным персоналом. Длительная борьба, сопровождавшаяся неоднократным отключением электричества, закончилась частичной победой забастовщиков. 7 февраля 1906 г. Пато второй раз арестовывается за антимилиитаристскую пропаганду и проводит под стражей три месяца. В знак солидарности его избирают постоянным секретарем синдиката с зарплатой в 250 франков, выразив тем самым ему свое доверие и сочувствие. 8 марта 1907 г. в шесть часов вечера в Париже началась спонтанная забастовка работников электротехнической промышленности. Практически весь город оказался без света. Через 22 часа работодатели пошли на уступки, уравнивая в правах электриков с муниципальными служащими. Участвовал Эмиль Пато и во множестве других забастовок, добываясь все новых уступок от капиталистов. По его инициативе, в знак протеста против неуступчивости работодателей, в 1909 г. было организовано отключение электричества во время банкета в Отеле Континенталь, в Опере, во время приема в Елисейском дворце.

В том же году он, совместно с Эмилем Пуже, издает книгу «Как мы совершим революцию». В 1908 г. он издал брошюру «Руководство для идеального электрика», в которой пропагандировал идеи саботажа¹.

Постепенно в синдикалистских кругах Франции, в том числе — на фоне имевших место в тот период довольно жестоких репрессий против забастовщиков, начинается постепенный отход от принципов прямого действия, все большее влияние приобретают реформистские настроения. В то же время синдикат парижских рабочих-электриков, в который входил Пато, решает присоединиться не к реформистской Федерации работников осветительных предприятий, а к более радикальной Федерации металлургии. Эмиль Пато хотел создать отраслевой профсоюз работников электротехнической промышленности, и в связи с этим организовал в апреле 1909 г. серию конференций в разных регионах Франции, на которых пропагандировал идею всеобщей забастовки. Результатом стало создание Федерации автомобильных водителей, электриков и механиков, к которой присоединилась и часть радикально настроенных рабочих-газовщиков. Однако организация была разгромлена в результате репрессий со стороны властей, последовавших после организованных в 1910 г. забастовок².

В этом же году, после неудачной октябрьской забастовки железнодорожников, Эмиль Пато, на имя которого был выдан ордер на арест, бежит с семьей в Бельгию, где вскоре умирает его дочь. Здесь он проводит около трех месяцев. Вернувшись в январе 1911 г. во Францию он застал S.T.I.E. в состоянии кризиса. В синдикате состояло не более 800 членов, и общий настрой был упадническим.

¹ Brown G Opt cit. P. xii.

² Gaziers-électriciens... P. 279.

Сам же Пато в этот период постепенно утрачивает свое влияние в организации, вместе с тем теряют популярность в рабочей среде пропагандируемые им идеи синдикалистской борьбы.

Весной 1911 г. Пато начинает высказывать свои симпатии к монархическому, консервативному движению «Аксьон франсез». Его деятельность вызывает скандал в рамках ВКТ, однако первоначально синдикат S.T.I.E. выразил ему свою поддержку, и только после того как в 1913 г. он стал агрессивно критиковать редакторов газеты «Батай синдикалист» его наконец исключают из ВКТ. В 1914–1920 гг. он был членом суда по трудовым конфликтам, представляя рабочих металлургической и ряда других отраслей промышленности департамента Сены. Постепенно он окончательно отходит от какой бы то ни было деятельности, связанной с синдикализмом.

Умер Эмиль Пато 13 января 1935 г.

Эмиль Пуже (12.09.1860 – 21.07.1931) родился в городке Пон-де-Салар, департамента Аверон. Его отец, бывший нотариусом, умер еще молодым в 1863 году. После этого мать повторно вышла замуж.

Уже в юности Эмиль Пуже проявляет интерес к журналистике, основав в пятнадцать лет (по др. данным — в четырнадцать) газету «Республиканский школьник» (*Le Lycéen républicain*). В 1875 г., умирает его отчим, оказавший на формирование его политических взглядов, так как придерживался республиканских убеждений. Вынужденный зарабатывать себе на жизнь, Пуже бросает учебу. Он отправляется в Париж, где устраивается на работу в магазин и довольно быстро оказывается вовлечен в активную политическую жизнь города.

В 1879 г. Эмиль Пуже участвовал в создании Профсоюза работников текстильной промышленности. Тогда же он опубликовал свою первую, антимилитаристскую, брошюру. Уже в этот период Пуже становится анархистом, в качестве делегата от французских групп, принимает участие в лондонском международном конгрессе 1881 года¹. 9 марта 1883 г. он был арестован. После разгона демонстрации безработных он повел порядка 500 человек на бульвар Сен-Жермен. В ходе шествия был разграблен хлебный магазин. Вместе с Эмилем Пуже в демонстрации участвовала знаменитая французская анархистка Луиза Мишель. Когда полиция схватила Луизу, Пуже попытался ее освободить, но сам оказался арестован. В результате Луиза Мишель была осуждена на двенадцать лет тюремного заключения, а Пуже — на восемь. Он был освобожден через три года. Официально он был осужден «за вооруженный грабеж». В январе того же года в Лионе, по обвинению «за принадлежность к Интернационалу», на пять лет тюрьмы был осужден Петр Алексеевич Кропоткин.

В феврале 1889 г. Пуже начал выпуск газеты «Сачок-работяга» (*Le Père Peinard*)². Это было издание, говорившее «на языке улиц» и потому имевшее большое влияние. Стоит отметить, что хотя Пуже был талантливым журналистом и публицистом, вместе с тем он не умел выступать на публике³.

¹ <http://www.pelloutier.net/glossaire/detail.php?id=7>.

² Brown G. Opt cit. P. xiv.

³ Скирда А. Индивидуальная автономия и коллективная сила. Обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г. Париж: Громада, 2002. С. 80.

В феврале 1894 г. на волне антианархистской компании, развернувшейся во Франции, газета была закрыта, а сам Пуже эмигрировал в столицу Британии Лондон. Здесь он выпустил еще восемь номеров газеты (1894–1895 гг.). Между тем, во Франции прошел судебный процесс над тридцатью анархистами, был введен закон, запрещающий анархистскую пропаганду и даже использование самоназвание «анархист»; Пуже судили заочно в его отсутствие¹.

Пуже вернулся во Францию в 1895 г. в связи с амнистией, объявленной президентом Феликсом Фором, и возобновил (под новым названием *La Sociale*) издание своей газеты. В октябре следующего года он вернул и прежнее название. Издание было вновь прервано в мае 1899 года (последний раз выпуск газеты был возобновлен в апреле 1900 г. и продолжался до 1902 г.).

Во время своего пребывания в Лондоне Пуже знакомится с профсоюзным движением Англии, постепенно становится сторонником синдикалистской тактики. На конгрессе ВКТ 1897 г., проходившем в Тулузе, он сделал доклад о таких формах рабочей борьбы как бойкот и саботаж. По его инициативе и при поддержке Фернана Пуллутье с первого декабря 1900 года начала выходить газета «Голос народа» (*La Voix du Peuple*).

В 1902–1908 гг. он был заместителем генерального секретаря Всеобщей конфедерации труда, являясь главным выразителем анархистской тенденции в этом профсоюзном объединении. Благодаря усилиям Пуже в 1906 г. была принята «Амьенская хартия» ВКТ, признанная одним из программных документов революционного синдикализма, выразившая его критическую направленность по отношению к политическим партиям, отстаивающая независимость профсоюзного движения от политического.

Необходимо отметить, что именно Эмилю Пуже принадлежала ведущая роль во всесторонней разработке революционно-синдикалистской теории. Конечно, были и другие авторы, внесшие свой вклад в развитие теоретической базы движения, но только Пуже смог настолько целостно ее изложить в своих многочисленных работах, привнеся немалую долю анархистских идей, что во многом проложило дорогу эволюции революционного синдикализма к анархистскому синдикализму². В числе работ французского синдикалиста стоит отметить такие как «Партия труда» (1905), «Основы синдикализма» (1906), «Синдикат» (1907), «Конфедерация труда» (1908), «Саботаж» (1910), «Прямое действие» (1910) и др.

¹ Brown G. *Op cit.* P. xiv.

² Анархо-синдикализм — часть международного профсоюзного движения, основывающегося на анархо-коммунистической идеологии. Считает профсоюз основным средством классовой борьбы трудящихся.

Сторонники анархистского синдикализма выступают против любых политических партий и борьбы за власть, считают необходимым развитие через повседневную борьбу на рабочем месте (в первую очередь) навыков самоуправления, взаимопомощи и солидарности.

Основными способами борьбы признаются такие типы прямого действия как забастовка, саботаж, бойкот и т. п. Большинство анархо-синдикалистов считают, что переход к анархистскому коммунизму, за который они выступают, состоится через организацию всеобщей забастовки.

При этом Пуже не был отстраненным теоретиком, принимая активное участие в деятельности ВКТ. 1 августа – 31 октября 1908 г. за активную деятельность в рядах ВКТ вместе с Жоржем Ивето, Виктором Гриффюэльсом и др. видными профсоюзными активистами, он находился под стражей¹. Причиной их ареста послужила всеобщая забастовка, жестоко разгромленная правительством Жоржа Клемансо².

Между тем внутри ВКТ революционно-синдикалистские идеи и неуклонно утрачивали свои позиции, что привело в начале Первой мировой войны Конфедерацию к оборонческой позиции и поддержке французского правительства.

После 1908 г. Эмиль Пуже отходит на второй план в ВКТ³ и пытается, совместно с Гриффюэльсом и Пьером Монаттом, начать выпуск ежедневной газеты «Революция» (*La Revolution*). Однако его постигла неудача — издание наладить не удалось из-за отсутствия денежных средств⁴. Какое-то время он писал статьи для газеты «Социальная война» (*La Guerre Sociale*), пока та не поддавалась патристическим настроениям, охватившим Францию с началом мировой войны. Постепенно Эмиль Пуже отошел от движения. Во время Первой мировой войны он опубликовал серию статей в газете «Человечество» (*l'Humanité*) — это были его последние сочинения⁵.

Скончался Эмиль Пуже 21 июля 1931 г. в Лозере.

Наследие революционного синдикализма

Теория и практика революционного синдикализма оставили заметный след в истории международного рабочего движения. Именно из него выросли такие массовые профсоюзные организации анархо-синдикалистов, как Итальянский синдикальный союз (УСИ) (до пятисот тысяч в Красное двухлетие — главные борцы с наступавшим тогда фашизмом, и разгромленные жестокими репрессиями с его утверждением в стране), Аргентинская региональная рабочая федерация (ФОРА) (порядка двухсот тысяч в 1920-е годы, активная рабочая организация, раздавленная чередой диктаторских режимов), Свободный рабочий союз Германии (ФАУД) (около ста пятидесяти тысяч в начале 1920-х, ее активисты составля-

¹ Brown G. *Op cit.* P. xviii.

² Правительство Клемансо, который был к тому же еще и министром внутренних дел, старалось подавить рабочее движение, не стесняясь в средствах и методах:

«„Первый полицейский Франции“ (*Жорж Клемансо — А. Ф.*), как он себя называл, продемонстрировал свой огромный талант к репрессиям: 104 года тюремного заключения, 667 раненных рабочих и 20 убитых, а также 392 уволенных только за 1907–1908 г.» (*Скирда А. Указ. соч. С. 114.*)

³ После съезда ВКТ, проходившего в конце 1908 года в Марселе Пуже и Гриффюэльс вышли из секретариата Конфедерации после того как казначей Альбер Леви в их отсутствие занялся проверкой их возможной причастности к хищению денежных средств — позднее все подозрения были сняты.

⁴ Delesalle P. *Emile Pouget's Life As An Activist.* (1931). <http://libcom.org/history/pouget-emile-1860-1931-0>.

⁵ <http://www.pelloutier.net/glossaire/detail.php?id=7>.

ли до 45 % Красной армии Рура — организация развалилась в годы тяжелого экономического кризиса и массовой безработицы, охвативших Германию после поражения в Первой мировой войне), Национальная конфедерация труда (НКТ) в Испании (более двух миллионов членов в годы Гражданской войны 1936–1939 гг.), Центральная организация шведских рабочих (САК) в Швеции, Индустриальные рабочие мира (ИРМ) и т. д. Все названные организации существуют и сегодня (кроме ФАУД, наследницей которой является ФАУ, созданная в 1977 году), хотя их влияние и далеко от того, каким они обладали в 1920–30-е годы. Революционно-синдикалистская теория легла в основу концепций анархо-синдикалистов, основанных на принципах прямого действия и апеллирующих к всеобщей забастовке как прологу революции. Выросшие из революционного синдикализма профсоюзные анархистские организации были разбиты в ходе тяжелой и кровопролитной борьбы международным капитализмом и тоталитаризмом, однако идеи уничтожить не удалось. По окончании Второй мировой войны не произошло массового возрождения революционного рабочего движения, тем не менее постепенно в разных странах движение вернулось к жизни, пусть и крайне медленными темпами.

Сегодня основные профсоюзные организации по всему миру интегрированы в существующую систему. Тем не менее, само рабочее движение живо, и, возможно, по мере ухудшения жизненных условий вернется прежняя острота борьбы между Трудом и Капиталом, каким он был в прошлом. А это уже может вернуть к полноценной жизни синдикалистское движение и его теорию.

Книга Пато и Пуже называлась «Как мы совершим революцию», а по досадной оплошности издателей впервые на русском языке вышла под заголовком «Как мы совершили революцию». С точки зрения истории последовавших за написанием книги ста лет — это смотрится как минимум иронично и даже саркастично, ведь успешных, победивших революций синдикалисты и анархисты так и не совершили. Но, тем не менее — идея осталась жива. Осталось в мире и то, против чего выступали революционеры конца девятнадцатого – начала двадцатого столетий: экономическое неравенство, нищета, голод, войны. Возможно когда-то и выйдет анархистская и/или синдикалистская книга с подобным названием, и это будет не очередная опечатка, или же иронический памфлет, но повествование о действительных событиях, которые еще вполне могут произойти. Так что, кто знает?!

А. Ю. Федоров

ПРЕДИСЛОВИЕ ТОМА МАННА *

С огромным удовольствием я пишу несколько слов, которые призваны привлечь внимание товарищей рабочих и направить его на этот ценный революционный прогноз, предложенный нашими французскими товарищами Пато и Пуже. Значительные изменения, которые произошли за последние годы в революционном движении, вдохновлялись и стимулировались, в первую очередь, тем, что происходило во Франции.

Надежда на государство, вера в то, что государственная машина может быть демократизирована и использована работниками для достижения Социальной революции, или в то, что государство может быть использовано для этой цели, даже будучи «завоеванным» с помощью голосования, больше не разделяются искренними революционерами.

В политических социалистических рядах, как и в среде реакционеров, наиболее часто задаваемый вопрос: «Как вы собираетесь жить без государства»? Данная книга дает ясный и хорошо продуманный ответ, как, по мысли авторов, это может произойти во Франции: и хотя нельзя с уверенностью утверждать, что все должно произойти точно так, все происходящее сегодня побуждает согласиться с основными направлениями прогноза.

Многих особенно заинтересует Глава 7, в которой описываются конкретные действия для достижения реальных перемен.

* Печатается по: Mann T. Foreword // Pataud E., Pouget E. How we shall bring about the revolution: Syndicalism and the co-operative commonwealth. London: Pluto Press, 1990. P. xxix-xxx.

В этой и последующих главах можно проследить, насколько большое значение придается профсоюзам. Именно они играют все более активную роль и самым естественным образом берут на себя ответственность за снабжение людей, обеспечение их одеждой и жильем. Всеобщая федерация, в сочетании с Советами Труда¹ (в книге — Биржами труда), национальными и местными отраслевыми профсоюзами, становится направляющим и контролирующим органом, наблюдающим за обеспечением всеми необходимыми услугами. Именно здесь рабочим Великобритании необходимо усвоить самый большой урок: сами профсоюзы должны уже сейчас готовиться принять или взять на себя ответственность за контроль над всеми вопросами промышленности.

Отметим и важность того, сколь часто авторы говорят о значении кооперативных обществ. Ремесленники и крестьяне в промышленности и сельском хозяйстве легче воспринимают данные изменения, если знакомы с кооперацией. Урок для нас состоит в том, что *все* работники должны без промедления примкнуть к кооперативному движению в области распределения и производства.

Без сомнения, может быть высказана масса сомнений в том, что касается роли армии для класса капиталистов, трудностей на пути к полному рабочему контролю, разрыва с институтами парламентаризма, готовности сельскохозяйственных рабочих обращаться к методам прямого действия и кооперативной обработки земли и т. д., и т. п.

То, что данная книга превосходным образом наводит на размышления, заставляет думать и направляет, мне кажется, признают все, кто ее прочитает.

Приветствуя и поздравляя наших французских товарищей, я искренне советую всем, кто меня услышит, найти возможность прочесть данную книгу, в которой приятно найти предисловие, написанное нашим старым товарищем Кропоткиным.

Методы производственной солидарности и прямого действия все чаще используются здесь, в Британии, и этот интереснейший и поучительный революционный прогноз поможет, я уверен, движению, которое будет предшествовать реальной революции.

*Том Манн
Манчестер, 1913*

¹ Совет труда — местное объединение профсоюзов всех отраслей и специальностей.

Предисловие.

Нам приходится часто слышать, что не надо строить планов будущего общества.

Все эти планы, — роман, говорят нам, и они имеют тот недостаток, что во время революции они могут стеснять творческую силу восставшего народа.

Возможно, что есть доля правды в этом замечании. На некоторое число резонеров — теоретиков „путешествие в Икарию“, Кабэ, оказало, без всякого сомнения, такое влияние. Но таково действие всех трудов по социологии, имевших некоторую известность.

С другой стороны, необходимо, чтобы мы отдали себе отчет, какие конкретные, реальные последствия могут иметь в жизни общества наши коммунистические, коллективистские, или другие стремления. Для этого мы обязательно должны представить себе эти различные стремления в их практических применениях.

Чего мы хотим достигнуть революцией? — Знать это необходимо! Нужны, стало быть, сочинения, которые позволили-бы большинству составить себе более или менее точное представление о том, чего они стремятся достигнуть в ближайшем будущем.

Всегда конкретная мысль, — т. е. вещественное представление о том, к чему стремятся люди, — предшествовала осуществлению. Например, возможно-ли было бы достигнуть современных успехов в воздухоплавании, если бы уже пятьдесят лет тому назад несколько французских физиков и механиков уже не поставили бы себе определенным ясным образом свою, цель, — свой

„роман“, если хотите: „Завоевание воздуха машиной, более тяжелой, чем воздух“?

Нужно только отвыкнуть от привычки, придавать книге, или программе большее значение, чем они имеют в действительности, — как бы прекрасны они ни были.

Книга—не евангелие, которое нужно, либо принять целиком либо оставить. Книга должна только подавать мысль; это—предложение автора читателю, — и ничего больше. Читатель должен сам обдумать предложение, выбрать из него то, что в нем есть хорошего, и выбросить то, что он найдет ошибочного.

С этой оговоркой, нужны, стало быть, — рядом с книгами, которые говорят нам о том, что было достигнуто прошлыми революциями,—другие книги, которые дают набросок, в общих чертах, того, что будущая революция может поставить себе целью осуществить.

И когда люди, которые хвастаются тем, что они „практичны“ (а в сущности вовсе не практичны так как стараются помешать прогрессу), скажут нам: „Все это—роман, утопия...“, мы спросим их, нет-ли и у них также своей „утопии“?

У всех у них, сколько бы их ни было—есть своя утопия, — утопия в разрез с прогрессом. У Наполеона I была своя утопия, — утопия мировой империи, политической и военной; у генерала иезуитов своя утопия — империи, основанной на суеверии и религиозном подчинении. Буржуа вздыхает по, „сильному правительству“, охраняющему, как поется в песне „тех, кто умножает свой капитал, приставляя лишний ноль в итоге“. У Бриана—своя утопия; у Мильерана—своя, у самого Лепина ¹⁾ есть утопия, прошибать головы рабочим на пользу буржуазии.

В самом деле, не имея более или менее ясного

¹⁾ Бывший парижский префект полиции, ревностный защитник буржуазии, который яростно преследовал рабочих во время их выступлений против существующего порядка вещей.

представления о том, чего хочешь достигнуть в общественной жизни, совершенно невозможно воздействовать, каким бы то ни было образом, на ход развития своего времени.

Не нужно только забывать, когда читаешь социальную „утопию“, что автор не предлагает нам ничего непреложного, ничего заранее установленного, в роде планов походов, писавшихся германским генеральным штабом во время войн 1793—1809 годов, которые всегда проваливались, потому, что населения сочувствовали санкюлотам.

Идея, — „общая идея революции“, как говорил Прудон, — вот, что требуется; а не революционные рецепты.

Эту-то общую идею Пато и Пужэ и стараются развить в своей книге.

Естественно, что автор такой книги принужден дать некоторые подробности предполагаемых им событий. Но эти подробности, — читатель сам это заметит, — даны лишь для того, чтобы выразить идеи в делах самой жизни, чтобы не витать в тумане отвлеченностей.

Где произойдет первое столкновение между революционерами, строителями будущего, и защитниками умирающего прошлого, — у статуи-ли Далу ¹⁾ или в другом каком нибудь месте; и решит ли первое же столкновение, на чьей стороне победа, или нет, — это не имеет значения.

Важно отдать себе отчет в общем направлении и, какое следует придать революции.

Будет-ли это продолжение буржуазного индивидуализма и эксплуатации человека человеком, слегка смягченные несколькими законами? Будем ли мы стремиться ввести государственный социализм? Будут ли наши желания направлены в сторону бюрократической централизации — в государстве, в коммуне, в конфедерации труда и синдикатах? или же — в сторону независимости и

¹⁾ Т. е. у статуи Дантона.

свободных союзов производительных и потребительских групп, построенных на общности производства, или общности потребностей? Будем ли мы стараться осуществить централизацию, — иерархическую лестницу в управлении, или же мы будем добиваться окончательного уничтожения управления человека человеком?

Вот вопросы, которые ставит перед нами книга Пужэ и Пато, и которые она приглашает нас обсудить, не отвлеченным образом, а конкретным, — т. е. исходя из самих фактов жизни, из самих потребностей общества.

Разумеется, действительная жизнь — бесконечно сложнее, чем, все, что можно заранее предвидеть. В ней больше неожиданностей, чем в любом романе: мы только что видели это во время последней революционной попытки в России (1905-го года). Но общая картина будущего общества уже рисуется. Мы уже видим, — что начинает прорастать: стоит только присмотреться. Уже чувствуется вся сила желаний равенства, справедливости, независимости, свободных объединений, которая проявляется в обществе. И эти данные уже позволяют нам предвидеть приблизительно к чему мы идем, — лишь бы мы изучали то, что уже проявляется, вместо того, чтобы спорить о том, что тот или другой хотел бы, чтобы наступило.

Руководимый такими взглядами, я попробовал, лет тридцать тому назад, нарисовать в книжке „Хлеб и Воля“, коммунальную утопию ¹⁾

Пато и Пужэ изображают теперь в своей книге синдикалистскую утопию в целой стране. Они показывают нам, каким образом, синдикаты, т. е. группы, созданные для борьбы с капиталом, могут превратиться, во время революции, в производительные группы; каким образом они могут работать, — каждый синдикат в той области, которая ему свойственна, — для пере-

¹⁾ В городской коммуне, об'явившей свою независимость.

стройки общественного производства и общественного распределения продуктов, — не ожидая для этого приказов свыше. Они очень увлекательно рассказывают, как производственные, коммуналистические, т. е. общинные, об'единения и кооперативы могут взять на себя обязанности, которые присваивают себе до настоящего времени государство и коммуна под начальством государства; как синдикаты будут вести необходимую статистику и сообщать друг другу статистические данные, не ожидая вмешательства бюрократических „статистических комитетов“; как они совершат экспроприацию на деле... И так далее.

Конечно Пато и Пужэ рисуют нам еще не анархию. Но организация, о которой они поведствуют нам, имеет уже то преимущество, что она не основана больше на иерархической—лестничной и чиновничьей—бюрократии, как основаны были все организации, прославлявшиеся до сих пор социалистами-государственниками. Чувствуется, наоборот, в книге Пато и Пужэ живительный дух анархии в их представлении о будущем, — в особенности, на страницах, посвященных производству и обмену. И над тем, что они говорят в этом отношении, должен серьезно задуматься каждый рабочий, горячо любящий Свободу, Справедливость и Равенство, так же как и каждый, желающий избежать кровавых столкновений в будущей революции.

Возможно, что Пато и Пужэ платят еще довольно большую дань прошлому. Это неизбежно в книгах такого рода. Их „Конфедеральный съезд“, на котором обсуждается вопрос, — нужно ли предоставить обществу обеспечение детей, инвалидов и стариков, занимается, по нашему мнению вопросами, которые будут лучше разрешаться на местах, без центральной палаты. И когда этот съезд решает, что никакая корпорация, никакая „общественная служба“ (т. е. никакое предприятие в области общественно-необходимого труда) не может „жить обособленной жизнью от коллектива“ (стр. 163 подлинника) он решает вопрос, который местная жизнь одна лишь в

состоянии разрешит. Что касается „Конфедерального Комитета“, то он слишком много заимствует у того самого правительства, которое он только что свергнул.

Эти великие вопросы (в их главных, общих чертах) именно и должны стать теперь предметом обсуждения. Авторы поставили их нам; они указали нам одно направление в их решении: и мы должны обдумать их предложение — раньше чем революция призовет нас к действию! — Тогда тот, кто проникнется духом книги Пато и Пужэ, уже будет в состоянии высказаться по поводу этих вопросов с некоторой независимостью суждения. Весьма вероятно, что он найдет централизацию ненужной и сможет подать даже мысль о средствах избежать ее.

Кроме того, в этой книге особенно приятно отметить дух терпимости, которым она проникнута по отношению к различным направлениям, отличным от направления самих авторов: терпимости и добродушия, характерных для французского рабочего населения и представляющих такую яркую противоположность с любовью к регламентации, к указам, к общим государственным законам, которые еще так процветают у народов, не переживших опытов французского народа.

Стремление авторов к примирению видно также в новой их идее, где они предлагают сочетание коммунизма для всех предметов первой необходимости, с книжкой „трудовых чеков“, выдаваемой каждому члену общества для приобретения предметов роскоши. Эта идея, напоминающая идею „Двадцатого Века“, Беллами, сильно заслуживает, что бы ее обсудили ¹⁾.

Наконец, ту-же терпимость мы находим в предложении, с одной стороны — экспроприировать крупные поместья и эксплуатировать их синдикатами земледельческих рабочих; а с другой стороны — сохранить и мелкие

¹⁾ Беллами написал прудонианский план перестройки общества, с которым я тоже советую познакомиться всем товарищам (Прим. русс. изд.).

и средние земельные хозяйства, которые будут по прежнему обрабатываться их теперешними хозяевами.

Верные этому принципу терпимости, авторы придают также, с большим основанием, первенствующее значение пропаганде примером, вместо того, чтобы возлагать свои надежды на голосование, на законы и на гильотину для непокорных.

Хотелось бы, однако, чтобы они применили более широко этот принцип к сидящим в тюрьмах. Смелый поступок, в роде того, который совершил Пинэль, если он будет повторен где-нибудь по отношению к тюрьмам, уничтожит когда-нибудь все сомнения на этот счет¹⁾.

Единственный упрек, который я позволю себе сделать авторам,—вернее поправка, чем упрек,—это то, что они значительно смягчили сопротивление, которое по всей вероятности, социальная революция встретит на своем пути. Неудачи революционной попытки в России в 1905 году показали нам всю опасность подобных иллюзий.

Конечно, это сопротивление не будет страшно, если к тому времени революционный дух, т. е. смелость в разрушении старых учреждений и старых понятий распространится в деревнях и городах, одновременно с бунтовским духом. В таком случае успех революции будет обеспечен. Но, к сожалению, нельзя быть уверенным, что случится именно так. Мало ли мы знаем прекрасных бунтарей, одаренных непоколебимой личной храбростью и, однако, не обладающих смелостью революционного духа?

Этого особенно нужно бояться в отсталых областях. И на это, главным образом, следовало бы уже направить усилия тем, кто,—как авторы этой книги,—пони-

¹⁾ В конце 18-го века умалишенных содержали ужаснейшим образом, в цепях, как диких зверей. Пинэль, придя в такой дом, велел снять все цепи и отворить все „одиночки“—и, конечно, несчастные, гуляя по своим камерам и саду, не натворили никаких ужасов (*Прим. русс. изд.*).

мает революцию, не как царство террора и снятие человеческих голов, но как рубку леса капиталистических и государственных, централизационных понятий.

Парламентская партия, которая ждет своих успехов от искусственно подобранного избирательного большинства,—и якобинцы, которые рассчитывают на ужас, внушаемый их „карательными отрядами“,—могут смотреть на отсталые области, как на пустыки. Они легко забывают,—а может быть и никогда не знали этого,—какие кровавые раны были нанесены революции в 1793 году Югом Франции и Вандеей. Но для нас, которые знаем, что,—или народ совершит революцию, или революция не совершится, умственное завоевание будущих Вандей является настоящим долгом.

И если мы займемся этим, мы скоро найдем, в чем социалистические учения, в том виде, в каком их проповедывали до сего времени, остались неполными. Мы узнаем тогда, что представляется в этих областях идеалом,—еще бессознательным,—и мы также узнаем, что нужно сделать, чтобы привлечь на сторону революции всю земледельческую Францию.

Обо всем этом книга Пато и Пужэ заставляет нас подумать, а потому ее следовало бы распространять повсюду, всюду читать ее и всюду обсуждать.

Чем лучше мы будем знать, чего мы хотим, тем меньше революция встретит препятствий на своем пути; тем меньшую борьбу ей придется вынести; и тем меньше жертв она будет стоить.

27 февраля 1911 г.

Насколько необходимо было серьезное обсуждение вопроса—„что делать, когда представится возможность совершить социальную революцию?“ мы видим теперь. Когда представители французских и английских рабочих основывали в 1864 году первый Интернационал, то французские рабочие, зная из горького опыта 1848 года, к каким ужасным последствиям привела революция, начатая без всякого определенного представле-

ния о том, к чему желательно ее привести,—внесли в программу Интернационала выработку основ и целей социальной революции. И в первые годы своего существования, Интернационал занимался этими вопросами. Организация „общественных служб в будущем обществе“ и роль в нем государственного элемента были предметом серьезных докладов и обсуждения в некоторых секциях Интернационала, а также и на конгрессе в Брюсселе, в 1868 году.

Но скоро обозначились два противоположных направления. Одно, продолжая держаться государственных утопий древности, шло за программю государственного социализма, принятою в заговоре Гракха Бабефа в 1795 году, за государственной утопией Кабэ („Путешествие в Икарию“) и особенно за планом государственного „коллективизма“, как его разработал в сороковых годах последователь Сен-Симона и Фурье,—Пеккер. Другое же направление, выразившееся сперва в „мютюэлизме“ („взаимности“) Прудона, а потом перешедшее в „Анархию“, стояло за безгосударственную перестройку, начиная с независимых общин и производительных союзов, объединяющихся в федерации.

Как и следовало ожидать в теперешнем обществе, планы государственной коммунистической перестройки взяли верх над еще новою идеей построения нового общества на федеративном начале. „Захват власти“, за которым должна была последовать перестройка общества законами сверху вниз—вне общественной самостоятельности—стал широко проповедываться в Европе. Только в латинских странах, где продолжал жить дух независимых городов и общин, держался, с одной стороны синдикализм, а с другой—коммунализм, т. е. право каждого города и группы деревень самой перестраивать по своему свою экономическую жизнь. Да еще в Англии зародился (у Фабианцев) так называемый гильдейский социализм, т. е. общинный (коммунальный) синдикализм.

Тем временем у нас, в России, где самодержавие

зажилось так же долго, как в Англии оно зажилось в 17-м веке и во Франции в 1789—93 годах, тоже произошла революция, которая,—как это было неизбежно в 20-м веке,—скоро приняла социалистический характер. И тут взяла, конечно, верх та партия, которая не считала пустым занятием выработку плана перестройки общества на коммунистических началах, обсуждала его, а потому, очутившись довольно неожиданно у власти, проводит теперь план государственного коммунизма и коллективизма.

Но эти планы государственного социализма встречаются на каждом шагу с такими невероятными трудностями,—вытекающими из самой природы человека,—что выполнить их в первоначальной их форме оказывается невозможно. Мало того, по мере того, как их проводят в жизнь, создается такой громадный контингент бюрократии, что из него возрождается новая буржуазия. Многие—весьма многие—спешат, поэтому вывести заключение, что никакая форма социализации производства и потребления неосуществима; а потому, заключают они, остается одно: вернуться к прежнему, капиталистическому строю.

Но и этот строй уже доказал свою невозможность. Он, роковым образом, привел „образованные“ государства к катастрофе войны, ужасающие последствия которой только теперь реализуются несчастными народами. И, таким же роковым образом этот строй должен вести к новым, еще более ужасным войнам, если только продолжится капиталистический и государственный строй. Пока существуют Капитал и Государство, будут такие же „семилетние“ и „тридцатилетние войны“, как писал Герцен.

Полной, глубокой перестройки—не избежать человечеству. А потому, вопрос о том, в какой форме можно совершить перестройку, остается таким же насущным и живым, каким он был, когда Пато и Пужэ писали свою книгу.

Они сделали свое предложение и дали материал для суждений. Наше дело—обсудить их предложение,

увидеть его достоинства и недостатки и, оставаясь в области фактов действительной жизни, предложить свои поправки.

П. Кропоткин.

Дмитров. Июнь 1920 г.

К читателям.

При крещении наша книга переменяла название. Винават издатель, который, поднося обложку к купели,— типографская краска является купелью для книги,—ее бесстыдно саботировал.

Не отличаясь ворчливым характером, мы не храним злобы против него... и выступаем с защитой его перед вами; как и мы, вы простите нашему издателю.

И, однако, саботаж очевиден!

Вместо анохронического заглавия, которое выставлено на обложке, должно было ярко выступать в трех строках:

Как мы совершили революцию.

Такое заглавие должна была носить наша книга.

Ибо вы все знаете, что революция совершилась!.. Капитализм умер.

Давно смерть подстерегала старое общество. Агония была тяжелая. Животное не хотело умирать. И, однако, чорт знает, как оно было больно!.. Наконец, последний его час пробил.

Событие это ожидалось так давно, что рабочий класс, который ждал наследства, не был застигнут врасплох. Он предварительно проделал мыслительную работу, которая, когда настал психологический момент, позволила ему одержать победу над всеми трудностями: мало по малу, он приобрел общественный навык, сделался способным управлять своими делами, без посредников, без подставных имен.

Рабочий класс применил к себе слова, сказанные Сийесом, по отношению к Третьему сословию, в конце восемнадцатого века, и уставши быть ничем, он захотел быть всем!

Противупоставляя себя буржуазному классу, он провозгласил себя в состоянии перманентного восстания против него и готовился сменить его. В трещины капиталистических учреждений он клал зародыши новых, и, благодаря животворному влиянию идеи всеобщей стачки, он освоился с мыслью об экспроприации, которую он считал необходимой и неизбежной.

Уже в 1902 г. Всеобщая Конфедерация Труда предприняла анкету, которая говорила о намерениях пролетариата:

Она обратила внимание синдикатов на то, что они должны будут делать в случае победоносной всеобщей стачки. Она предлагала им обсудить, каким образом они приступят к превращению из групп, организованных для борьбы, в производительные группы? Она спрашивала их, как они произведут экспроприацию средств производства и как они представляют себе реорганизацию заводов и мастерских? Какую роль по их мнению будут играть в новом обществе корпоративные федерации и биржи труда? На каких основах, полагали они, будет производиться распределение продуктов?

Вся социальная проблема, выставленная в вопросах.

Эта анкета не была, впрочем, единственным признаком забот, все больше и больше поглощавших рабочий класс. Вопрос „что нужно делать на другой день всеобщей стачки?“ преследовал неотступно рабочих, и засев в мозгу, стал принимать конкретную форму, проявлялся.

Вот почему, когда разразилась революционная буря, народные массы не растерялись, знали, чего хотели. Вот почему после битвы, после разрушения, они сумели сейчас же заняться строительством нового!

Это был период невероятного энтузиазма. Наиболее

хладнокровные, наиболее бессознательные были выведены из обычного равнодушия возбуждались вместе с другими.

Великие и прекрасные дни бури и горячей борьбы! Трагичные при переживании... приятные при воспоминании.

Мы расскажем, какова была эта революция, величайшая и самая глубокая, какую только совершили до сих пор.

Мы перенесемся в те дни и переживем этот несравненный, величественный период. Будем присутствовать при рождении мира.

Эмиль Пато.

Эмиль Пуже.

Қақ мы совершили революцию.

Г л а в а I.

РАЗГРОМ.

В это весеннее воскресенье 19... года, после полудня, тысячи бастующих строительных рабочих отправились в манеж Святого Павла. Собравшаяся в зале толпа, уже возбужденная долгими днями стачки, наэлектризованная опьяняющими речами ораторов, раздраженная топтанием по грязному полу, покрытому опилками, издающими запах навоза, начинала волноваться.

В воздухе была гроза. Чувствовался сдержанный гнев, готовый вспыхнуть.

Уже две недели, как строительные рабочие перестали работать и вся корпорация принимала участие в борьбе.

Рабочие, упорствующие в борьбе, хотели победить,—а хозяева, уверенные в поддержке правительства, отказывали в малейших уступках.

Матинг кончался.

При выходе были приняты обычные полицейские меры, мешавшие свободному проходу. Узкую улицу, где находился манеж, легко было заградить, и это дало возможность сплотить кордоны полицейских. Из излишней предосторожности публика подвергалась строгой фильтрации,—пропускали только по одному человеку, так что зала опустошалась страшно медленно.

Толпа пришла в раздражение. Как черезчур сжатое тело, она быстро раздалась и бешеным натиском разомкнула заграждавшие ей дорогу сомкнутые ряды полицейских. Несмотря на свою массивность и значительную численность, полицейские центральных бригад были оттиснуты, и публика стала выходить быстрее.

Полицейские чины, обозленные неудачей, постигшей принятые ими предосторожности, приказали своим отрядам вновь сплотиться и направили их навстречу шумной толпе, идущей по улице Сэнт-Антуан.

Стачечники не отступили. Произошло столкновение, которое через короткое время перешло в настоящее сражение: столы и стулья, взятые с террас кафе, доски, опрокинутый трамвай, превратились в баррикады. Рабочие горячо сопротивлялись; бой был ожесточенный.

В то время как на улице Сэнт-Антуан происходили эти события, одна колонна стачечников прошла на улицу Риволи и направилась к большим бульварам. Так как встреченные ею городовые и несколько сторожевых солдатских постов, охранявших строительные мастерские и расположившихся то здесь, то там небольшим лагерем под открытым небом, не были достаточно сильны, чтобы загородить ей дорогу, она беспрепятственно достигла бульваров.

Последние были полны гуляющей публикой, а также празднующимися, сидящими за столиками на террасах кафе. Манифестация застала врасплох всю эту толпу, вызвала испуг и произвела сумятицу. Увлечши часть толпы с собой, манифестанты бурным потоком направились к площади Маделен, вместе с примкнувшими к ним любопытными и молодежью.

Префект полиции, уведомленный об этой манифестации, дал приказ направить против манифестантов банды полицейских. Чтобы ускорить дело, их повезли по подземной железной дороге и высадили на Оперной площади. Эти банды, к которым прибавили солдат, стороживших строившиеся дома на площади и соседних улицах, пустили навстречу стачечникам.

Столкновение произошло по близости от театра Водевиль. Полицейские, с саблей наголо, бросились на манифестантов. Последние, возмущенные и раздраженные, не бежали. Они защищались, как могли, вооружаясь всем, что попадало под руку. Но как неравна была эта борьба! Вскоре раздалось несколько выстрелов. Кем были сделаны первые выстрелы? Стаечниками? Неизвестно. Во всяком случае, со стороны манифестантов было больше жертв, чем со стороны полицейских.

Манифестанты стойко держались, и борьба только сильнее подзадоривала их. Чем все это кончится? Хотя плохо вооруженная, толпа была страшна своей яростью и стремительностью. Но полицейские чины не хотели, чтобы их подчиненные отступили; они прибегли к помощи войска.

Солдаты, в горячке сражения, от полученных ударов, потерявшие остатки сознательности, повиновались, как автоматы. Когда им скомандовали стрелять, они прицелились и выстрелили!..

Толпа с силою подалась назад. Можно было подумать, что по ней прошли с косою! Теперь к крикам гнева и проклятий примешивались крики боли. Помимо раненых, многочисленных в рядах рабочих, были и убитые.

Прибыла спешно вызванная кавалерия. Она двинулась к бульварам по прилегающим улицам и ей удалось расстроить ряды манифестантов. Но толпа, несмотря на то, что ее раскололи на несколько частей, не рассеивалась. Группы, отброшенные от главной артерии, собирались опять вместе, тесной толпой направлялись к предместьям, отправлялись в залы, где происходили в этот вечер собрания. По дороге манифестанты громко возмущались и всюду распространили вести о сражении, об избиении.

После стрельбы наступил короткий момент томительного затишья. Манифестанты подобрали раненых, перенесли их в соседние аптеки. Что касается убитых, их тела, тщательно охраняемые товарищами, положены

были на автомобилях и перевезены в помещение Федерации строительных рабочих. Туда, в одну из зал, наскоро преобразованную в покойницкую, были внесены группы несчастных.

Трагические события этого дня, так быстро поднявшиеся до диапазона гражданской войны, не разразились под безоблачным небом. Атмосфера была уже сгущенная, злоба и гнев наполняли воздух. Переживали смутный, тревожный период. Чувствовалось по общему беспокойству и нервозности, что ничтожные, малейшие инциденты могли превратиться в крупные события.

Длинная и суровая зима увеличила причины беспокойства. Рабочие семьи терпели тяжелые лишения: к испытаниям, которые принесла с собой зима, присоединилось недовольство дороговизной продуктов, которая не могла объясняться их недостатком. Народ обвинял в вздутии цен на продукты скупщиков съестных припасов.

С наступлением весны брожение среди рабочих усилилось. Точно под лаской солнечных лучей, хотя мало согревавших еще, рабочими овладела потребность действия, необходимость расправить свои мускулы, испытывать их крепость, чтобы убедиться, что суровая зима не уменьшила их силу.

Впрочем, антагонизм между рабочими и хозяевами дошел до такой степени, что можно было предположить, что он достиг максимума напряжения. Оба лагеря считали друг друга как бы в постоянном состоянии войны, — прерываемой только перемириями, которые вносили в отношения между наемными и наемщиками лишь короткие передышки.

Обе стороны организовались солидно для борьбы. В противовес рабочим синдикатам и их корпоративным федерациям, которые объединяла Конфедерация Труда, капиталисты во многих отраслях промышленности организовали тресты или, по крайней мере, устроили ассоциации для предохранения и защиты против стачек. Таким образом, как только их спокойствию угрожала стачка,

хозяева отвечали л о к а у т о м,—выбрасывая с заводов и из мастерских безразлично всех рабочих корпорации.

Эти способы самозащиты хозяев во многих случаях болезненно отражались на рабочих, погружая их в нищету и, на некоторое время, внося расстройство в жизнь заинтересованных синдикатов. Так как эти кризисы бывали лишь временными и частичными, то они причиняли бедствия только некоторой части пролетариата. Рабочий класс в целом чувствовал последствия этих мер только благодаря солидарности: поэтому, далеко не ослабляя бурного характера его требований, они только увеличивали их настойчивость.

Действие их, стало быть, было диаметрально противоположно тому, на какое рассчитывали хозяева: они не ослабили энергию борцов, но толкнули в ряды синдикатов самых нерешительных, самых инертных, наименее воинственно настроенных пролетариев.

Случилось то, что отмечается в эпохи революционного брожения: сделанные попытки подавить революционное движение только послужили ему на пользу.

В данном случае самым заметным последствием репрессивных мер капиталистов было то, что разрыв их с рабочим классом стал более глубоким, более полным, так что теперь были редки периоды затишья. Когда кризис ослабевал в одной корпорации, он усиливался в другой. Стачки следовали одна за другой; на л о к а у т ы отвечали бойкотом; саботаж свирепствовал с такой силой, что был разорителен для капиталистов.

Дело дошло до того, что промышленники и коммерсанты стали уже считать мало завидным—даже невыносимым,—свое положение привилегированных.

В политическом отношении горизонт был не менее мрачным, чем в экономическом отношении. Республика потеряла свою прежнюю привлекательность. Вместо того, чтобы стать тем, о чем мечтали при империи—социальным строем, носящем в себе зачатки нового мира,—она была тем, что ее общественная структура делала неизбежным: правительство, как и его пред-

шественники, вершило дела владеющего класса—буржуазии.

Власть переходила из рук одной партии к другой, но народ не чувствовал для себя от этого никакой перемены к лучшему, не видел никакого ощутительного прогресса. Люди, выступавшие как консерваторы, оказывали поддержку своим противникам, которые выставляли себя новаторами, украшали себя ярлыком социализма. Но эти последние, которые, находясь в оппозиции, боролись за великие принципы,—за истину! за справедливость!—достигши власти, ставши более сильными, не были лучше других.

Это окончательно разбило народные иллюзии; наименее предубежденные ясно видели, что парламентаризм носил в сердце своем болезненные зародыши, парализующие добрые намерения, растлевающие совесть.

В довершение всего, пороки парламентаризма: плутовство, торговля влияниями, грабеж общественной казны, всякого рода торгашества, мерзости, скандалы, грубо выставлялись на показ. Министерства были лавочками, в которых наименее бесчестной торговлей была торговля орденами,—что причиняло лишь ущерб кошелькам честолюбцев.

Вся эта грязь, весь этот позор, который государство фатально расточало, не был чернее и гнуснее, чем при старых режимах. Но у народа развилось критическое чувство, его прозорливость увеличилась и ему было противно то, что его раньше не трогало. Поэтому, отвращение его и недовольство не заставили его потерять представление о действительности: он не смотрел назад и не рассчитывал получить ничего полезного от возвращения к отжившим формам государственного правления. Если он был пропитан скептицизмом и терпел парламентаризм,—как болезнь, от которой не знают как вылечиться,—он знал, по крайней мере, что ни одно из специфических политических средств не было действительным лекарством против него.

Эта зрелость мышления, этот рост сознания, ко-

торые народ приобретал все больше и больше, недостаточны были все-таки, чтобы осветить ему вполне его путь. Он предчувствовал, что агрегаты новой жизни были за парламентаризмом; он предвидел зачатки ее в экономическом федерализме, о котором говорили синдикалисты; он чувствовал, что в нем растет социальная сила, которая уничтожит военную, государственную и капиталистическую силу, идущую к закату... Но это были лишь смутные стремления. Чтобы дать им тело и форму, нужно было революционное семя.

Против рабочего класса, становящегося все более и более могучим и сильным, сознание которого все более и более развивалось, правительства действовали то мягко, то насильственным способом. Но ни безумное подавление и бешеные преследования, ни мягкие меры, подкуп и раздача мелких благодеяний, не обессилили его. Народные массы поддерживала такая сильная воля, они были так глубоко пропитаны бунтовским духом, что ничто не подавляло их. В них жила импульсивная сила, которая расстраивала все реакционные проекты, и репрессивные меры, казавшиеся наилучшим образом комбинированными, кончались неудачей; тогда как, наоборот, несчастья народа, недостаток ловкости и также его ошибки служили успеху его дела.

Это явление, которое уже часто отмечалось, становилось еще рельефнее по мере того, как разворачивались события.

Синдикалистские организации, очаги народных стремлений, были постоянной опасностью, которую власть старалась сломить,—то нападая на эти организации открыто, то лицемерно подкапываясь под них. Ничто не действовало!

Когда правительство становилось любезным, уступчивым и пыталось задобрить рабочих, последние, далеко не поддаваясь лести, пользовались обстоятельствами для усиления борьбы.

Также они не падали духом, когда, переменяв тактику, правительство возвращалось к своим грубым

приемам и при самом ничтожном конфликте мобилизовало армию, посылало ее с одного поля битвы на другое и увеличивало число трагических событий.

Как в том, так и в другом случае, рабочий класс становился более воинственным. Он завладевал улицей, привыкал к боевой тактике. Он учился не бежать перед бандами полицейских и давать отпор войскам, пущенным против него.

При таком поведении правительства, которое то выказывало нежные заботы по отношению рабочего класса, то школило его, последний стал глубоко презирать его, ненавидеть и терял с каждым днем свою пассивность.

Поэтому то инцидент, происшедший при выходе, по окончании митинга, из манежа Св. Павла, так быстро перешел в сражение, превратился в бунт.

Две недели, как стачка строительных рабочих волновала Париж. Она началась с небольшого конфликта в одной мастерской. Несколько рабочих, обиженных в своих интересах, обратились к солидарности своих товарищей, те оставили работу и быстро вся мастерская забастовала. Хозяева, ошьяненные своей сильной коалицией, вместо того, чтобы постараться ограничить конфликт, сочли полезным его обострить, и, распространяясь, переходя с мастерской на мастерскую, забастовка охватила всю строительную промышленность.

Одновременно были об'явлены другие стачки, как в Париже, так и в провинции, усиливая общее тревожное состояние, возбуждая умы.

В одном только Париже, по приблизительным цифровым данным, статистика насчитывала сто тысяч стачечников, принадлежавших к различным категориям труда.

В провинции движение, хотя более разбросанное, было не менее сильное. И, характерный симптом, движение не ограничивалось промышленными центрами; земледельческие области тоже были заражены. Всюду, при малейшем инциденте, трения и стычки между трудом и

капиталом превращались в бурные конфликты, в стачки с возрастающей остротой.

В этой разгоряченной атмосфере, в которой зрела и развивалась ненависть против капиталистов и правительства, как электрическая искра, облетела весь Париж, весть о стычке с полицией у манежа Святого Павла и о происшедшей затем драме, облившей кровью рабочих мостовую больших бульваров.

Сначала на всех напало оцепенение, ужас. Потом рабочие гневно сжали кулаки. Народная масса всколыхнулась, негодующая, и возбуждение достигло пароксизма.

Гроза разразилась!

Эта бойня, — давшая не больше жертв, чем столько предыдущих, — ускорила события, создала революционное положение.

Г л а в а II.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ИЗБИЕНИЯ.

В понедельник утром Париж имел лихорадочный вид великих дней. Солнце, с красноватым отблеском, с трудом просвечивало сквозь низкое и облачное небо. Дул порывистый холодный восточный ветер. Точно атмосфера отражала душевное состояние народа: он думал мрачные, бушующие думы, которые, как предвещал буйный ветер, должны были вылиться в бунт.

С утра толпа в предместьях была менее густая, чем обыкновенно. Вагоны Метрополитэна, ¹⁾ автобусы, трамваи были менее набиты народом.

Рабочие, которые, по привычке, вышли из дому, чтобы отправиться на работу, жадно читали свою ежедневную газету, только что снятую с печатного станка,

¹⁾ Подземная железная дорога.

еще пачкающую и издающую неприятный запах типографской краски.

У всех сердце сжималось, лица судорожно подергивались от тяжелых предчувствий, смутного беспокойства. В небольших кучках завязывался краткий разговор, высказывались свирепые мысли по адресу правительства.

В общем, доминировал пессимизм! „Это плохо кончится...“, говорили люди осторожные и предусмотрительные. От времени до времени какое-нибудь порывистое и нетерпеливое движение, чей-нибудь гневный возглас выводили толпу из ее бараньего оцепенения.

Отправились на работу только послушные, податливые, покорные рабочие. Но и ими овладевали вспышки гнева, вырывающие из их уст проклятья.

На заводах и фабриках состав рабочих был неполон. И, что важнее, присутствующие работали без обычного жара, в их движениях чувствовалось беспокойство, охватывавшее их.

Накануне, на различных состоявшихся вечером собраниях,—митингах или вечеринках,—события, происшедшие днем, комментировались ораторами, возмущение которых было красноречивее всяких красивых слов.

Члены стачечных комитетов посетили все, одно за другим, эти собрания. Чтобы придать больше драматизма своим речам, они описывали агонию жертв, страдания их близких, боль и отчаяние вдов и сирот. Полные негодования, они заявляли, что пролетарская солидарность должна проявиться в полной остановке работ: „Нужно сейчас же оставить работу, говорили они, не дожидаясь сигнала синдикальных организаций“.

Лозунг, быстро облетев все заводы и мастерские, был молчаливо принят. Поэтому то в понедельник, с утра, течение, благоприятное забастовке, было уже значительно сильнее, и на работу пришла только часть рабочих.

Вскоре по улицам стали снова возбужденные толпы народа, в поисках за новостями, направляясь к улице Гранж-о-Белль, и к Бирже Труда, в особенности

же к тому месту больших бульваров, где произошло избиение и где пали жертвы.

Весь день туда двигалась сосредоточенная, взволнованная толпа, не издавая ни одного звука, и только выкрики газетчиков, продающих последние издания газет, нарушали общее молчание. Когда толпа останавливалась и образовывались группы, полиция сейчас же разгоняла их. Она бросала свое традиционное „расходитесь“ необычным тоном, в котором слышилось смущение, и народ повиновался с сожалением и неохотно. Толпа как бы просыпалась от долгого оцепенения; она смотрела на полицейских с отвращением, не имея еще энергии оказать им сопротивление.

Ночью были принесены букеты цветов и сложены пирамидой на местах, где была кровь. Власти, боясь усилить возбуждение народа, не тронули их, ограничились тем, что усилили полицейские меры и увеличили число солдат на постах у строящихся зданий и в переулках.

Советы синдикатов, комитеты федераций и Всеобщей Конфедерации Труда собрались в срочном порядке. Они приняли решение, какое все предвидели,—объявить стачку солидарности.

Было решено обратиться ко всем рабочим корпорациям с призывом оставить работу и продолжать стачку до тех пор, пока правительство не обязуется открыть преследования против убийц и разыскать истинных виновников преступления,—не одних только простых исполнителей,—тех, кто командовал.

Объявление стачки, скоро ставшее известным, разошлось с такой быстротой, что, хотя было решено начать стачку только со следующего дня, уже в тот же день во многих местах стали бросать работу. Группы манифестантов ходили по фабрикам и мастерским, сообщали о принятом решении объявить стачку и стыдили нерешительных, колеблющихся бросить работу. В большинстве случаев были излишни долгие увещевания; удавалось снять с работы без больших споров.

В то время, как народ начинал шевелиться, со-

бытия, волновавшие его, оставляли безучастными парламентариев. Заявление о намерении сделать запрос в Палате, поданное депутатами-социалистами, было холодно принято сторонниками правительства и правыми, составившими блок против синдикатов. Министры отказали дать объяснения и требовали, чтобы им было выражено доверие без всяких дебатов; после, когда снова все успокоится, они ответят интерpellантам. Кроме того, они заявили, что не надо так трагично смотреть на вещи и что через несколько дней полный порядок будет восстановлен,—оптимизм и слепота всегда характеризовали правительство накануне революций. Поднятием рук компактное большинство одобрило их.

Народ ничего не ожидал для себя благоприятного от парламента и справедливо считал его своим врагом. Он ответил презрением и сарказмом на его индифферентность к себе, не возмущился его поведением. Он не надеялся больше ничего получить от него и сумел показать это отсутствием стремительности отправиться к зданию парламента.

Площадь Согласия, где в периоды волнений конца девятнадцатого века, толпа бушевала, в тревоге ожидая решений парламента, теперь была лишь сборным пунктом для манифестантов.

Рабочий народ, который гурьбой шел с бульваров, куда он ходил из сочувствия к пострадавшим,—или из простого любопытства,—посмотреть на место избиения, был увлечен общим потоком к площади Маделен и площади Согласия.

Он шел туда, потому что его толкала толпа, а не потому что бы его туда влекло!

Вокруг Обелиска и окружающих его фонтанов собралась, стало быть, толпа, на минуту удержанная волшебным зрелищем, которое открылось пред ней: солнце садилось за Триумфальную Арку, освещая Елисейские Поля, обливая огненным отблеском ветви нераспустившихся еще деревьев. Очарованные взоры толпы были устремлены в эту сторону, но никто не смотрел на за-

конодательную палату, мрачное, низкое здание которой имело вид надгробного памятника, производило впечатление мертвой вещи, уже ушедшей в прошлое.

День кончился без слишком крупных инцидентов. Это был выжидательный день, в продолжение которого противники больше наблюдают друг за другом, чем вступают в бой. Столкновения произошли лишь в нескольких пунктах. Они были вызваны нетактичностью полицейских, которые, не учтя до какой степени упала обычная покорность толпы, думая, что они могут расталкивать ее как обыкновенно, имели неосторожность попытаться произвести аресты. Но народ, которым быстро овладевает гнев, вмешался и отчаянно сопротивлялся до тех пор, пока не добился освобождения арестованных или не вырвал их силою. Это неуважение к полицейскому мундиру, этот быстрый отпор, пока еще невинный, были плохим предзнаменованием для власти.

Вечером революционное брожение среди народа приняло другую форму, но не ослабело: так же, как и накануне, были организованы многочисленные собрания, — различные митинги, групповые собрания, собрания синдикатов. Залы были переполнены лихорадочно возбужденными слушателями, и вновь прибывающие, за неимением места столпились в дверях. Ораторы были кратки в своих речах. Время было не до длинных разговоров, нужно было обсудить, какие меры предпринять, действовать с решимостью и силой, чтобы усилить стачечное движение, ускорить его распространение и расширить так, чтобы оно стало повсеместным, единодушным.

Все комитеты синдикальных организаций заседали не расходясь. Конфедеральный Комитет в первом манифесте выставил условия стачки, пред'явив ультиматум правительству, которое должно было привлечь к ответственности убийц, оказать правосудие рабочему классу.

Мы должны отметить в скобках, что в начале этой стачки, последствия которой оказались неисчислимыми, инициаторы ограничивались одним пред'явлением ультиматума правительству. В этом нет ничего удивительного. С

общественными катаклизмами происходит то же, что и с живыми организмами: они рождаются из клеточки, зародыша, который развивается постепенно. Вначале живое существо слабо, революция не имеет определенной формы. Она даже до такой степени неопределенна, что ее самые горячие сторонники, те, которые в глубине своей души зовут ее и хотели бы развить ее до крайних пределов, больше жаждут ее, чем предчувствуют.

Так было со всеми предшествовавшими революциями: они были неожиданны для их противников, и, иногда, для их самых рьяных сторонников. Но во время всех революций глубоких революционеров характеризовало то, что они сумели воспользоваться событиями, всегда были на высоте своего положения, никогда события не опережали их... В этот раз случилось то же самое.

Сделав это короткое примечание, вернемся к конфедеральному комитету. В данный момент его желанием, общим стремлением всех его членов было добиться прекращения работ настолько полного, чтобы правительство получило встряску. В дальнейшем, обстоятельства сами решат, что делать.

Итак, комитет выпустил манифест. Затем он пришел в соглашение с федеральными советами, чтобы послать делегатов в провинцию. Последние должны были отправиться сначала в стратегические в промышленном и торговом отношении пункты: в пункты, где происходит постоянное движение поездов, в центры производства предметов первостепенной важности для общества. Они должны были изложить там причины стачки, возбудить энтузиазм, воодушевить рабочих, которые, благодаря ложным вестям, колебались принять участие в движении. Такова должна была быть их работа в их разъездах по разным центрам.

Не одни только синдикальные группы задвигались. Все революционные организации, антимилиитаристы и тайные общества, устраивали у себя собрания и обсуждали,

какие меры принять для поддержки движения, какой почин взять на себя.

Больше всех работали антимилитаристы. Их деятельность удесятирилась во время стачки строительных рабочих. Перед ними открылось плодотворное поле для пропаганды: урезонивать солдат, рассеянных по Парижу, который, казалось, превратился в укрепленный лагерь, напомнить им, что прежде, чем стать солдатами, они были людьми и, что они не должны были пятнать себя кровью своих братьев по труду.

С неутонимым жаром группы эти отдавались этой работе.

Если со стороны народа стачка принимала все более и более определенный характер, правительство с своей стороны не оставалось бездейственным. Считая лишним усиливать оборонительные меры,—уже внушительные,—принятые им, оно решило употребить усалия, чтобы помешать стачке. Впрочем, оно доверчиво смотрело на положение дел. Предшествовавшие попытки всеобщей стачки всегда были лишь частичными, а потому оно рассчитывало, что будет так же и на этот раз.

Однако, оно не хотело быть застигнутым врасплох; оно хотело показать, что оно способно обуздать движение, угрожающее общественной безопасности,—как для того, чтобы поддержать свой престиж, так и для того, чтобы успокоить буржуазию. Оно могло это сделать, лишь заставив работать солдат вместо бастующих рабочих. В этом направлении оно и дало, стало быть, свои инструкции.

Быстро предпринятая анкета в синдикатах хозяев и в крупных компаниях указала приблизительно число солдат, необходимое для того, чтобы кое-как обеспечить работу на бастующих фабриках и заводах. Ввиду этого была подготовлена мобилизация для индустриализации армии.

Некоторые требовали, чтобы, не откладывая, немедленно же поставили солдат около рабочих. Они утверждали, что тогда никто из рабочих, видя около себя

своего заместителя, готового в любой момент занять его место, не осмелится забастовать.

Хозяева, лучшие психологи, возражали, что этот способ, наоборот, будет иметь печальные последствия, что он вызовет возмущение даже со стороны самых скромных и умеренных. Ограничились тем, что был составлен список профессий и категорий, куда включают, в случае надобности, солдат.

В то время, как в обоих лагерях готовились к битве, ночь надвигалась. Огромный город как бы оцепенел в каком то тревожном ожидании, и наступила мертвенная тишина, составляющая контраст с шумно протекавшим днем. Она нарушалась только мерным шагом патрулей, проходивших по улицам.

Г л а в а III.

ОБЪЯВЛЕНИЕ СТАЧКИ.

Пробуждение Парижа, во вторник, было пробуждением паралитика. Оцепенение, в которое он погрузился ночью, не только продолжалось, но, казалось, еще увеличилось с наступлением дня. Тишина не рассеялась вместе с темнотой. На улицах не было обычного гула, симфонии различных звуков, которые с утра возвещают, что жизнь города началась.

Прекращение работ, которое накануне было лишь так сказать случайным, вызванным личной инициативой, принимало определенную форму, методически расширялось, обобщалось, указывая на влияние решений, принятых синдикатами.

Народное негодование, доведенное до крайности, способствовало усилению движения. Народ испытывал такое глубокое сострадание к жертвам власти и ее сподвижников, так сильно было его негодование, что он

бросился в стачку с чувством облегчения и удовлетворения.

И, однако, его близкие, больше, чем кто-либо, должны были испытать на себе всю тяжесть начавшейся борьбы. Кроме неизбежного прекращения заработка, что для рабочих было непосредственным следствием забастовки, последняя приносила им целый ряд неприятностей и бедствий. Несмотря на все, они шли, не зная, что из этого выйдет, с радостным сердцем, решив стойчески претерпеть все невзгоды, которые будут сопровождать события, в которых они будут играть главную роль.

Привилегированные начали смотреть на возникающий конфликт менее ясным взором. У них не было боевого настроения, не было идеала, за который бы они боролись. Они хотели только спокойно наслаждаться жизнью. А они ясно видели, что стачка внесет пертурбацию в их существование, в привычки, в их удовольствие.

Впрочем, за исключением тех случаев, в которых они были лично непосредственно заинтересованы, они оценивали общественные конфликты не с точки зрения их действительного значения, а по тем беспокойствам и волнениям, какие они им причиняли. Для них стачка нескольких музыкантов, которая лишала их театрального представления, или стачка нескольких десятков конюхов на скачках, которая вносила путаницу в их пари, были более серьезной и важной, чем стачка докеров, останавливающая торговлю большого порта.

Понятно, стало быть, что они были взволнованы и напуганы перспективой стачки всего!..

Однако, при пробуждении они с радостью отметили, что газеты вышли. Правда, последние извещали, что не знают выйдут ли они и завтра, так как стачка их рабочего персонала была лишь вопросом нескольких часов... но это ничего. Они вышли и это было хорошим предзнаменованием.

Но одно зрелище неприятно поразило их радость: все газовые рожки на улицах горели, как до двенадцати

часов ночи. Накануне, фонарщики тщательно обошли город и зажгли все фонари. Затем, со спокойной совестью, они сочли лишним погасить их и спокойно проспали всю ночь.

И много было других еще предметов беспокойства и удивления. И каждый принимал вещи сообразно своему характеру: одних волновали серьезность и трагизм событий, другим было начинать.

Подземная железная дорога больше не функционировала. Однако, персонал, обслуживающий ее, считался очень благонадежным. Революционеры с горькой иронией утверждали, что значительный риск заполучить болезнь (туберкулез производил страшное опустошение в туннеле) вместе с низкой заработной платой способствовали тому, что служащие этой дороги были покладистыми и послушными. Фактически среди служащих Метрополитэна существовал почти один только желтый синдикат, организованный с одобрения компании. Красный синдикат представлял из себя один скелет. Тем не менее, подземная железная дорога не работала!

Утром, когда верный персонал хотел пустить поезда, он не мог это сделать, так как не было электрического тока. Революционеры воспользовались ночью и выключили ток. К тому же, заводы, вырабатывающие электрическую энергию, не работали. Когда рабочие, принадлежавшие к желтым синдикатам, хотели пустить в ход могучие динамо-машины, они увидели, что был произведен основательный саботаж: в подшипники был насыпан наждаковый порошок, некоторые части раз'единены, в некоторых местах было изменено направление тока...

Саботаж был произведен так умело, что приведение в действие динамо-машины было если не невозможно, то во всяком случае довольно опасно для того, кто попытался бы это сделать. Попытаться никто не стал, а занялись исправлением повреждений.

Трамваи и автобусы не ходили. Ночью в различных кварталах были собрания синдиката, и на этих собраниях было решено немедленно прекратить работу. По-

этому в депо, откуда выходят утром трамваи, было мало служащих. Наоборот, у ворот стояла возбужденная толпа, готовая силою помешать выходу вагонов, в случае, если бы нашлись изменники, которые захотели бы все-таки работать.

На улицах не было слышно обычного ранним утром грохота повозок с молоком, которому вторил стук бидонов. Накануне решил об'явить стачку синдикат, так что ни служащие компаний трестов, ни служащие отдельных хозяев не могли поехать с молоком.

С другой стороны, аристократические и торговые кварталы оказались под неприятным и плохо благоухающим бойкотом: на тротуарах ящики с отбросами оставались полны. Наоборот, в рабочих кварталах, населенных простым народом, ящики были пусты, их содержимое, как и всегда, было убрано ночью.

Не одни только возчики нечистот сделали этот выбор кварталов, на которых стачка должна была отразиться тяжелее. В тех же кварталах городские рабочие, занимающиеся чисткой улиц, перестали подметать улицы и бульвары, а также ежедневно поливать их.

Во многих корпорациях были приняты такие же меры бойкота.

Рабочие доказали, таким образом, что при ясном сознании необходимости классовой борьбы они умеют проявить такт, применительно к данным обстоятельствам.

Всеобщая стачка имела целью выявить разрушительную силу рабочего класса и, кроме этой моральной манифестации, нанести материальный ущерб его противникам, задеть их в их потребностях, в их удовольствиях.

Принимая во внимание, что все в обществе сплетено одно с другим, рабочим трудно было нанести удар своим врагам так, чтобы не задеть рикошетом самих себя; они с веселым сердцем решились на эту фатальную неизбежность. Однако, они не считали недобросовестным избежать этого рикошета, если они могли это сделать, не угрожая принципу всеобщей стачки. Такой мотив руководил рабочими, которые по чувству товари-

щества (таковы возчики нечистот и подметальщики улиц) старались смягчить в рабочих кварталах неудобства, вытекающие от остановки работ.

Это ясное сознание необходимого единения и согласия между классовыми братьями, проявляющееся в самый разгар конфликта, был показателем, какую ориентацию принимала всеобщая стачка: за ее первым фазисом, чисто разрушительным и односторонним, должен был последовать фазис действенной солидарности, социального строительства.

Пока, значение конфликта, который был еще в первой стадии, заключалось в демонстрации всемогущества рабочего класса, проявляемого отрицательным актом: бездействие, последовавшее за неутомимой деятельностью.

И это бездействие захватывало все новые и новые области труда!

В булочных не хватало хлеба. Значительной частью рабочих покинула работу. Хозяева, стараясь как нибудь помочь делу, сами принялись месить тесто. Только, во многих пекарнях, хлебопеки,—которые были опытны в стачках,—приняли предосторожности, и перед уходом привели печи в такое состояние, что ими временно нельзя было пользоваться. При этом они не испортили их, не набросали в них вредных, ядовитых веществ. Таким образом, многие булочники оказались в очень затруднительном положении.

В мясных лавках еще не чувствовалось недостатка в мясе. Там стачка давала о себе знать лишь отсутствием достаточного количества персонала, так как многие мясники сняли фартуки и разошлись по домам.

В бакалейных лавках, в больших колониальных магазинах—тот же недостаток персонала.

На центральном рынке, снабжающем весь Париж, не было нагромождения продуктов, какое обыкновенно бывает по утрам. Было тихо, не было обычных толкотни, шума и гама. Большинство огородников окрестных мест, боясь возможных инцидентов, не решились поехать со своим товаром. Так что, если бы не продукты из про-

винции, которые продолжали еще прибывать, рынок был бы совсем в жалком состоянии.

Этот недостаток продуктов отразился на всех кварталах города; торговцы фруктами, овощами, с'естными припасами получили ничтожное количество товара.

Таким образом, с первого дня стачки произошло симптоматическое сокращение существенной отрасли торговли, торговли пищевыми продуктами. А так как вопрос желудка преобладает над всеми другими вопросами в жизни человека, этот предвестник возможного голода только увеличил общее беспокойство, усилил тревогу.

Эта пертурбация, вызванная стачкой, когда она еще только едва начиналась, была ярким доказательством силы рабочего класса. Пролетариат, стало быть, действительно был великим, главным двигателем Общества: это был вол, который с вечно склоненной выей, без отдыха вспахивал твердую землю, оплодотворяя ее своим потом.

Но вот вол, уставши тащить свой плуг под ударами рогатины, заартачился, остановился, поднял голову, устремил свой взгляд в будущее. Что должно было за этим последовать? Доказав, что он сильный и хороший общественный работник, что без него в полях росли бы только сорная трава и колючие кустарники, что без него ничто не имеет ценности, осмелится ли он захотеть быть всем?

Пока он ограничивался пассивным сопротивлением.

В промышленных кварталах, в предместьях и пригородах мастерские пустовали, и над заводами высокие трубы не выбрасывали больше черных клубов дыма.

В Марэ, в предместье Тамплъ и в соседних местностях, где изобиловали мастерские художественных изделий и сотни ремесл,—напоминающие старые ремесленные мастерские,—мастерские граверов, ювелиров, кожаных изделий, изделий из бронзы и т. д., были пусты. Пусты также были на густо населенных улицах, окружающих предместье Антуан, мастерские мебели.

В квартале Сэн-Марсель, на Бьевре, рабочие, вы-

делывающие кожу, прекратили работу. То же самое сделали в квартале Гласьер рабочие фабрик обуви, плавильных заводов и т. д.

В Пантэне, Обервилье, заводы химических продуктов, мыловаренные заводы, спичечные фабрики бастовали. Бастовали также в Сэн-Дэни строительные мастерские и десятки других промышленных каторг, в которых чахли люди, приехавшие на заработки, из Бретани или из других местностей. В Иври, в Батиньоле кузницы не работали; не работали также прачечные в Булони, в Аркейлс, автомобильные мастерские в Леваллюа, в Пюто...

Везде! Везде! Во всех мастерских, на всех заводах, работа остановилась, лихорадочное производство замерло.

Рабочие скрестили руки и только!

Однако, это повсеместное оставление работ не произошло везде само собой, как это было бы желательно. Не раз приходилось поступать обратно евангельскому *compelle intrare*; вместо того, чтобы заставлять войти тех, кто отказывался, приходилось толкать упрямцев к двери, заставлять их выйти.

Эта операция производилась благодушно. Синдикаты мобилизовали делегатов, которым было поручено проверить, везде ли было приведено в исполнение постановление о всеобщей стачки. Товарищи эти служили связующим звеном для отрядов стачечников, которые ходили из квартала в квартал, обходя фабрики и заводы и удостовераясь, вполне ли прекращена была работа.

Там, где работа продолжалась, манифестанты силою врывались в мастерские. Прежде всего они снимали ремни с машин, поворачивали коммутаторы, выпускали пары, гасили огонь... Приняв эти предварительные предосторожности, они об'ясняли затем малосознательным рабочим, продолжавшим работать, насколько их поступок антисоциален; стыдили их, что у них не было солидарности, которую рабочие обязаны иметь по отношению друг к другу; старались дать им понять, что они сами

себе вредили этим, что они будут наказаны за эту измену. Потом, в заключение к своему краткому курсу синдикалистской морали прибавляли: „Живо, все выходите!...“

Иногда манифестанты встречали сопротивление: рьяные старшие мастера, хозяева, проникнутые сознанием своей власти, даже несознательные рабочие, привыкшие повиноваться, старались помешать стачечникам проникнуть в мастерские. Происходили стычки. Если кто-нибудь из поборников порядка вынимал револьвер и угрожал им незванным гостям, его схватывали, отнимали у него оружие и советовали ему не повторять больше таких попыток.

Однако, лишь в небольшом числе случаев некоторые из этих инцидентов принимали трагический оборот, даже когда хозяева обращались за помощью к властям. Последние были забросаны просьбами о помощи; они не знали, кого слушать, кому обещать поддержку, не имея возможности послать полицейских или солдат сразу в сто различных мест, одинаково угрожаемых.

Принятые предварительные меры предосторожности были недостаточны и недействительны. Конные патрули раз'езжали по улицам, сторожевые солдатские посты были расставлены в стратегических пунктах,—но стачечники, которые проходили вихрем, как раз'яренная стихия, не шли слепо вперед, не обращая ни на что внимания; они умели избегать засады, обойти патрули. В нужный момент, они повертывали назад, сворачивали вправо или влево, если нужно было, рассеивались, чтобы потом опять соединиться позади; они не выступали против вооруженной силы, отступали перед ней, не принимая боя... и шли продолжать свое дело дальше.

Эта игра раздражала правительственные войска, утомляла их, тем более, что бесполезно и напрасно бросаясь то в ту, то в другую сторону, преследуя стачечников, они прибывали на место, которое им было приказано защищать, после времени,—констатируя с разочарованием, что те уже тут были и ушли.

У стачечников было перед солдатами преимущество—инициатива; они умели вносить в свою деятельность неожиданности, благоприятствующие успеху.

Они избегали монотонных повторений и всегда одинаковых жестов. Так, чтобы варьировать свои операции, они не стеснялись по выходе с завода отправиться в какой-нибудь магазин — базар или крупный магазин модного платья.

Они врывались сразу через все входы, проходили по всем галереям, выпроваживая приказчиков, которые еще работали. Их неуважение к выставленным товарам было настолько наглядно, что боясь более ощутительной порчи их, директора спешили освободить свой персонал и поспешно отдавали приказания спустить жалюзи над витринами.

И эта толпа рабочих и служащих, выброшенная таким образом на улицы Парижа, усиливала революционное брожение.

В то время, как одни, боязливого характера, любящие сидеть дома, остерегались толпы и отправлялись домой, другие поддавались общему настроению: они присоединялись к стачечникам, к манифестантам, сначала из простого любопытства, потом увлекаемые толпой, поддаваясь лихорадочному возбуждению улицы, они становились такими же горячими протестантами, были за одно с товарищами.

Среди различных зрелищ, какие представлял в этот день город—зрелищ, в которых комичное смешивалось с драмой,—было одно, которое не лишено было пикантности. Сцена происходила между двенадцатью и часом дня на улицах, идущих от площади Маделен к Опере.

В то время, как банки и магазины, торгующие предметами роскоши, которые кишат в этих кварталах, сочли более осторожным не работать, магазины платья и шляпные магазины требовали от своего персонала, чтобы все пришли на работу.

В час завтрака, работницы немного боязливо, но

охваченные сильным любопытством посмотреть, что делается на улице, спустились из своих мастерских, обходя друг друга. Рестораны, обычно чрезвычайно оживленные, откуда всегда раздавались веселье и смех, были почти пусты и в них не было шума; разговаривали тихо, служащий персонал был далеко неполон и недостаточен.

Бастовавшие рабочие швейной промышленности; — главным образом портные, — нашли момент подходящим, чтобы притянуть к общему делу всех рабочих.

Утром попытки их в этих кварталах кончились неудачей, — полицейские и солдаты, занявшие все пространство от улицы де ля Пэ до бульвара Мальзэrb, помешали этому. Теперь стачечники, хорошо знавшие привычки квартала, воспользовались теми минутами отдыха, когда работницы группами прогуливаются по улицам, прежде чем приняться за работу. Они подходили к ним, убеждали их примкнуть к стачке и те вдруг закричали вместе с ними: „Да здравствует стачка!“

Власти были напуганы этими полужутливыми, полувывзывающими возгласами. Они хотели обуздать кричащих, подвнялась буча. То, что было вначале лишь простой забавой, принимало серьезный оборот. Через короткий промежуток времени улица кишела народом; большею частью были женщины. Толпа, насмешливая и возбужденная, неистовствовала, никто не хотел больше возвращаться на работу.

Против этой толпы, которая больше кричала, чем была действительно воинственно настроена и которая вооружена была одними лишь зонтиками, полицейские чины имели неосторожность употребить силу: был дан приказ рассеять толпу, и полицейские бросились с кулаками вперед. Мужчины давали отпор, охраняя насколько могли женщин. Им удалось это лишь отчасти.

Произошла дикая схватка. Женщины, девушки падали на землю, их топтали ногами; другие, перепуганные и обезумевшие от всего происходившего, были охвачены ужасом. В воздухе раздавался сплошной крик отчаяния и боли.

Паника с улицы де ля Па распространилась на соседние улицы. Поднялся ропот, сопровождаемый всеобщим негодованием: полицейские избивают женщин!

Этого было достаточно, чтобы мастерские, где еще продолжали работать, с шумом опустели,—несмотря на хозяев, которые хотели удержать свой персонал и пытались запереть двери, чтобы помешать ему уйти.

Работницы, в нервном возбуждении, возмущенные, разбежались, как стая воробьев, по своим кварталам.

Рассказы о событиях, героями и жертвами которых они были, еще больше увеличили общее возбуждение.

Таким образом, брожение усиливалось не только в силу самой забастовки,—которую ускорили манифестанты, носившиеся вихрем по городу,—но еще и вследствие принятых правительством мер, имевших целью остановить движение.

Все, стало быть, способствовало тому, чтобы придать Парижу вид восставшего города, и пульс его огромного рабочего организма замедлялся, все больше и больше, приближаясь к полной остановке.

Г л а в а IV.

ДА БУДЕТ ТЬМА!

Что будут делать рабочие газовых и электрических заводов?

Что касается последних, вопрос был лишним. Они уже показали себя. Можно было рассчитывать, что они примут участие в движении.

Правительство было уверено в этом. Но это его не волновало, так как оно было убеждено, что выпутается из беды. Быстро разразившиеся стачки 1907 и 1908 годов заставили его принять меры. Оно знало, как внезапное прекращение света, какое произошло тогда, взволновало население; оно знало, какой переполох вызвало нежиз-

данное прекращение подачи электрической энергии, как неприятно действовало это на общественное мнение,—производя на массы впечатление бессилия власти.

Поэтому правительство приняло серьезные меры предосторожности, чтобы избежать повторения этого. После стачки электрических рабочих в Париже в 1908 г., правительство решило держать наготове военных электротехников, которые, в случае стачки, должны были отправиться на завод и занять место стачечников. Итак, были мобилизованы отряды саперов, которые должны были сделать стаж на различных заводах, главным образом, в секторе центрального рынка.

Правительство имело, таким образом, под рукой военный персонал, который не был совершенно неопытным. Он уже знал, как обращаться с машинами и был способен,—так надеялись, по крайней мере,—под наблюдением инженеров, заведующих и надзирателей, в достаточной степени заменить обычный персонал, в случае, если он не явится на работу.

Роль этих солдат-электротехников не должна была ограничиваться одной заменой стачечников; они должны были еще при первой попытке рабочих остановить работу выгнать их с завода, —даже если бы для этого понадобилось прибегнуть к оружию.

Немедленно эти предварительные меры предосторожности были приведены в исполнение. Во вторник с утра различные заводы, производящие электрическую энергию, были заняты саперами. С этой стороны, стало быть, доверчиво относясь к принятым мерам, правительство было совершенно спокойно.

Впрочем, ничто не предвещало стачку, не было заметно никакого возбуждения. Приказания начальства быстро исполнялись и с обычной добросовестностью. Можно было подумать, что рабочие совершенно не знали о серьезных событиях, которые так сильно потрясли рабочих и вывели их из летаргии.

В рабочих газовщиках правительство было еще более уверено. Принимая во внимание их синдикальное

прошлое, они не были страшны; их считали неспособными на энергичный жест. Уже годы, как вся их синдикальная деятельность состояла в почтительных обращениях с различными просьбами к властям; уважение к законности, казалось, превратило их в мумий, закамневших в покорных позах. Поэтому уверенность в них правительства была так глубока, что меры предосторожности, какие оно все-таки приняло по отношению к ним, были очень слабыми.

День прошел без всяких инцидентов.

К вечеру Париж осветился, как всегда. Электричество в общественных местах было зажжено без помехи. То же самое было и с газовым освещением.

Яркий свет горел всюду. Ровный, без всяких колебаний. Все было в порядке.

На больших бульварах электрические фонари освещали своим беловатым светом уже насмешливые улыбки буржуа, отпускаявших шутки по адресу этих ужасных рабочих-электротехников, которые оставались благоразумными... В редакциях „благомыслящих“ газет также уже писались едкие статьи, которые завтра должны были возвестить населению, что рабочие-электротехники не двигались, благодаря умелым и умным мерам, принятым министерством.

Вдруг, к десяти часам, когда уже все были уверены, что все обойдется благополучно, во всем Париже сразу электричества не стало. Свет потух совершенно и внезапно!..

Было жгучее разочарование, тем более, что все уже утешали себя надеждою, что действительность повернет в другую сторону. Улыбки превратились в гримасы и лица вытянулись.

Комерсанты и промышленники, привыкшие к такого рода неудобствам во время предыдущих стачек, имели осторожность запастись смешанным освещением, то прибегая к газу, то к ацетилену, то просто к керосиновым лампам. Они прибегли, стало быть, к своему случайному освещению.

Однако, что касается газа, то этот способ освещения не дал ожидаемых результатов. Сетки чернели, свет люстр не был ярким, как обыкновенно, давление падало с быстротою, вызывающей тревогу.

В первые минуты это понижение давления было приписано тому, что было зажжено одновременно слишком большое количество ламп. Нет ничего удивительного, думали, что непредвиденное увеличение потребления уменьшило световую силу газа. Это было тем более понятно, что в газометрах никогда не было запасов и если их не пополнять, то через несколько часов они опустошались до дна.

Но когда увидали, что свет продолжал уменьшаться,—вскоре, давая крохотное пламя, как в ночнике... Потом совсем исчез!.. ночь!.. тьма!.. Нужно было искать другое объяснение.

Что же произошло как на электрических, так и на газовых заводах?

В электрических секторах рабочие дневной смены, отбыв свое время, ушли, не захотев ждать прихода своих заместителей. А те, обычно столь пунктуальные, не являлись.

Угрозы, обещания, увещания директоров не оказывали никакого действия на уходящую смену. Все было напрасно. Ничто не могло заставить их отказаться от своего решения.

Когда рабочие ушли, хотели использовать солдат саперов. Произошла суматоха, отдавали приказанья, которые сейчас же отменялись. Прежде чем солдаты отправились занять посты, которые нужно было сначала им назначить, огонь под котлами почти потух и некоторые машины, за неимением пара, остановились.

Беспорядок усилился, превратился в общую сумятицу. Противоречивые распоряжения, неправильные действия еще больше увеличили последнюю и в скором времени несколько динамо-машин, благодаря происшедшей в них порчи, отказались совсем служить.

Суматоха и замешательство еще усилились, когда

был обнаружен саботаж: в подшипники был насыпан наждачный порошок; некоторые провода были облиты серной кислотой, что вызывало их воспламенение через короткое время, некоторые части были раз'единены!..

Обнаружено было еще много других операций саботажа, то здесь, то там, почти всюду. Революционеры хотели, чтобы машины перестали действовать, и добились этого!..

Виновные? Конечно, не было никакого сомнения, что эти повреждения, так точно обдуманные, которые должны были остановить жизнь заводов, были делом рук рабочих-электротехников. Однако, те, кто привык читать по физиономиям, видел в позе и выражении лиц некоторых солдат оттенок какого-то внутреннего удовольствия. Были ли саботажники среди саперов, которым правительство платило и на которых оно возлагало свои надежды? Были ли среди них такие, которые заразились антимилитаризмом?.. Возможно, что и были!

Во всяком случае, заводы не могли больше функционировать. Нельзя было продолжать работать в таких условиях, и решено было остановить машины.

Несмотря на это, казалось, что не все еще было потеряно. Давно уже, с целью помочь беде в случае забастовки на каком-нибудь парижском заводе, все электрические заводы были соединены проводами с одним главным заводом, расположенным в предместье. На этом заводе персонал был тщательно подобран, представляя все гарантии благонадежности и находился в казарменных условиях. Среди него не было рабочих, входящих в синдикаты, а если и были такие, то их было так мало, что об этом не стоило даже говорить...

Этот электрический завод был в состоянии своими собственными средствами снабдить током почти весь Париж. Для этого достаточно было привести в действие несколько выключателей—и электрическая энергия снова притекала в канализации.

К этому способу и решили прибегнуть заводы периферии и центра, заметив, что они не могли ничего

сделать своими собственными силами... Эта операция оказалась столь же тщетной, как и все предыдущие. Тока не было...

Вскоре была выяснена причина этой аномалии:

Злополучный случай,—подобный разрыву аневризмы в человеческом теле,—внезапно парализовал деятельность огромного завода. Глухой, раскатистый удар раздался в воздухе, земля задрожала... и в одной из подземных галлерей обнаружено было разрушение всей канализации. Кабели, несмотря на всю свою толщину и прочность, были скручены, разорваны, раскромсаны на куски, и температура была так высока, что некоторые из них носили на себе следы плавления. Не было никакого сомнения: это разрушение было вызвано сильным взрывчатым веществом... Ясно, что электрическая энергия, которую завод мог бы произвести в изобилии, не могла быть передана на другие заводы!

На газовых заводах, против всех ожиданий, рабочий персонал присоединился к стачке. Здесь движению помогла недостаточная слежка за рабочим персоналом, который считался вполне благонадежным.

Стачку начали кочегары. Как и в электрических секторах, они составляли отдельную группу. Среди них были люди с темпераментом, которые возмущались вялостью своих товарищей и которым в несколько часов, умело использованных, удалось сначала убедить нерешительных, а затем подготовить стачку всех других рабочих.

В условленный час, кочегары потушили огонь в горнах машин и, пробегая мастерские, подали сигнал к прекращению работы. Их энергия и смелость были заразительны.

Рабочие газовщики не удовольствовались тем, что оставили работу, они приняли предосторожности, чтобы, — даже заменив стачечников желтыми или солдатами, — не могли больше производить газ. Зная уязвимые места в канализации, они открыли трубы или пробили их... И с

заводов поднялся вонючий запах сернистого водорода, выходящего через зияющие раны!

Директора и надзиратели тщетно пробовали поправить дело. Газовщики, слишком долго стоявшие на ложном пути, опомнились и, в озлоблении, что были до сих пор слишком покладисты, они действовали решительно...

Ничто не могло больше функционировать без серьезных и долгих исправлений.

Мрак окутал Париж,—полный, густой!

Во время предшествовавших стачек не было только одного электрического света. Однако, население было чрезвычайно взволновано, несмотря на то, что было лишь уменьшение освещения, а не полная темнота. Действительно, улицы и бульвары продолжали освещаться газом, который имелся также у многих комерсантов. В сущности вернулись только к способу освещения, обычному четверть века тому назад, но не были погружены в непроницаемую тьму.

На этот раз не было одновременно ни электричества, ни газа. Поэтому это не была полутьма. От быстрого погашения света мрак казался еще более густым непривычному взору. Публика обезумела, нервное возбуждение населения, которое уже терпело тяжелые лишения, достигло крайних пределов. Перепуганные, ошеломленные, люди бегали из стороны в сторону, вертелись на одном месте, как сумашедшие.

Сквозь густой мрак, окутавший город, то здесь, то там сверкали яркие огни. Свет шел из заведений, не охваченных стачкой, которые самоосвещались—электричеством или ацетиленом.

Теперь пульс большого города замедлялся; точно мрак, окутавший его, был предвестником смерти. Театры и все заведения опустели среди шумного говора и возгласов, говоривших о панике и тревоге.

Только что разразившаяся стачка должна была иметь еще другие последствия: лишение света сопровождалось лишением двигательной силы! Множество моторов, приводимых в движение электричеством или газом,

должны были замолкнуть, принудив многие мастерские прекратить работу.

Кроме того, мрак облегчил дальнейшую работу пропагандистам всеобщей стачки. Они были более свободны в своих движениях, менее зависимы от властей. Их сила увеличилась, благодаря невыгодному положению, в какое поставило правительство стачка электротехников и газовщиков, дискредитировавшая его.

Этот фазис борьбы, отразившийся на других корпорациях, был большим поражением для правительства. Вместе с стачкой железнодорожников и почтовиков он был рычагом всеобщей стачки, торжество которой с настоящего момента можно было предвидеть.

Г л а в а V.

ПОХОРОНЫ ЖЕРТВ.

Похороны несчастных, убитых во время воскресной манифестации, были назначены на среду. С согласия родных тела их оставались в Доме Федераций.

Правительство не мешало устройству похорон. Оно приняло серьезные меры предосторожности: созвало массу полицейских и солдат, спрятав их на прилегающих улицах вдоль линии маршрута, какой должна была следовать похоронная процессия. Впрочем, оно оптимистично смотрело на ход дела: оно предполагало, что в день похорон стачка достигнет своего кульминационного пункта, а потом пойдет на убыль...

День начался в траурной обстановке. Газеты не появились, с другой стороны, корпорации, которые накануне еще не двигались, присоединились к стачке. Между прочим, прекратили работу почтовые и телеграфные служащие, телефоны работали лишь наполовину, и на железных дорогах лишь очень ограниченный персонал оставался на службе.

Весь город, стало быть, был в гармонии с готовившимися похоронами.

Место свидания, улица Гранж-о-Белль, было неудобно для сборища, а потому процессия составила на площади Комба. Но задолго до условленного часа собралась огромная толпа. Синдикаты назначили сборные пункты для своих членов на набережных канала, на соседних улицах, на внешних бульварах. Поэтому всюду кишела бесчисленная толпа народа, слышались гневные выкрики, раздавались проклятия по адресу правительства.

Эта огромная толпа выстроилась за катафалком, покрытым грудю венков, за которым следовали родные и делегации, и процессия тронулась. Человеческая волна двигалась, разрастаясь все больше и больше на каждом перекрестке. Над этим океаном голов, над которым вздымались лишь красные и черные знамена, раздавались, как раскаты грома, крики ненависти и мщения.

Это мало соответствовало оптимизму правительства. Страстное желание борьбы, ярость и возмущение, которые пока выливались из трехсот тысяч человеческих грудей в гневных выкриках, могли разразиться в ужасающих размерах, если какое-нибудь столкновение, какойнибудь инцидент послужат к тому предлогом.

Этого тем более нужно было опасаться, что в кварталах, через которые проходила процессия, направляясь к кладбищу Пантэн, чувствовалось, что сердце предместий билось в униссон с сердцем массы, следовавшей за процессией. Из всех окон высовывались человеческие головы, отвечая на возгласы толпы криками мщения.

И когда после внезапного затишья раздалось пение Интернационала, торжественные звуки которого волной катились над бесконечной процессией, получилось ощущение, что несня переходила в действие,—что „последний и решительный бой“, который она возвещала, будет не завтра, но сегодня, сейчас же... Тогда над этим океаном человеческих существ пробежала дрожь решительных волнений, каждый испытывал внутреннюю дрожь во всем своем существе.

Но шествие не встречало никаких препятствий,— армия и полиция становились все более и более невидимыми,—процессия продолжала свой путь, направляясь бурным потоком к кладбищу.

На кладбище у могил были произнесены речи, сильные и краткие. Никто не думал щеголять фразами. К тому же только несколько тысяч из всех присутствовавших могли слышать говоривших, до остальной толпы не доходили даже звуки голоса. В резких выражениях, с рыданием в голосе, в отрывочных фразах, с поднятыми кулаками, ораторы один за другим заканчивали свои речи клятвой, которая под низким и серым небом встретила бурное одобрение: стачка не кончится, пока правительство не капитулирует, не сознает свою вину, не накажет убийц, оплакиваемых народом жертв.

Теперь толпа хлынула обратно в Париж,—как морской прилив, который во время бури омывает берега. Колоссальными волнами группы двигались вперед все в том же напряженном состоянии, попрежнему возбужденные, возмущенные.

Власти совершили промах, переменяв свою тактику; они перешли от крайней осторожности, какую они соблюдали до настоящего момента, к провокаторскому образу действия, которое привело в раздражение манифестантов.

Вместо того, чтобы продолжать прятаться, войско и полиция получили приказ заградить путь манифестантам в некоторых местах, не пускать их через некоторые улицы, канализировать толпу при возвращении ее в Париж,—так, чтобы раздробить ее на маленькие группы.

Во всякий другой момент этот способ рассеять толпу не вызвал бы слишком больших протестов. Но в настоящую минуту не могло быть так,—раздражение и первое возбуждение манифестантов достигли слишком большой остроты. Толпа была такая огромная и такая компактная, в ней было столько импульсивной силы, что было безумием претендовать рассеять ее или даже просто сдержать. Заграждения были прорваны.

Толпа двигалась такими сомкнутыми рядами, что она не могла бы повернуть назад, если бы даже она этого и хотела. Она шла вперед с непреодолимой силой: как чудовищный клин, она вонзилась в ряды вооруженного войска,—и последнее должно было отступить под ее напором. Инфантерия раздалась охотно;—возложенные на нее неприятные обязанности начинали становиться ей противными, она исполняла приказанья с неудовольствием, ворча и лениво. Что касается кавалерии, то она была парализована нахлынувшей толпой, окружена, затоплена!..

Но когда манифестанты, которые показали себя очень умеренными по отношению солдат, столкнулись с полицейскими, они яростно набросились на них.

На полиции сосредоточился весь их гнев! На ней они хотели выместить убийство тех, кого только-что свезли на кладбище! Она всегда стояла поперек дороги!.. Поэтому завязалась яростная борьба, и револьверы, за которые руки судорожно хватились уже с утра, были вынуты из карманов.

Начальство поняло немного поздно, что надо было пропустить ураган.

Эти столкновения, как бы они горячи и яростны ни были, однако, были лишь инцидентом, подчеркивающим серьезность гораздо более значительного факта: усиление стачки.

Надежды, какими утешало себя правительство, рушились; под конец дня замечалось не ослабление движения, на которое оно надеялось, а, наоборот, усиление его.

Вечером происходили многочисленные собрания. Все синдикаты созвали своих членов на закрытые собрания для того, чтобы обсудить положение, значение событий и обдумать дальнейшее поведение.

Самыми важными были собрания служащих различных железнодорожных сетей, почтовиков и телегра-

фистов, а также городских служащих различных категорий.

Собрания железнодорожников, на которых преобладали рабочие тяги, постановили, что стачка, которая у них была лишь частичной, благодаря печальной нерешительности и колебаниям части персонала, должна продолжаться и развиваться до крайних пределов. Были приняты меры, чтобы движение не ограничивалось парижским районом, чтобы оно распространилось на все железнодорожные сети и чтобы отправка и движение поездов было приостановлено насколько возможно полное.

На собраниях почтово-телеграфных служащих было сообщено известие, которое стимулировало всех, кто еще мог оставаться нерешительным: узнали, что правительство, как только была временно приостановлена работа, предусмотрело способы прибегнуть к принудительным мерам, которые оно и хотело применить. На эту угрозу было отвечено категорическим решением: прекращение работы, имевшее лишь временный характер, было превращено в стачку. После этого принятого решения сейчас же занялись обсуждением необходимых мер предосторожности, чтобы сделать тщетными все усилия восстановить деятельность почты и телеграфа при помощи изменивших братьев или пользуясь трудом солдат.

Резолюции, принятые городскими служащими, были не менее энергичны, хотя более специального порядка: все высказались за неограниченную стачку, без указания времени ее продолжительности. Но тактика бойкота, которая начала уже применяться по категориям, была подтверждена. К буржуазным кварталам бойкот должен был применяться полностью, тогда как рабочим кварталам должны были делаться послабления, чтобы избавить их от всех неудобств и неприятностей, связанных со стачкой.

Эти решения ослабляли оптимизм правителей. Они предполагали, что в главных городских предприятиях работа начнется через сутки. Не тут то было! Наоборот, рабочие этих предприятий присоединились целиком к своим товарищам.

Когда эти решения стали известными на многочисленных собраниях, устроенных различными синдикатами, они были встречены восторженными и бурными аплодисментами. Впрочем, на всех собраниях были приняты аналогичные резолюции. На всех собраниях было решено продолжать стачку до последней степени, упорствовать в борьбе до тех пор, пока не будет дано удовлетворение народу, носящему траур по погибшим.

Требование не ограничивалось больше простой капитуляцией правительства, которая, в сущности говоря, имела бы главным образом, моральное значение. Стачка солидарности углублялась, переходила в стачку с выставлением широких требований,—точнее, в социальную стачку.

На этих собраниях, на которых обсуждался дальнейший образ действий, произнесены были важные слова. В то время, как некоторые напоминали и вновь излагали многочисленные требования рабочих, до сих пор предъявлявшиеся безуспешно,—и прибавляли, что теперь был подходящий момент, чтобы снова выставить их,—другие смотрели дальше: они доказывали способность рабочего класса самому управлять своими делами, утверждали, что психологический момент близок и что нужно теперь же предусматривать возможность падения капитализма.

В возбужденной атмосфере собраний, где мозг лихорадочно работал и где при ярком свете действительности рождались и проявлялись идеи, рядом с нерешительными, которые вечно колебались, были нетерпеливые, которых раздражал медленный ход событий. Эти находили, что движение шло слишком медленно; они мечтали не останавливаться, перескакивать через этапы. Лихорадочно возбужденные, они нападали на тех, кто проявлял некоторую нерешительность или осторожность, доказывая им, что при данных обстоятельствах лучшая осторожность, это—действовать быстро.

Из этого столкновения идей, из этой смеси всяких проектов: одни предлагали организовать борьбу для от-

пора, другие—борьбу за частичные требования, третьи настаивали на необходимости расширить стачку, придать ей революционный характер и завершить ее экспроприацией,—из всего этого получилась амальгама, которая составляла новый фазис конфликта.

Народ делал шаг вперед по пути революции: период стачки солидарности и чисто оборонительный кончился, и видны были первые лучи наступательной стачки, искры которой освещали горизонт отблеском пожара.

Движение не ограничивалось одним Парижем, и это делало еще более грозным висевший в воздухе бунт. В провинции происходило то же самое; она не нуждалась больше в уроках революционности столицы, она не ждала ее сигнала к выступлению: революционное брожение было там не слабее, чем в Париже.

ГЛАВА VI.

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Правительство не оставалось в бездействии. Оно старалось обессилить стачку, придать ей благоприятный оборот и, в особенности, успокоить буржуазию, которой овладела паника великих, страшных дней. Оно заботилось о том, чтобы создать впечатление, что экономическая и социальная жизнь не заглохла, а лишь шла более медленным темпом.

Оно думало, что это был лучший способ вылечить высшие классы от страха, который терзал их. Поэтому, несмотря на то, что его тревожили ропот и крики негодования, раздававшиеся в столице, оно старалось замаскировать стачку, заменив стачечников солдатами в производствах и общественных предприятиях первой необходимости.

Как только получалось уведомление о забастовке

в каком-нибудь пункте, сейчас же туда отправляли солдат для замещения стачечников.

Таким образом, отряды солдат были отправлены в пекарни для замещения бастовавших хлебопеков. Только во многих случаях они не могли работать по различным причинам, — следствии предосторожности, принятой стачечниками, перед тем, как оставить работу: или орудия не годились, или печи не действовали, или плохо действовали. С этими неудобствами кое-как справились, воспользовавшись солдатскими пекарнями.

На электрических заводах саперы, хотя уже давно освоившиеся с работой, которую ждали от них, никак не могли пустить в ход динамо-машины. Стачечники приняли предварительные меры и так ловко устроили дело, что ни одна машина не действовала.

Для борьбы со стачкой почтово-телеграфного персонала, а также железнодорожников правительство думало прибегнуть к мобилизации. Приготовлен был соответствующий декрет, по которому все, кто числился в армии, призывались и отказавшиеся явиться на призыв предавались военному суду.

Но после размышления правительство должно было убедиться и признать, что в том положении, в каком находились события, этот призыв остался бы без последствий. Отказавшись от этой операции, которая была бы просто смешной, правительство пыталось восстановить почтово-телеграфное и железнодорожное сообщения, пользуясь военными средствами.

Были мобилизованы солдаты, чтобы обеспечить движение поездов. Но и здесь, как и в других местах, были приняты специальные меры: существенные части локомотивов были вынуты и спрятаны; с другой стороны, была налита известь на сваи, или цемент, что мешало функционированию локомотивов, так что трудно было их вывести из сараев, где они стояли. Тот же способ был применен к вагонам, которые, благодаря этому, оставались в гараже.

К тому же, прежде чем покинуть работу, железнодорожники подвели поезда к вокзалам и оставили их на путях, позаботившись предварительно о том, чтобы сделать невозможным их передвижение.

На станциях, где проходит масса поездов, произошло невероятное скопление множества вагонов. Пассажиры и, в особенности, товарные поезда были в таком количестве на станциях, что вокзалы были ими блокированы. До такой степени было все загромождено, что маневрирование поездов и продолжение движения стали невозможны.

Кроме того, на линиях все железнодорожные диски были опущены,—сигнал остановить поезд. Это систематическое блокирование, парализуя движение, имело то преимущество, что делало невозможными несчастные случаи. Действительно, в случае, если бы рискнули пустить некоторые поезда, они должны были бы двигаться крайне медленно, так как самая простая осторожность обязывала машинистов идти с малой скоростью, ибо они не знали, свободен путь или нет. Вдобавок, во многих местах были остроумно разбросаны специальные петарды, предупреждающие об опасности, чтобы в случае продолжения движения поездов, разрываясь, они вносили еще большее замешательство.

Этой остановки железнодорожного движения сильно помогло присоединение к стачке стрелочников. Это была драгоценная помощь, так как стрелочники хозяева движения.

Благодаря этим мерам и многим другим, в том же духе, пускать поезда стало почти невозможно,—и к тому же бесполезно... по крайней мере, для пассажиров. Действительно, если бы поезда пустили все-таки, они шли бы пустыми, так как боязнь несчастных случаев охлаждала самых смелых.

Остановка железнодорожного движения приводила к прекращению деятельности почты,—если даже предположить, что почтальоны, развозящие почту, продолжали бы работать; стачка же последних приводила в полное

бездействие почту. Чтобы помочь делу, правительство прибегло к солдатам: была организована переправа почты на автомобилях.

Правительство в данном случае старалось, главным образом, спасти показную сторону положения, пытаясь замаскировать свое бессилие, так как этот способ не дал—и не мог дать—ожидаемых от него результатов.

Эта организация была слишком несовершенна, и дело шло слишком медленно, ибо по дороге часто встречались сигналы замедлить ход автомобилей, тогда как дорога была совершенно гладкая и не было ничего, что оправдывало бы предупреждения. Шоферы — солдаты, плохо зная дорогу, продвигались, стало быть, вперед нерешительно и медленно. С другой стороны, при проезде через местности, где происходила стачка, их не раз останавливали и конфисковали автомобили.

С телеграфом дело обстояло еще хуже. В парижских конторах совсем не работали. Чтобы сделать всякую работу невозможной, стачечники спутали или перерезали проволоки. И это было сделано очень тщательно, так как предыдущие стачки дали опыт телеграфному персоналу.

Сначала в правительственных сферах не были слишком встревожены этим обстоятельством. Думали поправить дело при помощи беспроволочного телеграфа и телефона военного ведомства.

Но здесь также последовало большое разочарование. Среди революционеров были люди с серьезными научными знаниями, которым ничего не стоило сделать воздушные сообщения невозможными. Они забрались на один завод, расположенный на высоком месте, и вдали от нескромных взоров. Располагая десятками четырехмильных лошадей и превосходной динамо-машинной, они поставили беспроволочный телеграф, — стараясь не возбудить ничего внимания, и пустили в атмосферу встречные электрические волны, которые спутали все радио, отправленные правительственными радиостанциями.

Таким образом, стачка мускулов и мозга сопровождалась стачкой машин, материала.

И это явление не ограничивалось только выше перечисленными корпорациями; в большинстве предприятий машины не могли функционировать, причем было сделано так, чтобы ими нельзя было пользоваться до тех пор, пока стачечники не вернутся на работу.

Принимая эти предохранительные меры, рабочие не повиновались какому-нибудь мелочному, низкому, глупому мотиву; у них не было желания разрушения ради своего собственного удовольствия. Нет! Цель их была принять предосторожности, какие они считали неизбежными; вероятно даже, что наиболее утонченные натуры с некоторою грустью решили прибегнуть к этим крайним средствам. Но они сделали это, потому что они были убеждены, что приведя в бездействие машины и все орудия производства, они спасут человеческие жизни.

Горячо желая конца, — победы стачки, — они имели смелость не отказываться ни от каких средств, могущих приблизить их к цели.

Они знали, что они составляют меньшинство, достаточно многочисленное, чтобы одержать верх над владеющим и правящим меньшинством, — при условии, чтобы часть народа не оказала поддержки этому последнему. Для того, чтобы они оказались наиболее сильными, необходимо было одно условие: чтобы масса, которая по своей инертности склонялась всегда на сторону победителей была поставлена в невозможность оказать поддержку врагу своей бессознательной силой.

Они добились этого результата, прибавив к стачке мускулов и мозга стачку машин и орудий производства. Отнимая у части народа, еще слишком рабски переносящей власть капитала, из рук орудие; парализуя машины, которые она заставляла производить силою своих мускулов; мешая этой рабски покорной массе действовать заодно с общим врагом и изменять своим братьям, берясь за работу, когда этого не следует, революционеры доказывали свою проницательность и прозорливость.

Поэтому они дерзали делать то, что было вызвано обстоятельствами и необходимостью.

Против этой тактики, которую требует логика всеобщей стачки, армия была бессильна. Если бы даже она была способна на все, способна помочь стачке машин и орудий, способна выполнить все необходимые работы, она не могла бы быть поставлена на все и везде. Была существенная причина ее бессилия: она была слишком малочисленна.

Несмотря на доброе желание правительства положить предел стачке, оно не могло пожертвовать всей своей армией для выполнения работ в промышленных заведениях и общественных предприятиях. Она не была неисчерпаемой! Правительству нужно было сохранить часть ее для защиты капитализма!

Солдат превратили в булочников, электротехников, газовщиков, железнодорожников, кондукторов трамваев, телеграфистов, почтовиков, метельщиков улиц и т. д... этого еще было недостаточно! К стачке примыкали дюжины других ремесел, в которых войско не могло притти на помощь.

Значительная часть войска была разбросана по разным местам для охраны строительных мастерских, заводов, магазинов, канализаций, железных дорог, общественных зданий...

Еще тысячи и тысячи солдат, отнятые от действительного производства и от своих военных функций!

Армия в нормальное время насчитывала около 600.000 солдат, разбросанных по французским казармам... Но в данный момент, в одном только Париже было больше 600.000 стачечников!

Армия была тем более численно бессильна вести борьбу со всеобщей стачкой, что революционное движение не ограничивалось одним только Парижем. Следовательно, правительство располагало только войсками, находящимися в казармах столицы или ее окрестностей, для подавления движения в Париже. И это по двум причинам: оно не могло лишать войска провинции, так как „порядок“ там был также в большой опасности, и,

с другой стороны, оно не могло по своему произволу перемещать полки из их гарнизонов.

Правительство пыталось привести в Париж войска из восточных департаментов,—и результат был плачевный!

Были организованы военные поезда, которые про- бовали пустить, несмотря на стачку. Недалеко они ушли! Поезда эти осгановились в открытом поле, и не могли продолжать путь, так как были сняты рельсы или разрушены мосты или туннели.

Самые надежные войска,—министры жалели, что они у них не были под рукою,—которые подавили бы народ с беспощадной жестокостью, были алжирские войска, составленные из арабов, которые отныне были подвластны метрополии и обязаны были отдавать своих сыновей в солдаты. Было бы превосходно напустить этих грубых дикарей на Париж! Эти солдаты не стали бы стесняться и с радостью бы выместили злобу и обиду за угнетение своей расы на парнях Франции... Но на них нельзя было рассчитывать. Они были в Алжире. Если бы даже удалось посадить их на пароход, то было бы трудно высадить их в Марселе или в каком-нибудь другом порту,—и еще труднее привести в Париж.

Таким образом, едва началась социальная война, как уже армия, единственный оплот капитализма, оказалась недостаточной. Правители должны были воочию убедиться в этом: она была слишком малочисленна, чтобы выполнить должным образом ту массу разнообразных работ, для которых ее предназначили.

Эта недостаточная численность армии сопровождалась моральным бессилием, еще более опасным для власти: она сомневалась в справедливости своего дела, и она катилась по наклонной плоскости, в конце которой виднелось одно лишь разложение.

Главной причиной такого упадочного состояния духа армии была антимилиитаристская пропаганда. Анти-милитаристы работали с неутомимым жаром, стараясь сломить эту грубую силу, служащую орудием угнетения

в руках господствующих классов, показывая всю гнусность работы, возложенной на армию.

Эти симптомы, которые были плохим предзнаменованием для капиталистического общества, не проникли глубоко в сознание правительства. Находясь под гипнозом власти и престижа централизации, которая все относилась к нему, оно считало себя твердым, как скала. Поэтому оно лишь думало о том, как бы подавить стачку. Ни разу оно не подумало о том, чтобы рассмотреть требования, сформулированные синдикальными организациями,—отыскать виновных в трагических событиях, происшедших в воскресенье.

Отнестись внимательно к ультиматуму, предъявленному стачечниками, считаться с ним, значило бы, по его мнению, отказаться от своего достоинства, примириться с бунтом. Оно покрывало, стало быть, действия своих подчиненных и не только не открыло анкету по поводу совершенного ими убийства, но обдумывало полицейские и юридические комбинации, которые считало действительными, чтобы обезглавить движение, разложить его.

Правительство ничего не делало нового в данном случае. Оно действовало по традиции правительств сильной власти. Судебный аппарат был приведен в движение, и прокуратура, во имя интересов государства, получила приказ произвести основательную чистку среди видных революционеров, секретарей организаций и членов комитетов.

Решено было привести в исполнение этот план в четверг. Выбран был этот день, потому что надеялись, что к этому времени движение уже потеряет свою остроту, а также потому еще, что не осмеливались произвести задуманные аресты перед похоронами, из боязни усилить возбуждение народа.

Придуманная операция не оправдала возлагаемых на нее надежд. Тайна не была соблюдена, и неизвестными путями слух о готовящейся облаве дошел до сведения заинтересованных. Многие из тех, кому угрожал арест, приняли предосторожности; они переселились в

безопасное место, и явившаяся полиция от большинства из них ушла с пустыми руками.

Правительство потерпело неудачу, затея лопнула и не оказала на народ деморализующего влияния, какого ждали от нее. Но репрессивные меры удвоились. Впрочем, атмосфера не разрядилась, как надеялись министерские стратеги; наоборот, движение развивалось и стачка расширялась и углублялась быстрым темпом.

Нужно прибавить, что власть лишилась одного из средств своей деятельности, которое до сих пор сильно помогало ей, а именно—прессы, ежедневных газет.

Правда, было неприятно обходиться без новостей по народ выигрывал от этого в том отношении, что он становился самим собой, думал своей собственной головой: лишенный газет, он следовал своим побуждениям, рассуждал, решал своим собственным умом, не подвергаясь влиянию болтовни крупных капиталистических газет.

И это было плохо для правительства: не имея в своем распоряжении этого огромного рычага, каким являлась для него пресса, оно не могло больше распространять свою ложь и угрозы. Таким образом, устанавливалось равновесие между правительством и политическими группами,—к выгоде последних. Синдикальные организации всегда имели в своем распоряжении лишь рудиментарные способы распространения своих идей путем печати, состоящие в летучих листках, манифестах, аффишах, маленьких газетках. Но им легко было, несмотря на стачку, прибегнуть к тем же способам, которые позволяли им,—вместе с органом Всеобщей Конфедерации Труда, который пунктуально выходил ежедневно,—нейтрализовать тревожные слухи, сеявшие панику в обществе.

Таким образом, сама логика стачки приводила к тому, что правительство теряло свою моральную и материальную силу.

Чтобы поднять свой престиж, оно пустилось на путь еще более крайних репрессий и удвоило свою ди-

кую расправу. Оно добилось только того, что народ стал его еще более ненавидеть и презирать и перенес свою ненависть на весь капиталистический строй, ибо правительство являлось выразителем и боевой силой последнего.

Г л а в а VII.

НАСТУПАТЕЛЬНАЯ СТАЧКА НАЧИНАЕТСЯ.

Теперь уже нет больше надежды на смягчение кризиса ни на то, что с ним можно будет справиться благодаря паллиативам и полумерам. Всякое примирение стало невозможным. Классовая война об'явлена и она готовится быть дикой, беспощадной. Враги встретились лицом к лицу и никакой мир невозможен до тех пор, пока один из противников не будет разбит раздавлен.

Не пушечными выстрелами рабочий класс открыл боевые действия против буржуазии, а огромным и простым актом: скрестив руки. Но едва он произвел этот жест, как капитализм начал подергиваться в симптоматических судорогах агонии. Это является доказательством, что сущность общественного организма та же, что и человеческого: прекращение деятельности какого-нибудь органа, остановка движения вредны для него и губельны.

Счастливое предзнаменование для сторонников всеобщей стачки! Это поощрение продолжать действовать по тому же пути, уверенность в близкой победе...

Тогда как рабочие черпали силу и бодрость в разворачивавшихся событиях, привилегированным классам последние доставляли волнения противоположного порядка: их растерянность достигла поразительных размеров.

С первым проявлением революционного брожения безрассудная паника овладела паразитическим меньшинством, жизнь которого, искусственная и неглубокая, состояла в снобизме и детских, глупых заботах и стремлениях к роскоши. Эти бесполезные существа сразу рас-

терялись, почувствовали себя пропавшими. Они испытывали смертельный страх перед народом.

В аристократических кварталах началось безумное бегство. Последние потомки расы думали, что пришел конец света. Они оставили свои княжеские палаты и многие бежали скрыться в свои замки в провинцию, наивно думая, что там они будут защищены от бури.

Опустели также крупные международные караван-сарай, пышные отели, рестораны всякого рода, посещаемые избранным обществом, куда стекались знатные иностранцы, где проводили свое праздное время светские люди и туго набитые кошны.

Средняя буржуазия, жившая паразитизмом этих крупных паразитов,—комерсанты и поставщики роскоши—была встревожена не меньше их. Она жаловалась на трудную жизнь и больше всего на плохие дела, высчитывая, сколько она потеряет, благодаря стачке.

На бирже сначала была суматоха, какая бывает в дни крахов. Курс падал с какой-то разнузданной быстротой, толпа финансистов, биржевых игроков, коршунов, хищников уже поредела. Упорные, упрямые аферисты, которые лелеяли мечту, что они загребут миллионы в падении ренты, прочно стояли на посту,—хотя беспокойство проскальзывало в тоне их разговора, в сдавленных, охрипших голосах.

Однако, люди финансового мира имели сравнительно менее жалкий вид среди всех других, принадлежащих к владеющим классам. Более привыкшие к быстрым переменам судьбы, с закаленными нервами, испытывавшие быстрые фантастические обогащения и такие же быстрые разорения, они по интуиции чуяли барыши, какие можно извлечь для себя из какой-нибудь катастрофы. При теперешних обстоятельствах они менее легко поддавались лихорадочному страху, овладевшему всеми: они умели стойко держаться перед опасностью и пытаться противостоять ей. Поэтому важные финансисты, распределители кредитов и регуляторы обращения золота,—этой крови капиталистического общества,—отдали

себя в распоряжение правительства, решившие пойти на жертвы, помочь ему всякими способами.

Некоторые среди буржуазии еще сохранили ясность ума, не показали себя малодушными и пугливыми и собирались защищаться. Они обязаны были этой энергией новому воспитанию, которое, придавая громадное значение физической культуре человека и практике всевозможных sports, выработало из них физически сильных людей. Благодаря езде на автомобилях, увлечению авиацией, в них выработалась решительность, пренебрежение к опасностям и энергия, делавшая из них стойких людей, не пугавшихся при малейшем столкновении с противником. Они сравнили себя с пролетариями, увидели, что обладают такими же крепкими мускулами, как и наиболее сильные из них,—и решили потягаться с ними силами. Поведение их было попятно,—хотя бы даже и немного хвастливо: защищая свой класс, свои привилегии, они пробовали сохранить свое положение; они боролись за продолжение своей веселой и праздной жизни.

Клубы и кружки, членами которых состояли эти буржуа с темпераментом, обсудили положение и решили войти в сношение с правительством, предложив составить отряды партизан-буржуа, которые будут драться с народом.

Правительство испугалось этого предложения; оно боялось, что это предложение скрывало в себе маревр династических партий, у которых пробудились старые надежды. Чтобы не придать некоторой вескости стремлениям их сторонников, оно отвергло этот проект. У него было еще другое основание, чтобы отклонить это предложение: оно боялось, что принятие его укажет на серьезность положения, а оно не хотело, чтобы предполагали это. Оно поблагодарило за предложение, расточая массу успокоительных слов, утверждая, что армия справится одна.

События грубо противоречили этой притворной уверенности правительства в благоприятном исходе, в котором оно хотело убедить и других. Армия расположилась

лагерем в Париже, всячески старалась заместить стачечников, по городу раз'езжали патрули, но все эти усилия не увенчались успехом,—стачка разрасталась вширь и вглубь, становясь все более и более бурной. И нервное состояние окружающей среды, которое все возрастало, еще усиливалось благодаря отсутствию известий. По городу ходили тревожные слухи, и беспокойство росло при этих рассказах, которые нельзя было проверить.

Газеты почти не выходили. Наиболее богатым издательствам удавалось с трудом выпускать от времени до времени маленькие листки.

Город потерял свой внешний облик роскоши и веселья. Он не был больше деловым, коммерческим, промышленным городом. Он начинал походить на кладбище и даже имел его затхлый запах. Трепет, пробегавший по нем, напоминал кишение червей в разлагающемся теле. Войска, занимавшие его и придававшие ему вид лагеря, не изглаживали этого впечатления чего то умирающего. Улицы были пустынные. Движение происходило только по большим улицам, где шныряла толпа рабочих и служащих без дела, буржуа с испуганным видом.

Движение экипажей было очень незначительное: несколько фиакров, большею частью извозчики, которые в нормальное время искали пассажиров по ночам у вокзалов и поблизости ночных ресторанов; несколько автомобилей — и у руля сидели не профессионалы, а любители,—молодые, здоровые буржуа, гордые своими крепкими мускулами.

Большинство магазинов были закрыты; исключения составляли, оставаясь полуоткрытыми, кафе и кабаки, в которых сами хозяева и члены их семейств обслуживали клиентов.

Жизнь,—сведенная к материальным потребностям,—становилась с каждым днем все тяжелее. Продовольственные затруднения росли. Несмотря на все старания, правительство не в состоянии было обеспечить продовольствие населению.

В первые дни все, кто имел возможность, броси-

лись в магазины с с'естными припасами, закупаая себе запасы всякой провизии. Но только, если буржуазному населению удалось запасться продуктами, то среди народа редки были те, кому посчастливилось—много или мало—это сделать.

Многие рабочие, не имеющие других ресурсов, кроме заработной платы, были застигнуты врасплох. При тяжелом труде они с трудом сводили концы с концами. На что бы они, когда была объявлена стачка, купили себе запасы провизии?.. И теперь, когда заработок прекращался, теперь, когда пищевые продукты, становясь более редкими, будут продаваться по чрезмерно дорогой цене, как они выпутаются?.. Если они останутся со скрещенными руками, их ждет впереди, через короткий срок, бедствия, голод.

По меньшей мере столь же печальна была участь тех товарищей, которые давно уже были в конфликте с своими хозяевами и которые с трудом владели свое существование, благодаря помощи синдикатов, благодаря коммунистическим кухням.

Синдикаты не в состоянии были на средства своих касс прокормить,—даже в продолжение короткого промежутка времени,—стаечников, число которых будет теперь огромное.

И тогда не придется ли опасаться, что те и другие, — бастовавшие уже раньше и новые стачечники,—терзаемые голодом, принуждены будут вернуться на заводы и фабрики?

Затем нужно было принять во внимание еще других рабочих, находящихся еще в более жалком положении, более несчастных, вечных стачечников — безработных. Огромная масса, лишенных всяких средств к существованию! Заложив в ломбарде свои последние пожитки, эти несчастные, жили неизвестно как или, лучше сказать, умирали медленной смертью. Так не оставит ли надежда получить кусок хлеба эти резервы рабочего мяса выступить против стачечников?

И тогда не рискует ли война классов превратиться

в братоубийственную войну, — бедняков против бедняков: безработных против стачечников?

Вопрос пропитания преобладал над всеми другими. Это была загадка нового сфинкса. Если пролетариат найдет решение его, перед ним откроется широкий, прекрасный путь; если нет — он будет побежден!.. Он подпадет снова под ярмо, более тяжелое, чем когда либо!

С самого об'явления стачки крупные потребительские кооперативы позаботились о том, чтобы доставлять хлеб не только своим членам, но также и не членам.

Ясно было, что пока торговый механизм будет стеснять эти кооперативы, они лишь в слишком ограниченных размерах смогут приступить к бесплатному распределению хлеба и пищевых продуктов, находившихся в их распоряжении. Нужно прибавить, что если бы даже они могли сделать и больше, это было бы всетаки еще недостаточно, чтобы насытить такую огромную массу людей.

В этот психологический момент, который решал будущее движения, народ интуитивно понял необходимое, неизбежное. Был ли это простой инстинкт самосохранения, или результат пропаганды социалистических идей, которые дремали в мозгу и с силой пробудились вдруг в должный час?

Во всяком случае, в рабочем классе произошли такие же явления стихийного под'ема и дерзновения, какие отметили зарю революции 1789 и 1793 г.г. Эта революция, в которой главным образом прославляли ее политические стремления, совершила акты, показывающие ее глубокие социальные тенденции. Прежде чем заняться формой правления, народ думал о средствах существования, и он принялся за богачей, за барышников. В городах, в деревнях были бесчисленные социальные восстания: здесь банды захватывали хлебные амбары и делили между собою находившиеся в них запасы; там другие банды забирали муку, несли ее к булочнику и, когда хлеб был испечен, приступали к его распределе-

нию; в другом месте толпа требовала, чтобы на рынках продукты продавались по дешевой цене, чтобы все могли их покупать. Всюду первой побудительной причиной движения был хлеб, — потом, увлеченные борьбой, мятежники громили дома сборщиков податей, грабили замки, сжигали разные документы, касавшиеся феодальных прав, налогов...

Такое же состояние духа было у рабочего класса при провозглашении всеобщей стачки; бунтовской дух овладел несчастными безработными, до настоящего момента столь пассивными, столь неспособными на проявление малейшей энергии. Они не думали заменять стачечников, — они хотели жить! Они, и все бессознательные, которые, накануне еще, гнули спину, тянули ляжку без всякой надежды на лучшее впереди, увидели спасение, конец нищеты. У них возникли такие же заботы и желания, какие подняли народ в 1789 г.: обеспечить себе хлеб, пропитание!

Образовались банды, которые — здесь, там, всюду! — врывались в булочные, бакалейные лавки, мясные. Торговцы, конечно протестовали; мятежники, с флегматичным видом, выдавали им реквизиционные боны, по которым, уверяли они, им будет уплачено в Бирже Труда. Затем они приступали к бесплатной раздаче имевшихся продуктов.

Против этих банд, возникавших внезапно и действовавших в отдаленных частях города и когда никто этого не ожидал были посланы полиция и войско. Напрасный труд! Вооруженная сила прибывала всегда слишком поздно. Но в редких случаях, когда она являлась во время, чтобы разогнать грабителей, она не встречала никакого сопротивления. Банда, в которой вместе с мужчинами были женщины и дети, разбегалась. Те, кого арестовывали, покорно следовали за полицией, с непринужденным видом, тем более, что они знали, что тюрьмы битком набиты арестованными и потому предвидели, что их продержат лишь короткое время в ближайшем участке. Такая пассивность в бунте затрудняла употребле-

ние против этих банд оружия и поэтому, как бы ни были многочисленны и как бы часто ни повторялись эти сцены реквизиции, они редко кончались трагически.

Это несопротивление, впрочем, было лишь тактикой, к которой толпа прибегала во многих случаях: она имела осторожность не вступать в бесполезные сражения, — которые были бы для нее гекатомбами. Но когда она считала нужным уклониться от битвы, ее отступление не было беспорядочным бегством. Отступив, та же самая толпа собиралась в другом квартале, — и войска, посланные для восстановления порядка, должны были начинать все сызнова.

Впрочем, власти могли заметить насколько страх и уважение, какие они внушали раньше рабочим, быстро улетучивались.

Скоро городовым стало невозможно ходить в одиночку по городу. Их преследовали вплоть до их жилищ. Так как в большинстве случаев они жили в кварталах, заселенных простонародием, так как они оказались соседями со стачечниками, их травили, издевались над ними, мстили им. В массе были такие, которые поступили на полицейскую службу, за неимением лучшего, — заставленные нуждой. Те не были очень ревностными, и когда они увидали, что профессия их становилась нелегкой, что их могли здорово поколотить, они перестали являться на службу и так хорошо спрятались, что их больше не видали. Что касается других — ревностных защитников порядка, — чтобы избежать народного гнева, они потребовали, чтобы им дали помещение в участках или в казармах.

Была организована также травля полицейских всех мастей, упорная, беспощадная. Произведена была быстрая анкета против подозрительных субъектов, которая велась их соседями, — и кварталы, в которых главную часть населения составляли рабочие, были очищены от полиции.

С своей стороны, антимилитаристские группы стали действовать энергичнее и смелее. Они не ограничивали

больше свою деятельность чтением морали солдатским отрядам, они привлекали солдат на собрания, приводили им в пример французскую гвардию 1789 г., пехотинцев 1871 г. и побуждали их действовать таким же образом.

Случалось даже не раз, что антимилитаристы переходили от морали к действию: они разоружали часовых или всех солдат, стоящих на какомнибудь посту. Не раз также случалось, что эти последние охотно позволяли совершить над собой это насилие и давали себя благосклонно обезоружить, не оказывая никакого сопротивления.

Беспокойство армии и ее упадок духа увеличивались, — усиленные плохими материальными условиями, в какие ее ставило ее стояние в Париже. На ней также отражалась стачка, — она была недостаточно снабжена продовольствием, плохо питалась. Вместе с этим она была обременена тяжелой работой и принуждена была вести войну, которая с каждым днем становилась ей все противнее. Таким образом, отвращение и усталость парализовали в ней всякую энергию.

Что касается войск, мобилизованных для замены стачечников, они делали свою работу вяло, апатично, равнодушно. Результаты были жалкие. Их работа была бессознательным саботажем.

Армия повиновалась, стало быть, неохотно, и с недовольным видом исполняла работу, которую навязывали ей. Начальство не обманывало себя, — оно чувствовало, что в войсках растет злоба и недовольство; но оно избегало прибегать к строгостям из боязни усилить падение дисциплины, которое оно замечало; оно старалось приподнять настроение своих солдат, ободряя их, говоря им, что ведет их к славному делу.

Таким образом, эта армия, — единственная реальная сила какой располагала властью, — угрожала покинуть ее. В ней успехи антимилитаристской пропаганды были еще в скрытом состоянии; но внимательный наблюдатель мог отметить глубокие следы ее и предвидеть

что при малейшем инциденте, — более строгое наказание, приказ, который покажется суровым или чрезмерным, — разразится бунт.

Чувствовалось, что солдаты были в возбужденном состоянии, готовые в случае чего лягнуть, — более склонные пойти вместе с народом, чем против него.

Г л а в а V I I I

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ РЕКВИЗИЦИИ.

Бессистемные реквизиции, которые производили с начала стачки банды безработных, были полезны, чтобы ориентировать движение в известном направлении, но они были недостаточны. Они были заменены, благодаря инициативе синдикальных организмов, рациональным методом распределения, который, хотя и рудиментарный, был достаточно удовлетворителен.

Это было необходимо. Еслибы синдикаты (которые заявляли, что они способны преобразовать совершенно общество) предоставили правительству одному заботиться о прокормлении населения, они быстро бы потеряли всякий кредит в народе. Их неспособность практически разрешить продовольственный вопрос, сравниваемая с деятельностью правительства, подняла бы престиж последнего и доказала бы, что оно вовсе уже не было так бесполезно и вредно, как это утверждали его критики и хулители.

Синдикаты, мешая правительству в его усилиях известным образом справиться с вопросом питания, организовали свою систему, которая, хотя и не имела законченной формы, была выше правительственной системы. Это превосходство выражалось в ее коммунистических тенденциях: в то время как правительство, в силу самих вещей, держалось коммерческой системы или, самое большее, оказывало благотворительность тем, кто не

имел денежных средств, синдикаты в распределении руководствовались принципами равенства и солидарности.

Главной заботой их было сплотить массу, еще не организованную в синдикаты, ибо редки были группы которые заключали бы в себе, если не всех, то по крайней мере большинство членов корпорации.

До сих пор синдикаты группировали вокруг себя лучшую часть рабочих, которые боролись за общее улучшение условий труда, и пассивные, неорганизованные рабочие пользовались результатами их усилий.

Выдерживая на себе, и в этот раз также, всю тяжесть борьбы и продолжая брать на себя ответственность завязавшейся битвы, активное меньшинство призывало к себе неорганизованных рабочих; оно звало их не разделить с ним опасность, но принять участие в распределении.

Выпущены были манифесты, приглашавшие всех рабочих, еще неорганизованных, записаться в своем синдикате, чтобы иметь возможность принять участие, на равной ноге с другими, в распределении пищевых продуктов, которое будет производиться при посредстве рабочих организаций.

Это распределение съестных продуктов не производилось с узким ригоризмом; кроме организованных рабочих в нем участвовали также интеллигенция, коммерсанты, ремесленники. Эти последние до сих пор сторонились синдикальных организаций так как они в прошлом были боевыми организациями; но теперь, когда синдикаты превратились в общественный организм, они нашли себе в них свое место.

Синдикаты пищевиков образовали из себя продовольственные комиссии. Запасы крупных торговых домов, склады, оптовые магазины, были обложены контрибуцией, и таким образом кооперативы и коммунистические кухни, — устроенные в помещениях ресторанов и кафе, — могли производить распределение и удовлетворять отчасти потребителей.

Дух солидарности господствовал в синдикальных

организациях, и первой заботой последних была удовлетворить нужды больных; для них они сохраняли лучшие куски, мясо, становившееся редким в мясных лавках.

Впрочем, в больницах больные не страдали от стачки, так как медицинский персонал, работавший в них, не покинул своей службы. Но весьма вероятно, что еслибы они и медицинский персонал зависели в питании только от Общественного Призрения, пища тех и других была бы очень скудна.

Булочники, одни из первых об'явили стачку; так как хлеб составляет основную пищу парижан, то одни из первых также они принялись за работу, — но на вполне определенных, точных условиях. Они соглашались временно работать по прежнему у хозяев, которые согласятся раздавать бесплатно, хлеб тем, кто не мог платить за него; в тех булочных, где хозяева не хотели принять это условие, стачка продолжалась; согласившиеся ухитрились наверстать потерю на богатых, продавая им хлеб дороже, чем другим.

Кроме того, рабочие булочники, устроили непрерывные смены для работы в потребительских кооперативах и в рабочих булочных. Затем были захвачены крупные булочные с механическими месилками и заводы изготовляющие хлеб, как, напр., крупная фабрика в Виллетт, в которой можно было в течение суток испечь несколько сот тысяч хлебов по четыре фунта каждый.

Чтобы добыть необходимую муку для такого интенсивного хлебопечения, организовались экспедиции, с целью реквизировать муку в доках, а также в амбарах, находившихся в Виллетте и Грэнель.

Повторились зрелища, происходившие в Париже 13 июля 1789 г. после того как был взят приступом монастырь Сэн-Лазар, — который, в дальнейшем, был превращен в одну из тюрем буржуазии.

Нападающие нашли в этом монастыре зерно и муку в большом количестве: они решили переправить свою добычу в центральные склады и для этого силой реквизировали штук пятьдесят телег. Когда телеги были

нагружены, образовалась громадная процессия, которая двинулась в путь, а вокруг возов выступали инсургенты, нарядившиеся в мишурные облачения, взятые из монастырской часовни.

За исключением внешней декорации и с грузовыми автомобилями, вместо примитивных телег, наблюдались такие же процессии и теперь.

До такой степени здесь повторялась революционная традиция, что даже поведение вооруженной силы по отношению к этим инцидентам было в обоих случаях одинаково: в 1789 г. солдаты французской гвардии, находившиеся в казармах в предместье Сэн-Дэни, отказались идти, когда им пришли сообщить, что революционеры напали на монастырь Сан-Лазар, — возразив, что они не получали никакого приказа и что они не вмешиваются в дело полиции; на отсутствие приказаний также сослалась военная стража, чтобы избежать необходимости вмешаться, когда ее известили, что стачечники грабят склады зерна и муки.

В большинстве случаев, когда войско обязано было вмешаться, оно исполняло данные ему приказания с принуждением и часто выражая недовольство, — показывая этим, насколько ему противно было дело, которое взваливали на него. Эти чувства, которые солдаты не старались больше скрывать, увеличивались, благодаря общению, какое установилось между ними и рабочим населением, среди которого они находились: им передавали хлеб, а также вино, — ибо вино всегда было в изобилии! — и так как несчастных солдат плохо и нерегулярно кормили, они были рады неожиданной находке.

Синдикаты занимались не только тем, чтобы обеспечить минимум пропитания для всех. Их более активные боевые элементы не забывали слов Бланки, так часто повторяемых им: „Нужно, чтобы через двадцать четыре часа после революции, народ увидел, что он стал менее несчастен...“ и они старались провести в жизнь эти слова.

Они занялись жилищным вопросом и одеждой.

Несчастных, находившихся в ужасной бедности, одели; тех, кто был без пристанища, поселили в пустых комнатах ближайших отелей.

Хозяева отелей, торговцы, недовольные протестовали. Их успокоили, выдав им реквизиционные „чеки“, которые, правда, они считали за туманную гарантию, но которые давали им право участвовать в синдикальных распределениях. К этим „чекам“ прибавлялось несколько кратких поучений о человеческой солидарности, царство которой наступало.

Не все торговцы и хозяева были покладистого характера. Были несговорчивые, которые не хотели ни принимать гостей ни допустить у себя реквизиции, — и отказывались от гипотетических „чеков“. Эти упорные бежали просить помощи у полиции, войска, — и отсюда происходили более или менее серьезные столкновения.

Так разрасталась и усиливалась стачка. За отрицательным периодом первых дней, который ограничивался разрушением старых основ, начинался положительный период, период реорганизации.

Деятельность росла в Конфедерации, в Бирже Труда, в корпоративных федерациях, в стачечных комитетах. Там отныне была жизнь, — жизнь еще в зачаточном состоянии, — которая была только еще в периоде инкубации, но которая завтра должна была развернуться, создав крепкие организмы, замещающие мертвые.

И что было утешительно, что наполняло сердце радостью, так это то, что слова Бланки начинали осуществляться: партии капиталистического общества видели зарю новой жизни. Уже некоторые ели лучше, чем прежде и атмосфера нищеты, которая окружала их, была менее тяжелой, менее густой, менее мрачной!

ГЛАВА IX.

БУНТ АРМИИ.

Период общественного распада не мог тянуться вечно. Правительство спешило ускорить развязку, ибо продолжение стачки, которая усиливала синдикаты, все более и более разлагало и обессиливало его. Государство распадалось: все трещало; потеряв то, что составляло его престиж,—жизненные организмы общества,—оно свелось почти исключительно к репрессивным организациям: суд, тюрьмы, полиция... У него была также армия,—только верность ее становилась все более и более проблематичной.

Желая покончить с восстанием, правительство решило объявить осадное положение. Парламент одобрил эту меру. Это имело лишь формальное значение. Палата депутатов была лишь каким-то пережитком прошлого; обезумевшая, разъяренная, она могла во время своих бесконечных заседаний обсуждать, решать, голосовать резолюции и порядок дня,—интерес был не в ней. Она не была больше ничем. Парламентаризм был при последнем издыхании.

Хотя правительство и решилось на кровавую, беспощадную, жестокую расправу, но оно находилось в затруднении. В революционном движении, которое оно собиралось подавить, было типично то, что оно не было централизовано, его распыленность сильно затрудняла предпринятую правительством операцию. Куда нужно было направить решительный удар? Занять войсками помещение Всеобщей Конфедерации Труда и даже Биржу Труда — не поможет делу. Арестовать и посадить в тюрьму видных революционеров, членов комитетов и комиссий? Оно уже пыталось это сделать, но без осязательных результатов. Аресты, какие ему удалось сделать—и они были многочисленны! — ничего не дезорга-

низовали. Арестованные члены автоматически заменялись другими—в некоторых организациях несколько раз подряд,—и это не вызвало ни дезорганизации, ни даже колебания в движении.

Вслед за этими насильственными действиями правительства, чтобы помешать их повторению, стачечные комитеты приняли меры предосторожности: они заседали, не расходясь, в залах собраний, где день и ночь сторожили многочисленные стачечники.

И потом, не только комитеты нужно было нейтрализовать, уничтожить,—был еще народ...

Как его поймать? Как с ним справиться? Он имел осторожность не поддаваться репрессивным мерам,—он умел ускользать, делаться неуловимым. Кроме того; как принудить его повиноваться? Чтобы победить его бездействие, чтобы заставить его вновь работать, чтобы навязать ему опять хозяйское ярмо, нужно было взять его численностью... А правительство не располагало больше численным превосходством сил! У него не было больше в руках армии. Хуже того, оно не могло больше вполне доверяться солдатам муниципальной гвардии,—в казармах они потихоньку пели *И н т е р н а ц и о н а л*. Если хорошенько посчитать, то правительство располагало всего лишь несколькими корпусами избранных солдат, главным образом кавалерией, на которых оно могло вполне рассчитывать. Кроме того, у него была полиция,—да и то, благодаря охоте на городских и полицейских, ряды ее сильно поредели.

Но делать было нечего. Существующее положение было невыносимо. Решено было—расставить пушки и пулеметы на улицах, если это было необходимо, но покончить с всеобщей стачкой! Для начала решено было занять солдатами Конфедерацию, Биржу Труда, залы собраний, кооперативы,—все центры рабочей деятельности. В случае малейшего сопротивления, брать здания приступом!.. И в виду осадного положения нечего было стесняться. Никаких полу-мер! С смельчаками, которые

дерзнут оказать сопротивление, будет поступлено немилосердно!..

Начались приготовления к быстрому осуществлению этого решительного плана. Войска были взяты из казарм и отправлены на стратегические пункты задуманной крупной операции.

Передвижение солдат, потребовавшееся подготовкой этого плана действия, в котором должны были участвовать все свободные войска, привлекло внимание стачечников, и они также приняли соответствующие меры.

Уже молодые элементы в синдикатах,—наиболее предприимчивые, наиболее решительные,—составили нечто вроде отрядов, специальной миссией которых было охранять безопасность комитетов и заседаний, не расхаживая ни днем, ни ночью,—устанавливая охрану, сторожевые посты так, чтобы всегда кто-нибудь был на страже и чтобы не было риска быть захваченными врасплох.

Эти группы старались также вооружиться,—запасаясь боевыми припасами, реквизируя в оружейных магазинах и в других местах годное оружие. Они не обманывали себя, однако, относительно пустяшного значения своего жалкого вооружения. Большая часть молодых людей, входивших в состав этих отрядов, были в то же время членами антимилитаристских групп, — и они прекрасно знали, что было бы безумием с их стороны надеяться справиться с армией.

Они знали, что революция никогда не удавалась, если выступала против армия, — она удавалась только при ее поддержке или, по крайней мере, при ее нейтралитете. Они знали, что во все революционные эпохи, народ побеждал только когда войско отказывалось стрелять или присоединялось к нему. И они заключали отсюда, что и на этот раз также поражение или торжество всеобщей стачки будет зависеть от поведения армии. Поэтому они направили все свои усилия на то, чтобы завязать связи с солдатами. Они достигли этого с тем большей легкостью, что армия тоже была

заражена социальными стремлениями,—ей была противна, надоела репрессивная роль, какую она вынуждена была играть.

В большинстве казарм и лагерей между солдатами и рабочими установились драгоценные сношения. Но было еще нечто важнее; во многих ротах, в артелях, часто разговор велся на тему об обязанностях солдат по отношению к себе самим и к человечеству... и в результате в полках образовались идейные группы. От вступающих в эти группы требовалось предварительное обещание не стрелять в народ. Кроме того, так как было физически невозможно держать войска все время в казармах, взаперти, солдаты пользовались своими редкими минутами свободы, чтобы посещать собрания и мешаться с толпой.

Таково было состояние духа в войсках, когда правительство решило нанести стачке удар, который оно считало решительным.

Ночью войска были размещены так, чтобы утром военные действия могли начаться во всех пунктах сразу.

Перед рассветом неожиданный и печальный инцидент расстроил принятые меры. Когда заканчивались приготовления к сражению, в казармах Шато-Д'О, которые в виду близости их к Вирже Труда, а также к улице Гранж-о-Белль, были центром репрессивных выступлений,—раздались крики „пожар!“

Казармы горели!

Моментально забили тревогу. Солдаты в беспорядке спустились на двор и, когда прошел первый момент паники и безумного страха, занялись тушением пожара. Горело в нескольких местах,—что служило верным доказательством злого умысла,—и уже в различных местах огонь был чрезвычайно сильный.

Привели в действие насосы... Ужасное разочарование!.. Воды не было... Один за другим все краны были открыты. Бесполезно! Нигде не было воды. Было очевидно, что вода была остановлена намеренно.

Пока убедились в этой неприятной вещи, было

потеряно драгоценное время. Когда отказались от надежды остановить пожар, огонь с треском распространялся по всем этажам. Одно за другим с шумом разбивались стекла, и сквозь клубы дыма, выходящего из окон, виднелись огненные языки.

Когда хотели спасти лошадей, которые привезли пушки и пулеметы, обезумевшие животные ржали, становились на дыбы; к ним нельзя было подступить. После огромного труда удалось их вывести. Наоборот, было совершенно невозможно, несмотря на невероятные усилия, запретить их в пушки, которые должны были оставить на дворе, также как и обозы с боевыми припасами... И тревога усилилась от возможности ужасных взрывов.

Эта катастрофа расстроила все комбинации, выработанные для нападения. Солдаты, совершенно растерянные, едва одетые и без оружия, блуждали где попало. Несмотря на то, что никто из них не погиб на пожаре, офицерам удалось с большим трудом собрать половину наличного состава своих полков. Другая половина растаяла, испарилась...

Одновременно с пожаром в казармах Шато-Д'О, развертывались другие события, которые должны были нанести еще более тяжелый удар делу капитализма.

Синдикалистские и антимилитаристские организации, деятельность которых была согласована и тесно связана, задумали, в то время как правительство готовилось к бою, совершить некоторые попытки в тех местах, откуда должны были вывести войска. Охваченные сильным желанием вооружиться серьезно, эти группы организовали тщательное наблюдение вокруг государственных складов оружия, решив захватить последние при малейшем благоприятном случае. В эту ночь случай представился превосходный!

Груды оружия и боевых припасов, сложенные в Венсене,—также как и в других пунктах,—были оставлены почти без призора. Как только антимилитаристские группы узнали об этом, они быстро сообщили все ра-

бочие организации, и маленькими группами, которые ни могли привлечь ничего внимания, стачечники направились к указанным пунктам.

Несколько солдат, оставленные сторожить склады, были быстро обезоружены, и революционеры принялись энергично опустошать магазины. Прежде, чем военные власти были уведомлены о случившемся, тысячи рабочих были вооружены такими же ружьями, как армия.

Конечно, стачечники не стали непобедимыми от одного того, что они имели теперь скорострельные ружья. Но это обстоятельство придавало им такую смелость, такую уверенность в себе, что они не боялись больше ничего. Это потому, что, кроме оружия в руках, они имели в сердцах глубокое убеждение в правоте своего дела: у них была воля и энергия, которые побеждают препятствия, кажущиеся непреодолимыми... Тогда как войска, которые выставлялись против них, хотя и имели на своей стороне превосходство военного обучения, стояли значительно ниже их, ибо они шли по принуждению, без энтузиазма, без веры.

С утра, как бывает в дни великих драматических событий, весь Париж высыпал на улицу.

Армия, сделав последние сборы, вялая, инертная,— без всякого воодушевления, какое приписывали французским солдатам, даже в самые критические моменты,— заняла указанные ей пункты. Вдруг в ее рядах, как молния, разнеслась весть о происшедших ночью событиях, солдаты рассказывали друг другу о пожаре в казармах Шато-д'О, об ограблении складов оружия,—и что теперь стачечники были также хорошо вооружены для боя, как полки регулярной армии.

От этих рассказов, которые сопровождались неприятными комментариями, остаток дисциплины в войсках рухнул! И в то время, как солдаты, растерянные, стояли в застывшей выжидательной позе,—толпа, в которой преобладали женщины и дети, проявлявшая больше любопытство, чем страх, наводнила тротуары. Народ все прибывал, толпа теснила солдат, врезывалась в их ряды,

несмотря на окрики офицеров, которые, потерявшие терпение, в нервном возбуждении, колебались, однако, дать приказ применить грубую силу против нее,—такой у нее был безобидный вид.

В это время стачечники длинными колоннами возвращались из Венсена в Париж. Они были полны энтузиазма, в глазах их отражалась сила и вера. Они были вооружены! Под такт революционных песен они шли, пылая энергией и не боялись никакой встречи.

Так как все оружие и боевые припасы не могли быть розданы на месте, стачечники нагрузили ими телеги, которые везли с собой.

Уходя из Венсена революционеры приняли меры предосторожности; чтобы не попасть в ловушку или не подвергнуться неожиданному нападению, впереди и по сторонам ехали циклисты в качестве разведчиков. Другие стачечники, хорошо владевшие оружием, образовали авангард, и несколько человек, наиболее смелых и неустрашимых, стали командирами.

Теперь колонна двигалась по широкой дороге развернутым фронтом и шумно приближалась к площади Насион. Трагические, решительные минуты!

Строевой полк, посланный навстречу инсургентам, ждал их у памятника, работы скульптора Далю. Этот памятник,—ирония вещей!—названный „Торжеством Республики“, должен был быть свидетелем крушения буржуазной республики!.. Какую бы радость испытал великий художник, в каком бы он был восторге, если бы, когда он лепил своих львов, он мог вызвать в своем воображении зрелище, какое должно было развернуться у их ног: отмщение за 1871 год!

Офицеры хотели бы избегнуть соприкосновения народа с солдатами и открыть стрельбу на расстоянии. Им помешала густая толпа, которая, становясь все многочисленнее, окружала солдат, стесняла свободу их движений и, как тина, засасывала их, вместо того, чтобы разойтись по требованию офицеров.

Теперь толпа эта, в которой преобладали женщины

и дети, из пассивной становилась смелой, решительной: из рядов ее посыпались по адресу солдат упреки, суровые и мягкие, крики о пощаде, рыдания, взывание к человечности, горячие просьбы и увещания не стрелять в братьев, детей, мужьев...

Еще несколько шагов и стачечники, которые перед этим запели Интернационал и в этот момент пели во всю глотку куплеты о солдатах и генералах, должны были соединиться с толпой и столкнуться с войском. Офицеры, чувствуя, что последнее слабеет, скомандовали готовиться к бою.

Чтобы облегчить исполнение этого приказа, — и чтобы отодвинуть войско от толпы, — они скомандовали еще быстро отойти назад на несколько шагов. Лишь несколько человек ответило на эти командования, которым обычно солдаты машинально повинуются, как автоматы. Крики отчаяния и бешенства заглушили голоса военных начальников, уничтожая их действие; слышались проклятия, некоторые бросились вырывать ружья из рук солдат, и из толпы раздался громовой крик: „Приклады вверх!“

Высшие офицерские чины пытались помешать неминуемому отказу от повиновения. В бешенстве, с пеной у рта, они пустили вперед своих лошадей и встали перед войском: они пробирали солдат — мятежников, угрожая им военным судом, виселицей..., то, повертытаясь к толпе, кричали, что они заставят солдат расстрелять ее...

Это бешенство офицеров, напоминавшее ярость генерала Лековта 18 марта 1871 г. на Монмартре, только ускорило военный бунт: солдаты ответили вещим жестом, и протянули руку народу. И, вместо сцены ужасной резни, последовали об'ятия, восторженная радость.

Полк распался. Солдаты и стачечники братались, тогда как офицеры (которые вспоминали сцену на улице Розье) ускакали под свист пуль, приветствовавших их бегство.

От площади Насион, после короткой остановки,

солдаты и стачечники разделились на несколько колонн,— кто направился через предместье Антуан, кто бульваром Вольтер, кто по улице Филипп-Огюст,—идя под руку, движимые непреодолимой силой и полные воодушевления. Всюду, где они проходили, раздавались крики энтузиазма и неистовой радости, и войска, которые они встречали по дороге, распадалась и уходила вместе с ними.

Молва об этой первой измене солдат правительству разнеслась с молниеносной быстротой. Во всех пунктах, где власти думали открыть репрессивные действия, солдаты,—уже деморализованные,—окончательно потеряли чувство всякой дисциплины от пессимистических рассказов, доходивших до них, и отказывались драться, переходили на сторону народа.

В некоторых местах были слабые попытки сопротивления со стороны отборных войск, главным образом, кавалерии. Но когда стачечники, снабженные теперь оружием, начали стрелять из скорострельных ружей в кавалерию, лошади которой с трудом продвигались вперед, благодаря всевозможным препятствиям, главным образом благодаря тому, что дорога была усеяна разбитыми стаканами и бутылками, пыл ее спал. Так же было и с некоторыми другими верными войсками, которые, атакованные спереди, сзади, обстреливаемые сверху из окон... не могли держаться.

Инсургенты не были опьянены своими победами. Они доказали, что у них есть практическое чутье. Они приняли необходимые решения и ряд полезных мер, чтобы их успех не был лишь временным.

Образовались вооруженные отряды в различных кварталах; они должны были атаковать казармы и заняли все центры репрессивных выступлений и правительственные центры, чтобы сделать невозможной всякую попытку со стороны реакции координировать свои силы.

Но как бы ни была необходима и неотложна эта мера, было другое дело, еще более важное: нужно было быстро нанести удар власти в самое сердце, поразить ее в ее живых проявлениях. Это взялись сделать боль-

шие колонны, — состоявшие наполовину из восставших солдат, наполовину из стачечников, — которые направлялись от площади Насион к центру Парижа.

Одна колонна, которая спускалась от предместья Антуан к улице Риволи, заняла одно за другим здания Городской Ратуши, префектуры, суда, потом, свернув к левому берегу, она отправилась штурмовать различные министерства.

Другая колонна, которая шла по бульвару Вольтер и по большим бульварам, нагрянула, как огненный метеор, сначала в министерство внутренних дел, затем в Елисейский Дворец, на площадь Вандом...

Обе эти колонны должны были сойтись в палате депутатов...

Составлявшие их массы двигались, как бурный поток, и все это произошло до такой степени стремительно, так неожиданно и внезапно, что никакие серьезные меры противодействия не могли быть приняты правительством. По пути толпа увеличивалась, — двигалась, как лавина! — увлекая встречный народ и солдат, разбивая, как соломенку, редкие банды полицейских или войско, оставшееся верными правительству, которые пытались заградить ей дорогу.

Ничто не могло устоять против этой народной волны! Она двигалась, как разъяренная стихия, — это был расвирепевший океан...

И в волнах его должны были погибнуть правительство и весь парламентский строй.

Г л а в а X.

ПАДЕНИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА.

Утренние события были громовым ударом для парламента. Дошедшие до него сведения были неполны, искажены, события были раздуты, — и депутаты по-

чувствовали тревогу, изумление, смятение. Не совсем успокоенные утешительными словами министров, занятых войсками Парижа и осадным положением, они увидели перед собой пропасть, куда должна была их низвергнуть начавшаяся буря.

Что то будет? Конечно, они не предвидели для себя непосредственной гибели. Парламент находился под сильной охраной. Доступ к нему через правый берег охранялся батальонами муниципальной гвардии, тесными рядами, расположившейся у моста Согласия; со стороны улицы Бургонь, на площади, вокруг здания, внутри, — везде! — было набито войско...

Как все это кончится?

В кулуарах, в буфете завязались горячо споры в возбужденном тоне, быстро перешедшем в свирепый, с оттенком страха. Депутаты правительственной партии осыпали проклятиями своих коллег социалистов, делая их ответственными за то, что произошло.

Заседание открылось в лихорадочной атмосфере. Присутствовало несколько министров. Председатель совета министров, старался казаться уверенным и спокойным, — не проявлял охватившего его тревожного состояния. Он взошел на трибуну и сообщил о серьезности положения, стараясь придать ему оптимистическую окраску, — и отказываясь найти иной выход, кроме сопротивления до последней крайности. После него выступали отдельные депутаты, внося смешные предложения, распространяясь в обвинениях и упреках, скучных и неуместных. Их никто не слушал. Депутаты с озобоченным видом входили, выходили. Они не могли спокойно сидеть на месте, с нетерпением ожидая известий, — вполне основательно меньше интересуясь бесполезными и пустыми речами своих коллег, чем тем, что происходило на улице. Там был весь интерес!

Колонны стачечников, в перемешку с солдатами, приближались. Они прибывали со всех сторон. Группы, которые шли через набережную Вольтер, и те, которые шли по бульвару Сэн-Жермен, подошли к парламентской

площади, тогда как те, которые шли по улице Руайаль и улице Риволи, заняли площадь Согласия.

Теперь шум быстро двигавшейся толпы заглушал всякий другой шум. Солдаты муниципальной гвардии, которые устроили барьер у моста Согласия, пробовали не пускать толпу, обнажили сабли. Бесполезно! Они были снесены, затоплены народной волной, которая, прорвав эту плотину, дошла до галлерей, окружившей парламент. Не упорнее была защита и со стороны улицы Бургонь. Были пулеметы на дворе. Они не были использованы, — пулеметчикам противно было направлять их против нападающих, среди которых они видели многих своих товарищей.

Присутствие солдат в рядах стачечников сыграло большую роль в том, что войска, остававшиеся еще верными правительству, оказали слабое сопротивление.

Со всех сторон, стало быть, палата депутатов была окружена. Шумная, гневная толпа имела одну цель: проникнуть в зал заседаний. Она ворвалась туда вихрем, заполнив трибуны и места, где помещались депутаты, — в то время как многие из последних сочли более осторожным удалиться.

Поднялся крик, гвалт. С трибун, предназначенных для публики, раздался выстрел, — явно направленный на скамью министров. Чья то рука повернула оружие, и пуля ударилась в стену, а в это время раздался оглушительный крик: „Долой парламентаризм! Да здравствует социальная революция!“

Граждане с добрыми намерениями, желавшие, чтобы революция не проливала напрасно крови, и которые мечтали, чтобы она обошлась без актов ненависти и мести, увели министров, укрыв их от проявления народного гнева, тогда как на ступеньках, ведущих к ораторской трибуне, происходила давка и толкотня. Один манифестант, взобравшись на председательское кресло, столкнул ошеломленного председателя, занял его место и начал яростно звонить колокольчиком, умиряя толпу. Добившись сравнительной тишины, он

воспользовался ей, чтобы провозгласить в отрывистых громких фразах, раздававшихся, как удары молота, падение парламентаризма, уничтожение буржуазного государства, и угрожал смертью депутатам, которые осмелятся еще заседать.

Его речь, прерываемая бурными аплодисментами толпы, вызвала протест со стороны депутатов крайней левой, которые, среди общей растерянности парламентариев, сохранили свое хладнокровие. Социалистам хотелось бы придать революции другую ориентацию: они хотели законодательствовать; мечта их была вести революцию государственным путем, продолжать ее и закончить путем законов и декретов. Они думали повторить прошлое и воскликнули: „Провозгласим Коммуну! в городскую Ратушу!..“

Это предложение было встречено свистом и, шиканьем. Поднялась новая буря, среди которой слышались шумные протесты и угрозы превратить в порошок всякое возродившееся правительство. Тогда ясно стало, насколько глубоко толпа была проникнута духом синдикализма. Крики удвоились. „Нет! Нет! Не надо Коммуны! Не надо больше парламентаризма!.. Да здравствует революция! Да здравствует Конфедерация Труда!..“

Лидер крайней левой, выдающийся могучий оратор, который наносил сильные удары павшему строю, раздвинул толпу и подошел к трибуне. Сначала его встретили усилившимися криками. Громче всех, как петарда, раздавался крик „Долой пятнадцати тысячников!“¹⁾ Это доказывало, что, в своей ненависти к парламентаризму, народ не делал никакого различия. Оратор среди страшного гвалта, начал говорить, повысив голос. Сначала скорее видно было, что он говорил, чем слышно. Он делал руками жесты, требуя молчания.

¹⁾ Так называли депутатов с тех пор, как они назначили себе годовое жалованье в 15 тысяч франков. Раньше они получали 9000 фр. *Прим. переводчика.*

И вот, словно масло, разлившееся поверх бурных волн, слова его успокаивают ярость и возбуждение толпы. Она хочет слушать, и через несколько минут устанавливается относительная тишина.

Обладая удивительным даром ассимиляции, великий оратор определял положение, приподнимая завесы будущего, и рисовал роль, отныне выпадавшую на долю его друзей. Он упрекал депутатов крайней левой, которые сейчас предлагали подражать прошлым революциям. Он умолял их отказаться от своих намерений, не раскалывать пролетариата, который при настоящих обстоятельствах, больше чем когда либо, нуждался в общности идей и средств:

„Времена изменились, воскликнул он. Будем смело смотреть на вещи и без ложного стыда, без горечи, признаем, мы — депутаты социалисты, что наша роль кончена! Мы вспахали глубокую борозду и посеяли доброе семя, которое густо возшло. Теперь настало время жатвы, оставим жнецов делать свою работу. Стушемся! Предоставим действовать синдикальным организациям. Социальная ось переместилась. Она не здесь больше, не в Елисейском дворце, не на площади Бово, она даже больше не в Городской Ратуше... она в Бирже Труда, она на улице Градж - о - Белль! Место принадлежит, стало быть, рабочему классу. Предоставим ему выступить на сцену, занять первые роли. Будем рядовыми работниками, без ущемленного самолюбия, без всякого чувства досады. Мы найдем способ приложить еще свои усилия...“

В то время как ворвавшаяся толпа, очарованная, слушала красноречивого социалистического оратора, большинство депутатов, — в особенности те, которые знали, что их сильно ненавидит народ, — также как и члены правительства, улизнули из зала заседаний и скрылись. Так что когда оратор кончил говорить, в зале была только толпа, попрежнему такая же многочисленная, и депутаты оппозиции.

Между последними возникли разногласия. Среди

них были такие, которые, не видя ничего дальше простого демократизма, определенно и чистосердечно порицали мысли, высказанные социалистическим оратором, и упорно настаивали на своем проекте „временной комиссии“, „революционного правительства“... все равно как оно будет называться! Им важна была суть, а не название!

Но стачечники были на страже. Их победа была полная, и у них не было желания оставлять свободное поле действия парламентариям, — как бы благородны не были их намерения. После короткого совещания они пришли к соглашению, что для того чтобы помешать всякой попытке наступательных действий со стороны павшей власти или усилию восстановить парламентаризм, несколько товарищей будут безвыходно находиться в здании парламента и, в случае нужды, силою воспрепятствуют всякому контр-революционному маневру.

Это определенное старание дезорганизовать государство, основательно расстроить его механизм, — чтобы не дать возможности правительству вновь собраться с силами и сойтись в какомнибудь месте, — сильно чувствовалось всеми.

Оно до такой степени отвечало необходимости, что различные группы революционеров, захватив префектуру, министерство, Елисейский Дворец и т. д., приняли такие же меры предосторожности, оставляя на посту стачечников.

Городская Ратуша тоже не была забыта. К ней отнеслись тем более серьезно, что, по традиции, имелась тенденция смотреть на нее, как на центр революционной деятельности. Сколько раз с ее балкона, когда народ низвергал правительства, люди, становившиеся у власти, провозглашались революционным правительством!

Это было в прошлом! Теперь Биржа Труда, Конфедерация, синдикальные центры были сердцем и душой движения, — и к ним направлялась толпа.

День, начавшийся мрачно и зловеще, кончился как в волшебной сказке. После разных перепитий,

после какого то оцепенения последних дней наступила ясная ночь, — нарушавшаяся только проявлением бурной народной радости.

Успех революции был неминуем, крушение власти казалось полным. Люди, ответственные за вооруженное сопротивление власти, — президент, министры, высокопоставленные со стороны государственные лица, — скрылись, исчезли с горизонта! И, как следствие этого крушения, этого бегства то, что осталось от армии, превратилось в ничто. Военное начальство большей частью осторожно скрылось; остались только редкие офицеры, проникнутые социальными стремлениями; пользовавшиеся, уважением своих солдат, они были близки к тому чтобы разделить вместе с ними народную радость.

Что касается солдат, вернувшихся в народ, смешавшихся с ним, их всюду чествовали, всюду оказывали им братскую встречу... Ведь, они, в значительной мере, способствовали успеху дня.

После жгучей тревоги, вызванной стачкой, все, — буржуа и рабочие, — вкушали отдых. Для первых, однако, этот отдых отравлялся чувством беспокойства, — что будет из себя представлять это социальное обновление? Для вторых неизвестное будущее обещало только радость, — оно было осуществлением так сильно лелеянных надежд: концом кошмара нищеты!

Г л а в а X I.

ЗАХВАТ БАНКОВ.

Немедленно все комитеты синдикальных организаций устроили заседания. Они заседали почти не расходясь, охваченные лихорадочной деятельностью, которая росла вместе с обстоятельствами.

Недостаточно было низвергнуть централизованное милитаристическое государство, выражение римского и

цезарского права. Настоящая работа начиналась с момента этого ниспровержения: нужно было вновь пустить в ход общественную машину; нужно было, в особенности, спешно обеспечить пропитание населения, избежать голода.

К этим самым главным трудностям присоединились неприятности — к счастью относительные, — вызванные упрямыми сторонниками государственного социализма, которые упорно старались направить революцию по государственному руслу. Их неуспешная попытка посадить какое нибудь правительство в городской Ратуше не заставило их отказаться от своего проекта. Они были озадачены, но не убеждены в ложности своего пути. Их вращение в парламентской среде и законодательная деятельность мешали им понять смысл движения; его размах был выше их понимания, — и они считали революцию погибшей. Однако, их вмешательство не имело пагубных последствий, благодаря их привычке к медлительности, празлым спорам, длящимся без конца и не приводящим ни к каким результатам, которым их научил парламентаризм. Синдикаты превосходили их своей активностью и быстротой действия. В синдикатах споры были кратки, решения быстры и быстро приводились в исполнение. Это превосходство лишило всякого влияния сторонников парламентаризма на революцию. Оказавшись без точки опоры, без почвы, они истощали свою энергию в бесплодных усилиях, не находивших себе практического применения, так как вся общественная работа отныне перешла к корпоративным организациям.

Возврат к государственности был, стало быть, избегнут, а раз почва была очищена от всяких политических разглагольствований, трудящиеся, объединенные в своих синдикатах, в Биржах Труда, в Конфедерации, должны были сами непосредственно осуществлять условия новой жизни.

Первой заботой их было не повторять ошибок 1871 года. Воспоминание о Парижской Коммуне, —

охранявшей подвалы Французского Банка, миллионы которого послужили потом для поддержки версальских репрессий, было слишком живо и слишком упорно преследовало революционеров, чтобы повторение подобной ошибки было возможно. Они понимали социальную действительность и не считали свою победу завершённой тем, что разрушили фасад старого общества, — парламентаризм. Поэтому в ту же ночь, вслед за народной победой, Конфедеральный Комитет, сговорившись с синдикатом банковских служащих, решил захватить в свои руки Французский Банк, депозит казны, крупные финансовые учреждения, — не делая различий между государственными и частными банками или кредитными обществами.

Решено было дать временное пособие заинтересованным, и богатства, рассматриваемые как общественная собственность, употребить, в ожидании нормальной реорганизации общества, на удовлетворение общественных нужд и на обеспечение продовольствия населению. Кроме того, было постановлено, что будут приняты в расчёт взносы частных лиц, которые могут продолжать пользоваться ими, для нужд обмена, в форме чеков.

Эти действия синдикатов подали повод к манифестациям специального характера. Остатки реакционных партий, — которые можно было назвать доисторическими, — нашли данный случай подходящим, чтобы заявить о себе. Эти тихоходы, вздумавшие выступить с криками: „Да здравствует король!“ и „смерть евреям!“ вызвали скопление толпы. Они надеялись свести народ с правильного пути, взбунтовав его исключительно против еврейского капитала, против семитских банков. Прием какой они встретили, показал им, насколько они отстали от эпохи: они основательно были освистаны рабочими, которые не попались на эту старомодную удочку. Полученный ими урок был довольно суровый, и эта безрассудная попытка не имела последствий.

Зрелище совершенно другого характера, — производящее тяжелое впечатление, так как оно обнару-

живало все старые бедствия, и в то же время утешительное, потому что возвещало безвозвратный конец им, — представлял выкуп всевозможных вещей, дорогих и дешевых, заложенных в ломбарде. Процедура была простая и быстрая: все заложённые вещи возвращались даром.

В толпе, стоящей в очереди пред окошечками касс, были не только одни пролетарии; много было также комерсантов, предпринимателей, которые из боязни не уплатить в срок по векселю или благодаря денежным затруднениям принуждены были заложить свои вещи. В глазах этих последних, несмотря на то, что устанавливающийся новый порядок не внушал им большой симпатии, светилось чувство удовлетворения; они невольно подумали, что если революция и готовила им массу неприятностей, то, по крайней мере, она начиналась мягко.

С первых дней победы еще другая мера была принята народом: группы писателей революционеров, а также рабочих печатников решили обеспечить выход газет. Естественно было, что, раз социальные условия изменились, условия издательства должны были также измениться. Прежде газеты были лишь драгоценным орудием в руках капиталистов, и они превращавших в своих рабов и типографов и журналистов. Те и другие должны были отказаться от своих воззрений, своих мнений, от своих классовых интересов и помогать распространению идей, которые они часто считали ложными, вредными, пагубными; необходимость получать от капитала заработок, — без которого они не могли существовать, — их принуждала к этому.

Теперь рабочий перестал быть рабом капитала, заработная плата была упразднена, а потому условия выпуска газет должны были стать иными: газеты могли быть лишь плодом соглашения и усилия, — как с материальной точки зрения так и с интеллектуальной, — рабочих всех категорий, работающих для того, чтобы

пустить их в обращение. Следовательно, они могли лишь передавать стремления и отражать чаяния народа.

Немедленно также все синдикаты приняли меры для возобновления работ во всех отраслях труда. Наступил конец кошмара, когда кварталы, покинутые рабочими по ассенизации, были вычищены, и наполнявшее их зловоние от гниющих отходов исчезло. И было радостно видеть, когда свет вновь появился в электрических лампочках и засветились газовые рожки.

Но главной и неотложной задачей было обеспечить пропитание населению!

Сделано было самое спешное. Необходимость заставляла часто приниматься за работу в ненормальных условиях. То, что делалось, было временно и недостаточно, — с этим приходилось мириться, — но с нетерпением ждали возможности исправить недостатки.

Захват частной собственности производился методически.

Раз государство было уничтожено, ничто не мешало больше свободному и широкому проявлению народных инстинктов: дух единства и согласия развивался, также как и коммунистические стремления, так долго сдерживаемые властью.

И устанавливалась преемственная связь между новым городом и средневековыми коммунами, в которых зародился в зачаточной форме коммунизм, — государственный централизм остановил его развитие.

Г л а в а XII.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В ПРОВИНЦИИ.

До сих пор в описании перепитий борьбы между синдикализмом и парламентаризмом, который в конце концов был побежден, мы останавливались главным образом на деятельности революционного Парижа. Мы

должны вернуться назад, чтобы показать, какое значительное участие принимала в движении провинция, — ибо, это освещает и объясняет поразительный успех революции.

Если бы движение ограничивалось столицей, — предположив даже, что оно распространилось на большие города, — правительство не было бы так быстро свергнуто. Но оно должно было бороться против стачек на таком огромном поле сражения, на таком растянутом фронте, в столь многочисленных и столь интенсивных очагах революционного движения, что насильственные средства, какими оно располагало, притупились с первых же моментов борьбы.

Как мы уже указывали, армия оказалась численно слишком слабой, чтобы раздавить революцию, и, что еще важнее, нельзя было, за отсутствием быстрых средств передвижения, направить ее в угрожаемые пункты.

Когда произошло избиение на больших бульварах приведшее в негодование Париж, в провинции свирепствовал экономический кризис, — точно также как и в столице, — и стачки не прекращались. Поэтому, как только весть об этом избиении дошла до нее, гнев, вызванный им, довел возбуждение рабочих масс до крайних пределов.

В местностях, где рабочие находились в конфликте с хозяевами, характер этих конфликтов моментально изменился, и немедленно была провозглашена всеобщая стачка.

Движение не ограничилось теми местностями, где была уже стачка. Оно быстро распространялось, и в большинстве центров, где синдикальная организация пустила прочные корни, рабочие оставляли работу, и стачка обобщалась с неслыханной быстротой.

Воззвания Конфедерации и меры, выработанные корпоративными федерациями, упали на подготовленную почву и, в результате, больше воодушевляли и усиливали движение, чем управляли им. Значение и пре-

восходство конфедерального организма заключались не в управлении движением, а вернее в том, что он давал толчек движению и координировал его. Действительно, он обладал нервной, живой силой, которую он черпал в своем федеративном агрегате и которая, передаваясь окружающим, росла.

Тогда увидели, насколько были несерьезны и преувеличены пресловутые трения и раздоры, существовавшие внутри Конфедерации, — о которых так много шумели и что способствовало успокоению буржуазию. Все синдикаты, каковы бы ни были их стремления, — самые умеренные на вид, также как и самые крайние, — составили блок против общего врага. Все были согласны между собою! Все раздоры и недоразумения сгладились, забылись, и весь рабочий класс Франции поднялся, — всюду, сразу. И всюду также им двигали одинаковые чувства; всюду жгучее желание борьбы подняло его против капиталистического общества.

Увидели в то же время, что люди, которые в синдикальной организации были известны своей умеренностью и могли бы служить тормазом движению, — либо были увлечены революционным потоком и принимали участие в движении наравне с другими, либо, если они оставались такими же как и прежде, не желая считаться с событиями, теряли всякое влияние.

Повсюду, стало быть, стачка распространялась с одинаковым жаром и одинаковым подъемом, как и в Париже. Даже некоторые корпорации, слывшие, как обладавшие практическим смыслом, и о которых думали, что они могут оставить работу только после того, как это предварительно будет решено референдумом, бросили всякий формализм и были среди наиболее ревностных сторонников стачки.

В районах горнозаводской и металлургической промышленности работа была приостановлена с поразительной быстротой и внезапностью. Капиталисты сейчас же потребовали для самообороны военную силу. Требование было тем более настойчиво, что они были

сильно перепуганы, они боялись взрыва ненависти, которую они навлекли на себя. Нужно заметить, что в этих отраслях промышленности, в которых давно образовались тресты, в виде „комитетов“ и „торговых контор“, рабочие были поставлены в тяжелые, хищнические условия. И хозяева и директора крупных металлургических заводов и компаний горнозаводской промышленности боялись мести...

В первые дни правительство старалось удовлетворить требования о присылке войск, с какими к нему обращались. Оно разослало солдат по требованию хозяев в наиболее угрожаемые центры. Но обращения за помощью стали так многочисленны, что в скором времени оно не знало, кого слушать.

Его просили охранять восточные рудники, северные, центральные, на Соне-и-Луаре, в Авейроне, в Гаре и т. д.; а также районы ткацкой промышленности, местности, где добывается сланец, центры гончарного производства, механические заводы, полсотни других индустрий, не считая лесных и земледельческих районов. Отовсюду, со всех концов территории сразу, к нему поступали настойчивые требования.

Правительство должно было еще поставить солдат для наблюдения за железнодорожными путями, из опасения, чтобы не были сняты рельсы, разрушены железнодорожные мосты; а также нужно было охранять телеграфные и телефонные линии, чтобы не были перерезаны проволоки.

В центрах, где стачка была в полном разгаре, нужны были солдаты, чтобы охранять некоторые здания, — нужны были также солдаты для замены стачечников в некоторых существенных отраслях труда.

Где взять необходимое число солдат на все это? Понадобилось бы столько же солдат, сколько телеграфных столбов, сколько железнодорожных стрелок, сколько мостов, сколько верстовых столбов.. их понадобилось бы в десять раз больше, чем имелось в распоряжении власти!

Дело дошло до того, что, за исключением Парижа, где войска были сконцентрированы в довольно внушительном количестве, повсюду в других местах армия была до такой степени раздроблена, что она не в состоянии была справиться с бандой стачечников, располагавшей каким нибудь оружием и имевшей желание драться.

Конечно, были местности, не зараженные стачкой, но это не улучшало дела. Не имело большего значения, что в каком нибудь третьестепенном или четвертостепенном городе почта продолжала действовать, так как покруг телеграф и почта бездействовали. Почтово-телеграфные сообщения были почти в такой же степени невозможны, как если бы стачка распространилась на все страну.

То же самое происходило на железных дорогах: были станции, где не было никакой стачки. Только железнодорожное движение было всетаки остановлено, потому что достаточно было для этого, чтобы на нескольких вокзалах служащие блокировали железнодорожные пути, опустили диски, предупреждая этим, что путь несвободен, припаяли свайки в местах расхождения рельс и перестали работать. А так как эти загромождения пути возобновлялись на различных расстояниях, то редкие поезда, какие удалось пустить со случайным персоналом, могли двигаться лишь мучительно медленно.

Когда разразилась всеобщая стачка, в массах чувствовался в скрытом состоянии бунт, назревший более в провинции, чем в Париже. Поэтому во многих центрах движение быстро пошло вперед: очень быстро произошла эволюция, и стачка, которая была сначала стачкой протеста и выражением солидарности, быстро превратилась в революционную стачку.

В крупных центрах, в главных городах, где заседали власти, стачка прошла через фазисы, которые в миниатюре,—и с разницей в интенсивности — напоминали процесс революционного движения в Париже. За периодом чисто выжидательным, ограничивавшемся пре-

кращением работ и остановкой промышленной и торговой жизни, последовал период наступательный: стачечники заняли правительственные центры и стали преследовать представителей государства.

Революционная борьба завязалась с тем большим подъемом, что она велась против властей, впадших в инертное состояние, благодаря отсутствию распоряжений из центра. Государственные чиновники слишком привыкли повиноваться, чтобы могли рискнуть предпринять какие нибудь шаги без соответствующих инструкций. А так как они почти не получали больше никаких инструкций, то они оставались в выжидательном положении, — они ждали! Таким образом, централизация, такой точный и превосходный механизм, — в нормальное время, — благодаря которому можно было заставить всех префектов Франции проделать один и тот же жест в один и тот же час, имел одни лишь неудобства в революционный период.

Главной целью революционеров было обезвредить армию. В гарнизонных городах, которые, впрочем, большей частью остались почти без войск, так как последние были отправлены главным образом в промышленные центры, — первой заботой революционеров было арестовать высшее офицерство: чисто временная мера, предпринятая для того, чтобы более верным образом поставить его в невозможность действовать. Кучка решительных людей проделала превосходно эту операцию. Когда это было сделано, солдат было довольно легко убедить не сопротивляться, разоружить и распустить. После этого, умудренные опытом, революционеры вооружились.

Не всегда одним и тем же способом разоружались солдаты. Так, случалось, что когда в какой нибудь угрожаемый революцией пункт посылался отряд, толпа рабочих выходила к нему навстречу, укоряла солдат в их пассивном повиновении, убеждая вспомнить, что они были братья тех, кого они шли подавлять. В особенности, женщины отличались смелостью. Они хватали

за узду офицерских лошадей, героически заграждали путь солдатам, крича: „Убейте нас, или вы не пройдете!..“ Эти благородные и эпические сцены довершали деморализацию войск, которые и без того шли с неохотой; они слабо сопротивлялись, — давали отнять у себя ружья, теряли дисциплину, расходились.

В некоторых промышленных районах — каменно-угольных копях, центрах чугунолитейных заводов, крупного заводского производства — рабочие давно приготовились к настоящим событиям; они жили в нетерпеливом ожидании того момента, когда они наступят. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, они достали себе оружие, — главным образом старые отмененные солдатские ружья, — и под прикрытием гимнастических обществ научились хорошо владеть ими.

Как только была объявлена стачка, без всяких колебаний, не откладывая в долгий ящик, они перешли к наступлению и, считая, что все принадлежало им, они, не смущаясь, завладели всем округом. Хозяева, директора, их помощники, — все, кто навлек на себя ненависть рабочих, — поспешно скрылись. Среди них были такие, которые отделались тем, что их весьма неделикатно выгнали; другие не избегли долго сдерживаемых народных гнева и ненависти.

Когда прибыли войска в эту восставшую местность, их встретило население, превосходившее их численно, снабженное оружием и твердо решившее защищаться. Стачечники были готовы к бою, — они предпочитали, однако, по возможности избегать его и действовать на солдат силою убеждения и мягкостью; они их встретили, стало быть, без всякой злобы, убеждая их перейти на свою сторону.

Так как армия удерживалась в пассивном повиновении только страхом, боязнью наказания, то ее разложение было лишь вопросом времени и подходящего психологического момента: заразительный пример должен был рассеять все ее колебания. Когда различные войсковые части, в разных пунктах, перешли на сторону

народа, весть об этом быстро распространилась, — несмотря на недостаток средств сообщения, — и один за другим, охваченные эпидемией дезертирства, полки сложили оружие.

В этих чисто промышленных районах, где капиталистическая и государственная сила, наконец, рушилась, рабочие не удовольствовались своей победой. Они не забыли своего долга солидарности и поспешили пойти на помощь своим товарищам по борьбе. Целые фаланги мятежников бросились из этих человеческих муравейников, в которых родилась надежда, и отправились в соседние города, где их помощь могла быть полезной.

Трогательное зрелище представляли эти народные банды, шедшие в такт звучно раздававшихся революционных песен. Вспоминались беглецы из ада Данте, которые бежали брать приступом рай.

По дороге, в деревнях и селах, которые проходили эти банды, крестьяне им оказывали братский, восторженный прием. Они также были охвачены горячкой свободы! И они приветствовали мятежников, пожимали им руки, оказывали им гостеприимство.

По приходе в город, — конечный пункт экспедиции, — революционеры находили делегации от синдикатов, возбужденную, восторженную толпу, крики радости, которые ободряли нерешительных и наводили страх на врагов революции.

Г л а в а XIII.

ВОССТАНИЕ КРЕСТЬЯН.

В свою очередь крестьяне тоже зашевелились. И их вмешательство сделало революцию непреложной, наложило решительную печать на ее торжество.

Если бы крестьяне воздержались от участия в

движении, получилась бы опасная вещь. Не говоря уже о том, что капиталисты нашли бы точку опоры в деревнях, они черпали бы оттуда людей для борьбы с городскими рабочими и, быть может, раздавили бы их!

Факты истории говорят нам, что нельзя надеяться на глубокую и действительную революцию без участия крестьян. Пример 1789—1793 г.г. налицо: Жакерия индрилила революцию в сердце народа, осуществила ее в деревнях, вырвала в них с корнем старый режим.

Буржуазия знала это, поэтому она ничем не пренебрегала, чтобы поднять крестьян против рабочих. Давно она пользовалась в своих интересах недоверием и ненавистью крестьян по отношению к городским рабочим. Давно молодые рекруты из крестьян были лучшими солдатами, которых она посылала против них. И для того именно чтобы поддерживать злобу в крестьянах, не давать ей остынуть, она распространяла в деревнях легенду о „разделенцах“, („partageux“)¹⁾ о пролетариях, всегда готовых взбунтоваться и наброситься на крестьян, чтобы отнять у них землю.

Многие обстоятельства, однако, рассеяли — это ужасное недоразумение. Во-первых, проникновение промышленности в земледельческие области, — под предлогом, что там дешевле рабочие руки, — начало изменять психологию крестьян. Затем установились более тесные отношения между городом и деревней, облегченные развитием средств сообщения, усилившимся распространением газет, ростом образования. С другой стороны, молодой необтесанный парень, побывавши в казармах, возвращался часто преображенным, пропитанным социалистическими идеями, которые он распространял по возвращении к себе в деревню.

Если прибавить к этому, что крестьяне были тоже недовольны, жаловались на то, что им приходится про-

¹⁾ Буржуазия называла так всех социалистов, приписывая им стремление разделить между всеми все народное богатство, в том числе и землю. Прим. пер.

давать в убыток свои продукты, на налоги, ипотеки, тогда понятно будет, что настал день, когда они выбросили из своей головы предубеждения и ненависть против городского рабочего люда, которые поддерживали в них привилегированные.

Большое влияние оказали сельско-хозяйственные кооперативы. Они пробудили в крестьянах потребность ассоциации и общего согласия, которую буржуазия усиливалась задушить. Так как многие из этих кооперативов пускали в обращение свои продукты через посредство потребительских кооперативов промышленных центров, то это способствовало сближению.

Еще плодотворнее была деятельность крестьянских синдикатов, которые вошли в состав Конфедерации или образовались и развились под ее влиянием. Эти синдикаты усвоили тактику борьбы Всеобщей Конфедерации Труда, восприняли ее идеал и распространяли его. Когда в с'ездах Конфедерации стали принимать участие крестьяне, никто не мог сомневаться в социальном значении этого факта. Это показывало, что отныне союз и согласие между крестьянами и рабочими обеспечены.

Виноградари юга и дровосеки центра были первыми крестьянами, вступившими в Конфедерацию. За ними последовали другие: северные крестьяне, смологонщики Ланд, огородники парижского района; затем еще другие, и вскоре земледельческая Франция покрылась сетью живых и деятельных синдикатов. Парии земли перестали быть мизерными существами; единение и солидарность дали им силу и бодрость; они перестали быть апатичными, с туго воспринимающим умом и не боялись больше будущего, так как они научились бороться за свободу и землю, мечту о которой они так лелеяли.

Поэтому во многих районах крестьяне ответили на призыв к всеобщей стачки. Они присоединились к движению тем охотнее и с тем большим жаром, что они не толковали его в ограниченном и узком смысле простого протеста против действий власти. Ограничивать

движение одной лишь стачкой им казалось недостаточным, и, не довольствуясь простым скрещением рук, они думали о жестах, более категоричных. По их мнению данный случай был подходящий для того, чтобы совершить существенный акт, который был близок их сердцу, — освобождение земли. Они были, стало быть, на стороже, — ибо они хотели действовать, но не быть одними. При первых симптомах ярко выраженного революционного движения, к ним пришла смелость, их последние колебания исчезли: они поднялись, чтобы взять землю в свои руки. Землю! которая для крестьянина означает обеспеченную жизнь, завоеванную свободу.

Революционное пламя, охватило, стало быть, и деревню, — и началась новая жакерия!

На равнинах севера, Бри, Бос и во всех местностях, где крупное земельное хозяйство не оставляло ни одного клочка земли крестьянину, поднялось восстание, и были захвачены громадные поместья. В лесах центральной Франции дровосеки, ветераны синдикализма и давно уже привыкшие к совместной работе, прогнали торговцев лесом, заняли земли, леса. На юге выступили виноделы; но не по призыву собственников, как это было в 1907 г., — наоборот, они поднялись, чтобы прогнать их.

Эта жакерия было ускорена одной из тех паник, примеры которых мы находим в истории. По деревням распространился слух, что „разбойники“ пришли из города для того, чтобы поделить между собою землю. Крестьянами овладел такой же страх, как это было в 1789 г.

Чему приписать подобного рода факты? Нужно ли свалить всю ответственность на реакционеров, которые, стараясь извлечь пользу из худшего положения, рассчитывали, благодаря этим ложным слухам, настроить крестьян против революционеров?.. Или же революционеры из макиавелического расчета употребили это средство, чтобы вывести крестьян из их апатии?

Оба предположения одинаково правдоподобны, если мы обратимся к историческим данным прошлых времен: в 1789 г. аристократы и революционеры способствовали — те и другие — появлению паники в деревнях... Но одна революция от этого выиграла!

Как бы там ни было, кем бы не был дан толчок, — в занимающем нас случае, — результатом было то, что, как и в 1789 г., крестьяне поднялись и вооружились...

Они собираются вместе, объединяются!

Поднявшись, они не увидели на горизонте возмущенных разбойников, но, страхнув с себя свою прежнюю пассивность, — они, в свою очередь, подверглись влиянию окружающей революционной атмосферы. Они сделали то, что во многих других деревнях уже было сделано: они раскрыли настоящего разбойника, — богатого, крупного собственника, государство и его пиявки!

И тогда, так же как их предки в 1789 г., они начали забирать землю. В короткое время захват земли крестьянами стало повсеместным явлением. Там, где перед этим существовали синдикаты, инициатива исходила от них, в других местах мятежники сгруппировались и немедленно составили синдикаты, которые должны были стать ячейкой новой общины.

Что могли сделать местные власти против этого разлившегося потока? Мэр, государственные чиновники и несколько привилегированных, имевшихся в коммуне, были бессильны что-нибудь предпринять. Кроме того, большая часть из них не были одарены боевым темпераментом и насколько им хотелось бы, чтобы их защищали, настолько они были мало расположены защищаться сами. Но никакой силы, которая могла бы подавить движение, не существовало больше. Несколько жандармов кантона, продажный пыл которых спал, не смотрели на восстание неодобрительно. Что касается армии, то она заметно таяла, растворялась. Многие солдаты возвращались в деревню, счастливые своим предвосхищенным освобождением; некоторые, которые,

покидая казармы, взяли с собою оружие и боевые снаряды, вошли в ряды революционеров и проявили дух инициативы и большое рвение.

Правда, часто бунтовщики составляли лишь горсть смельчаков; но они были уверены в молчаливом одобрении большинства, и, как бы они ни были малочисленны, привилегированных, заинтересованных в сохранении существующего порядка вещей, было еще меньше. Разрозненные и рассеянные, они находились во враждебной им среде. Некоторые, однако, отказываясь примириться с событиями и отказываясь также эмигрировать, пробовали оказать сопротивление. Они гордились тем, что обучались в свое время спорту, знали, что были сильны и крепки. Но они слишком жили воспоминаниями прошлого: они рассчитывали на престиж своего угасающего великолетия, на уважение, какое их окружало раньше и к которому они привыкли.

Когда они увидали себя покинутыми, одинокими, предоставленными своим собственным силам; когда они заметили, что их слуги отказались драться за них; когда они увидали, что их бойкотируют, относятся к ним, как к проклятым, они должны были признать, какое ничтожное значение имела их физическая сила, теперь, когда рухнули их привилегии.

Революционеры, впрочем, не были кровожадными. Они больше нападали на богатства, чем на отдельные личности, зная, что лишённые этого развращающего средства, каким является богатство, даже те капиталисты, которых всех больше боялись, станут неспособны вредить. Во многих случаях, однако, были жестокие расправы; было мщение. Но эти драмы были инцидентами, а не системой.

Из всех богачей наиболее перепуганы, наиболее подавлены событиями были те, которые бежали из Парижа или промышленных центров в свои виллы или замки. Они приехали искать спокойствия на своих землях, надеясь переждать там без помехи нагрянувшую бурю.

Но вот она разразилась над их головами, — по меньшей мере такая же яростная и беспощадная, как и в городе! И, вот, крестьяне, — бросив почтительный тон, говоря с ними как с равными, — пришли требовать от них, чтобы они оставили эти богатые поместья, которыми они гордились и которые приносили им такие большие барыши!

Отказаться от земли в пользу тех, кто ее обрабатывает... Это конец всему! Это было более ужасным, чем террор 1793 года!..

Если бы эта земля, которую от них надменно требовали, разверзлась под их ногами, их ужас не был бы сильнее!

Г л а в а XIV.

КОНЕЦ ТОРГОВЛИ.

Вернемся к Парижу, который мы оставили в полный разгар реорганизации. Это был хаотический, смутный период, но в то же время период под'ема и воодушевления. Никто не тяготился работой. Переутомлялись с каким то удовольствием, испытывая восторженное чувство. Работали с беспримерным жаром и упорством. Ведь, работали теперь для себя, чувствуя себя хозяевами будущего!

Все проблемы сразу встали перед пролетариатом и все надо было разрешить удовлетворительным образом. Но самой неотложной была проблема о пропитании населения.

Париж не мог обходиться без постоянного подвоза с'естных продуктов. И тем более было необходимо и неотложно восстановить правильный подвоз их, что в период всеобщей стачки все запасы истощились. С другой стороны, нужно было предположить, что в первые моменты доверие к новому строю не будет достаточно

велико, чтобы огородники, скотоводы и различные поставщики согласились посылать в Париж свои продукты, без твердой уверенности, что им будет уплачено за них.

Это затруднение было обойдено, благодаря следующим мерам: брали деньги из банковых запасов и в ожидании когда население привыкнет к другим способам обмена, поставщикам платили прежним коммерческим способом.

Различные синдикаты пищевиков, каждый в своей сфере, составили инвентарь с'естных припасов, имевшихся в магазине, и выработали приблизительную статистику количества продуктов, необходимых для ежедневного потребления. Рядом с этой операцией, было поручено делегатам об'ехать центры экспедиции с'естных припасов и дать экспедиторам желаемые гарантии, чтобы они возобновили отpravку продуктов. В желающих исполнить этот мандат не было недостатка. Кроме революционеров, работавших в крупных потребительских кооперативах, — таков, между прочим Оптовый Склад, — помощь которых, ввиду установленных отношений, была в высшей степени ценна, другие с готовностью предложили свои услуги. Синдикаты могли использовать опыт и знания перебежчиков из класса буржуазии, выполнявших в капиталистическом обществе важные функции, которые, чистосердечно перейдя на сторону революции, желали стать ей полезными.

Эти делегаты по продовольствию имели не одну только работу чисто материального и коммерческого порядка, — у них была также пропагандистская миссия. В районах, где давно функционировали земледельческие синдикаты и производительные кооперативы, миссия их была упрощена; там умы были подготовлены к менее элементарным способам обмена, чем мена своих продуктов на золото. В местностях, где социальная жизнь началась только с революцией, — и в особенности в реакционных, закоснелых местах, — они должны были употребить все средства убеждения. Ни в коем случае не могло быть речи о том, чтобы прибегнуть к силе.

Применение силы была законно, чтобы обессилить правительство, уничтожить эксплуатацию капиталистов. — Но нельзя была употреблять силу, чтобы убеждать народ!

Если были крестьяне, ремесленники, мелкие собственники, мелкие буржуа, которых миссионеры революции не могли распропагандировать, время и пример должны были притти на помощь.

Синдикаты булочников, мясников, молочников, приказчиков бакалейных лавок и другие немедленно принялись налаживать распределение и совершенствовать его механизм. На них теперь, на каждом в его специальности, лежала обязанность удовлетворять потребности населения, — так как распределение стало общественной функцией. Система разбросанных или открытых одна против другой лавок, конкурирующих друг с другом, была слишком нелепа, чтобы она могла быть сохранена.

В ожидании лучшего, была сделана срочная перепись полезных магазинов, и все лишние были закрыты. В большинстве случаев эти меры были приняты с согласия прежних владельцев этих мелких торговых заведений. Мелким хозяевам, булочникам, мясникам, лавочникам было предложено вступить в синдикаты своих корпораций, и из торговцев они превратились в распределителей, — в своей лавке, если она была сохранена. Тех из них, которые отказались от этого предложения, просто бойкотировали: они не находили рабочих, которые работали бы на них. Кроме того, так как у них надо было покупать по старой системе, у них было мало покупателей. Урок был полезителен для большинства, которые быстро сдались, — и не рассказали в этом.

Образование трестов в торговле некоторыми пищевыми продуктами облегчило снабжение и распределение; так было, между прочим, в молочной торговле. Служебный аппарат трестов был приведен в действие, и пришлось только изменить функционирование этих торговых домов, чтобы сделать из них социальные организмы.

Потребительские кооперативы, которые в буржуазном обществе были полезны, чтобы составлять конкуренцию частной торговле, освободить потребление от произвола капитала, чахли теперь, когда распределительные функции, которыми они до сих пор занимались, перешли к синдикатам. Однако, во время всего периода реорганизации и пробных шагов они оказали большие услуги и были ценными помощниками в деле строительства нового.

В различных отраслях прежней торговли, распределительный аппарат был организован по тому же плану, как и для пищевых продуктов: синдикаты служащих каждой категории должны были служить посредниками между производителями и потребителями, упрощая до крайности операцию распределения. Так как дело не заключалось больше в том, чтобы вести торговлю, извлекать барыши из услуг, оказываемых этими посредниками, то деятельность магазинов напоминала систему потребительских кооперативов.

Многочисленные лавки, которые прежде жадно конкурировали друг с другом, были заменены сетью общественных магазинов, с квартальными складами. Первым результатом этого упрощения была значительная разгрузка механизма распределения от ненужного балласта, и масса служащих, ставших бесполезными, были переброшены в производство. Методическая организация этих общественных магазинов и этих складов не прошла без некоторого сопротивления со стороны лавочников. Многие из мелких торговцев испугались перемены и упорно продолжали жить по старому. Их не насиловали, предоставили им прозябать в своем углу. Другие пошли на мировую, и с ними была заключена сделка, как в отрасли торговли пищевыми продуктами: некоторые из лавок были превращены в квартальные склады, и опасения, которые с первых дней преследовали этих экс-комерсантов исчезли. Они быстро заметили, что не потеряли от перемены: их существование, часто полное забот, беспокойств, хлопот, уступило место

безбедной жизни, более широкой, без страха за завтрашний день.

Распределение продуктов первой необходимости происходило по коммунистическому принципу. В распределительных пунктах требовалось только предъявление потребительской карточки, выданной соответствующим синдикатом. Временно, за исключением хлеба и сахара, — хлеб был в изобилии и запасы сахара в большом количестве, — нужно было примириться с введением пайка. Это не было лишением, но было вызвано в данный момент опасением недостатка или нерегулярности в подвозе продуктов.

Не было принято никаких исключительных мер по отношению к буржуазии, к „бывшим людям“. Революционеры не считали себя в праве подвергать их голоду. По отношению к ним было проявлено больше великодушия, чем то делали они по отношению несчастных, безработных, жертв капиталистического общества. Они свободно могли приобретать себе провизию или за деньги или по предъявлении специальных потребительских карточек, которые выдавались им в Бирже Труда. Это было только временно, пока их положение не было урегулировано. Действительно, вопрос о паразитизме стоял на очереди, ибо в социальной улье не должно было быть места для трутней.

Одновременно с разрешением проблемы питания думали о том, чтобы как следует одеть обездоленных прежнего строя и дать им надлежащее помещение. Повсюду образовались добровольно составлявшиеся группы, бравшие в свое ведение квартал, улицу или несколько домов, — анкетные и инициативные группы, которые делали для несчастных то, что те не решились бы сделать сами: они доставали для них одежду, белье, мебель; они составляли список пустых квартир и помещали их в них. Также поступали они и по отношению к семьям, жившим в грязных канурах.

Эта постоянная забота непосредственно улучшить судьбу масс была характерной, доминирующей чертой

революции. Наиболее бессознательные чувствовали, что что-то изменилось, что воздух стал менее удушливым, жизнь менее тяжелой и скорбной.

И потому именно, что революционные элементы были главным образом озабочены тем, чтобы увеличить немедленно общее благосостояние, революция стала необходимой, могла одержать победу над всеми противодействиями, преодолеть все затруднения.

Г л а в а X V.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ И П. Т. Т.¹⁾

Революция в железнодорожной области и области почтово-телеграфных и телефонных сообщений была самой неотложной. К ней было приступлено как только было свергнуто правительство.

Административная неспособность государства была до такой степени всем известна, что автономное ведение дел заинтересованными группами являлось — даже для людей, смотрящих недружелюбно на революцию, — как логический и единственно возможный выход. Это преобразование в области общественно полезных предприятий облегчалось самой их формой, и в каждой из них персонал сравнительно легко приступил к делу. Была одна только цель, — приспособить их к нуждам, для которых они были созданы, так чтобы получить максимум производительности труда при наименьшей затрате энергии.

Реорганизация почт, телеграфа и телефона была возложена, разумеется, на синдикальную федерацию П. Т. Т. (служащих почт, телеграфа и телефона).

Когда железнодорожное сообщение внутри страны было более или менее восстановлено, был созван съезд

¹⁾ Почта, Телеграф и Телефон.

сантимной марки на письма, отправляемые в колонии, не было почти бесплатной пересылкой их! И не было ли относительного коммунизма в том, что существовала одинаковая такса как для посылки письма за несколько километров, так и для отправки его за море?

С введением бесплатной почты служебный аппарат свелся к одним лишь полезным функциям; он был освобожден от счетоводства и всей осложняющей работы, какую влекла за собой денежная система. Это преобразование имело результатом то же, что наблюдалось и раньше каждый раз, когда понижался почтовый тариф на письма: число, отправляемых писем увеличилось. Но, параллельно с этим увеличением, было значительное уменьшение одной категории писем, явившееся следствием упразднения торговли и разных спекулятивных дел.

Отныне, стало быть, только переписка с иностранными странами подчинялась общим правилам денежной системы, формальностям наклеивания марок или оплачивания таксы; внутри страны отправка писем, телеграмм, также как и телефонные сношения производились по предъявлению синдикальной потребительской карточки.

Разумеется, коммунизация П. Т. Т. не имела одностороннего характера; дело было поставлено так, что служебный персонал был в состоянии удовлетворять свои потребности. Это было предусмотрено на съезде Конфедерации Труда, на котором решались вопросы общего порядка и обсуждались и были одобрены предложения обобществить совершенно и немедленно главные общественно-полезные предприятия.

Как следствие этого решения, было постановлено, что персонал этих обобществленных предприятий получит „карточки“ и „потребительские книжки“, которые позволят ему удовлетворять свои потребности.

Революционная операция, так радикально изменившая механизм деятельности почт, телеграфа и телефона, — которые можно назвать нервной системой общества, — почти в точности была воспроизведена

по отношению к деятельности железных дорог, — которые можно сравнить с сетью кровеносных сосудов, артерий и вен.

Синдикат железнодорожных рабочих заступил место частных компаний и государства, завладев вокзалами, подвижным составом, паровозостроительными заводами и ремонтными мастерскими. Когда это было сделано, так же как и в почтово-телеграфной области, специальные комиссии выработали полезные меры, чтобы усовершенствовать насколько возможно деятельность железных дорог. Железнодорожные сети были объединены, произведена была чистка персонала, удален всякий бюрократический нарос, бумагомарание и счетоводство. Эти различные меры позволили влить в активную службу значительное число служащих, которые раньше были заняты бесполезной и ненужной работой.

Перевозка пассажиров и товаров была бесплатна, и для удовлетворения своих нужд служащие получили, как их товарищи почтовой корпорации, „карточки“ и „потребительские книжки“.

Этот бесплатный проезд был, в сущности лишь распространением на всех привилегии, какая была предоставлена раньше высокопоставленным лицам, депутатам и другим знатым особам, а также некоторым категориям чиновников и железнодорожным служащим.

Конечно, в первое время эта возможность ехать куда хочешь, не платя за это денег, была источником злоупотреблений. Столько обездоленных в мире труда; — в особенности среди женского населения, — никогда не покидали своего завода, никогда не видели гор или моря, столько крестьян никогда не пользовались городскими удобствами, что страсть к путешествиям, охватившая тех и других, была извинительна. Но вытекавшие отсюда неудобства были меньшими, чем моральная выгода: благодаря смешению горожан и крестьян, пало много предубеждений, а удовольствие, доставляемое путешествием, доказало наиболее закоснелым умам, что

новое общество, эра которого начиналась, лучше капитализма.

ГЛАВА XVI.

ЖИЗНЬ ГОРОДА.

В то время как почтово-телеграфная сеть и железные дороги перешли из рук государства в ведение синдикатов, подобным же образом были преобразованы ведомство путей сообщения, водный транспорт и др. Реорганизованы были также городские предприятия, — когда то сданные частным компаниям или муниципализированные. В тех и других заинтересованные синдикаты сделались центром новаторской деятельности.

Муниципальная власть была администрацией, над которой муниципальный совет имел лишь призрачное право контроля. Она зависела от государства, была так же как и оно, некомпетентна, недоброкачественна — и рушилась вместе с ним.

Что касается муниципального совета, крошечного парламента, это был демократический нарост, такой же устарелый, как палата депутатов. Но так как Городская Ратуша имела за собой революционные традиции, синдикалисты должны были следить, как мы видели, чтобы этот престиж ее не был эксплуатирован и чтобы избежать всякого подражания прошлому, — воскресения Коммуны. Социальная жизнь имела теперь другие фокусы: она была вся в синдикатах. С коммунальной точки зрения и с точки зрения областей, союз местных синдикатов — Биржа Труда — должен был взять на себя все полезные общественные отправления; точно также, с национальной точки зрения, атрибуты государства должны были перейти к корпоративным федерациям синдикатов одной и той же профессии и к

Конфедерации (союз областных и национальных организаций, — Биржи Труда и корпоративные федерации).

Итак, на развалинах централизованного государства, источника угнетения и эксплуатации личности, воздвигалось децентрализованное федеративное общество, в котором человеческая личность могла развиваться вполне автономно. Это была полная противоположность прежнему: до сих пор человеческая личность приносилась в жертву обществу, — отныне общество будет существовать для нее, оно будет плодородной почвой, в которой человек будет черпать необходимые соки для своего развития и полного расцвета.

Закон, навязанный индивидам внешней силой, заменят договоры, выработанные договаривающимися сторонами, и которые всегда будет легко изменить, отменить.

Абстрактный и фиктивный суверенитет, каким пользовался гражданин в демократическом государстве, уступал место действительному суверенитету, которым он будет непосредственно пользоваться во всех областях, где будет проявляться его деятельность.

В то время как уничтожался наемный труд должны были исчезнуть и всякие остатки подчинения. Никто ни под каким видом не должен был быть чьим либо наемником ни подчиненным: люди будут соприкасаться друг с другом, между ними будут договоры, ассоциации, групповые отношения, — но каждый будет оказывать услуги своему ближнему на равных началах и на условиях взаимности. И потому всякое законодательное собрание стало изжитым, — будет ли оно национальным, областным, кантональным или коммунальным.

Поэтому синдикаты рабочих, от которых зависела жизнь города, — и которые вначале просто поспешили восстановить деятельность городских предприятий, — с такой же поспешностью принялись вырабатывать условия своей автономной деятельности.

Синдикаты водопроводчиков, рабочих по снабжению

города электрической энергией, газовщиков, служащих автобусов, занявшие место компаний, — группы капиталистов, акционеров, — приступили, по методу, введенному в употребление почтарами и железнодорожниками, к ревизии и неизбежной чистке персонала, а также к упрощению служебного аппарата. Для синдикатов рабочих по ассенизации и муниципализированных предприятий захват совершился без малейшей помехи, так как муниципализация вела к общественной собственности; им оставалось только реорганизовать работу.

В корпорациях, в которых еще до революции синдикаты были сильны, преобразование произошло довольно легко; организованные в синдикаты рабочие, которые составляли сознательный остов нового общественного порядка увлекали за собой своих товарищей, давали им тон. Наоборот, в тех корпорациях, в которых синдикальное ядро оставалось слабым и несознательным, возникли затруднения; они были результатом апатии, какой отличались до того времени эти категории рабочих: так как они были неспособны к бунту, то нужно было предвидеть, что они будут, по меньшей мере, так же неспособны принять меры, какие требовали выпавшая на их долю административная и техническая реорганизация предприятий.

Между прочим, так было с персоналом Метрополитэна (подземной железной дороги), который компания сумела запугать и сохранить его в состоянии бессловесных животных. Однако, нельзя было, под предлогом этой инертности, оставить капиталистическую администрацию, и нельзя было также задевать чувства заинтересованных служащих и приступить к реорганизации, неотложную необходимость которой они не поняли. Это было бы плохим решением, так как оно в сущности заключалось бы в том, чтобы заменить капиталистическую власть властью пролетарской.

Чтобы разрешить это затруднение, редкие организованные члены среди служащих Метрополитэна, в согласии с революционными элементами других групп, предприняли

обращение своих товарищей. Они собрали их, изложили им механизм нового социального строя и с радостью заметили, что они встретили меньше упрямства, неспособности и инертности, чем они предполагали. Это доказывало, что если эти рабочие были до сих пор разрознены, не спаяны между собою, то это не потому, что их не влекло друг к другу и не вследствие отвращения к организации, — но это было следствием давления капиталистов, которые противодействовали их желанию сплоченности и мешали объединению их в синдикаты. Освобожденные от ярма, которое уничтожало их инициативу и их волю, они объединились в группу, приняли советы, которые им были даны, познакомились с делом и ответственностью, какая ложилась на них, и приобрели необходимые способности.

Не одни они только должны были повиноваться событиям, принять которые или подчиниться которым они совсем не были подготовлены. Многие другие поступили так же и прибегли к этому взаимному обучению новой жизни, которая, данная без всяких претензий, была принята без оговорок.

Произошла также эволюция желтых синдикатов, на которых капиталисты прежде основывали такие большие надежды; без малейшего сопротивления они последовали за революцией. В этом нет ничего парадоксального. Эти рабочие организации, составленные искусственно, для защиты хозяев, были неустойчивы, и было естественно, что, перестав быть на положении прирученного животного, они занялись действительными интересами своих членов.

Впрочем, каждый раз, когда буржуазия, чтобы гарантировать себе будущее и избежать распространения предных идей, способствовала созданию рабочих групп и надежде держать их на поводу и пользоваться ими, как орудием, она испытывала разочарование.

Самым типичным примером было образование в России, под влиянием полиции и под руководством попа Гапона, желтых синдикатов, которые быстро эволюциониро-

вали от консерватизма к классовой борьбе. Эти синдикаты в январе 1905 г. устроили манифестацию к Зимнему Дворцу в Петрограде, — что послужило началом революции, которая, не достигнув уничтожения царизма, ограничила самодержавие.

Реорганизация экономической жизни не встречала, стало быть, непреодолимых препятствий; рабочая масса, — даже наиболее отсталая и непонимающая новых начинаний, — шла по течению.

Эта податливость масс была результатом не только изменения политических условий, вызванного крушением капитализма, — она была также следствием ускорения эволюционного процесса, что замечается во все революционные периоды: нервная система становится восприимчивее, мозг работает живее, и человек быстро приспосабливается к окружающей среде. И нередко бывает, что самые хладнокровные, наиболее скептически настроенные, охваченные общим возбуждением, начинают проявлять лихорадочный, живой интерес к событиям.

Синдикаты, деятельность которых была существенна для жизни города, не были изолированы, обособлены в своей деятельности, когда они производили чистку служебного персонала и занимались реорганизацией аппаратов, обслуживающих население. Между ними не было непроницаемых стен, которые так характерны были для старой администрации; они не были чужды друг другу, и они сумели завязать между синдикальными сношения, которые внесли согласованность в действия муниципальных предприятий, какой еще никогда не было. Отсюда произошло распределение труда, в котором не было бестолковщины старого строя. Не было, например, больше таких случаев, чтобы несколько раз подряд в одном и том же месте разбирали мостовую, и каждый раз снова мостили для исполнения различных работ, которые при большей согласованности могли быть выполнены одновременно.

Руководящим принципом было делать быстро и хорошо, — но применение этого принципа вытекало

из социальной структуры, а не из приказов и требований. Ни для кого не было никакого интереса затягивать работу, накапливать ее и увеличивать часы своего присутствия, также как и саботировать, плохо исполнять работу или портить материал. Поступающий так, принес бы вред всем и себе самому, — без малейшей для себя выгоды.

Рядом с этими синдикатами, которые ведали муниципальными работами, создавались различные группы и объединения, куда входили все, кто хотел, без различия профессий, — в качестве обитателей данной местности, а не как производители.

Таким образом, город покрылся федеративной сетью, которая имела то преимущество, что все население осваивалось с своей новой жизнью.

Эти группы занялись проведением гигиенических и санитарных мер, и своими советами и критикой участвовали в администрации города. Они взяли на себя функции так сказать морального заведывания зданиями, провозглашенными общественной собственностью, и, разумеется, предоставленным в свободное пользование всем: они следили за тем, чтобы эти здания хорошо содержались, ремонтировались; они составили лист свободных помещений, занялись вопросом регулирования переездов на другую квартиру; они пересчитали также все нездоровые помещения и, чтобы произвести в них необходимые работы, вошли в сношения с синдикатами строительных рабочих; они отметили, как подлежащие разрушению, грязные, вонючие дома, квартиры которых были полны всевозможными микробами.

В этой работе группам этим помогали комиссии архитекторов, подрядчиков, инженеров, примкнувших к революции, которые с готовностью содействовали ассенизации и внешнему улучшению города.

Среди многочисленных взятых на себя этими группами обязанностей ни одна не носила такого неприятного характера, как обязанность, состоящая в том, чтобы обеспечить справедливое распределение жилых по-

мещений. Пока вопрос ограничивался тем, чтобы вывести несчастных из их вонючих лачуг, дело шло сравнительно легко. Но было иначе, когда нужно было удовлетворить требования жильцов, недовольных своими помещениями. В большинстве случаев жалобы их были основательны, так как дома при старом строе редко строились с намерением предоставить комфорт их будущим жильцам, но всегда главной заботой была их доходность. Самые пышные отели в аристократических кварталах, хотя великолепные по внешности, не были практичными: комфорт в них был возможен только при помощи многочисленных слуг.

Было составлено много проектов, которые, по осуществлении, должны были позволить каждому найти для себя помещение по своему вкусу. Теперь, когда земли рассматривались только с точки зрения приносимой ими пользы, когда все их финансовое значение исчезло, решено было строить комфортабельные, роскошные дома, не щадя пространства, и дома эти должны были быть приспособлены к новым потребностям, появившимся благодаря преобразованию общества. Предполагали также, вместо того, чтобы скучиваться в громадных и узких ящиках в 6—7 этажей, расселиться по предместьям и построить там коттеджи, в которых можно себя больше чувствовать „у себя дома“.

Но это было в будущем!.. Это будущее должно было скоро осуществиться, но в ожидании, пока Париж станет таким, каким его желали, нужно было примириться с необходимостью жить в прежнем Париже. Старались устроить насколько возможно лучше.

Впрочем, так как распределение помещений производилось не по авторитарному методу; так как вопрос решали сами обитатели в своих группах, — сначала для отдельных улиц, потом для кварталов, потом для всего города, — операция производилась с наименьшими трениями.

Решено было предварительно, что некоторое количество роскошных домов, окруженных великолепными

садами, будут предназначены для стариков. Затем в принципе было решено, что каждый сохранит свою прежнюю квартиру в размере минимума — одной комнаты на человека — и что живущие в наиболее худших квартирах переселяться первыми.

Тем из буржуазии и вообще „бывших людей“, которые не эмигрировали, предложено было с должным тактом выбрать в своих домах комнаты, какие им хотелось бы оставить за собой; так как большинство, оставшись без прислуги, сами убрали свои комнаты, то они сделали, что им было предложено, не слишком страдая от уязвленного самолюбия.

Затем по окончании переписи свободных помещений — в числе которых были квартиры, оставленные эмигрантами, — предпринята была, в группах домов и улиц, общая анкета и, с общего согласия, был составлен, с указанием срочности и необходимости, список жильцов, которые по санитарно-гигиеническим соображениям должны были переменить квартиры.

Эти первые анкетные листы, переданные квартальным группам, подверглись новой классификации — попрежнему основанной на степени срочности и необходимости, — и те, кто был в наихудших условиях, должны были первые выбирать себе квартиры. Благодаря этой системе, те, кто в буржуазном обществе был наиболее обижен судьбой, оказались в лучших квартирах.

Г л а в а XVII.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА.

Синдикаты не ограничились захватом в свои руки общественно-полезных предприятий, реорганизацию которых мы только что описали; захват продолжался с одинаковым жаром во всех отраслях общественной деятельности.

Синдикаты из боевых групп, какими они были в капиталистическом обществе, превратились теперь в производительные группы, и, каждый в своей области, принялись за реорганизацию труда. В большинстве случаев, они не были застигнуты врасплох событиями; благодаря прениям и докладам на прошлых с'ездах, а также распространению социалистических и анархических идей, революционные элементы среди них знали в общих чертах, что они должны были делать и предпринять в данном случае.

Итак, стало быть, синдикаты каждой промышленной отрасли, каждой профессии взяли в свои руки соответствующие заводы, фабрики и мастерские. Не всегда было легко это сделать! Хозяева артачились, не желая ничего слышать, отказываясь от всяких разговоров, — огрызались, как дог, у которого хотят отнять кость. Некоторые, с психикой феодалов, вздумали укрепиться на своих заводах, решив повторить подвиги господ Крэтье в Ключах; они заперлись там и с ружьями ждали прихода синдикалистов.

Но времена изменились! Когда Крэтье стреляли в своих рабочих, те были без оружия, и солдаты, стоявшие на посту у ворот заводов, не мешали им стрелять, — они не только не вступились за рабочих, но мешали последним взломать ворота и броситься на стрелявших.

Хозяева же, которые захотели подражать господам Крэтье, очутились одни против рабочих, твердо решивших защищаться, и вооруженных. Произшел обмен ролей: последние имели на своей стороне численность и силу. Борьба была неравная; хозяева должны были заранее проиграть битву.

Эти инциденты мало мешали делу реорганизации труда. Были составлены списки заводов, вычислена их возможная производительность, — также как и сосчитано количество рабочих в каждой корпорации. После этого синдикаты подвели подсчет продуктов, могущих быть изготовленными в данный промежуток времени; они

указали также количество необходимого для этого сырья. Эти сведения они передали своим корпоративным федерациям и Бирже Труда, ставшими отныне центрами, в которых должны были собираться статистические данные о производстве и потреблении. Туда должны были направляться предложение и спрос; оттуда должны были исходить указания насчет полезности производства в большем количестве тех или иных предметов, на которые существует больший спрос, чем на другие; оттуда также должны были исходить указания, в какие пункты нужно направлять сырье и готовые продукты.

Непосредственным результатом реорганизации труда было изменение нелепой системы беспорядочного, безалаберного производства, какое практиковалось при капиталистическом строе. Прежде промышленник производил часто то, авось, не будучи уверен в возможности сбыта продуктов, выделанных рабочими, работавшими на него; в будущем должны были производить наверняка, с уверенностью, что выделанные продукты будут отвечать потребности.

Другое глубокое и чрезвычайно важное изменение было внесение в производство элемента честности, до сего времени неизвестной: производилось для потребления, а не для продажи, для принесения пользы, а не ради барышей. Благодаря этому, исчез возмутительный саботаж, который практиковался на всех ступенях промышленной лестницы и обогатил столько же недобросовестных хозяев и поставщиков: недоброкачественные товары, подделанные, фальсифицированные, низшего качества исчезли.

Зачем стали бы терять драгоценное время, тратить материал на производство таких продуктов? Это было хорошо прежде, когда благополучие одного было построено на несчастье других. Теперь было не так. Интересы производителей были неотделимы от интересов потребителей; никому, стало быть, не было пользы обманывать или обкрадывать своего ближнего.

Эта тенденция к прямоте и добросовестности в

экономических отношениях, это презрение ко лжи, пренебрежение барышами появились с первых же моментов и должны были увеличиться еще, — тем более, что они не были результатом личной культуры производителей, но вытекали из самой социальной структуры.

Не было строгой и сектантской формулы в методах реорганизации труда; принимались во внимание темпераменты и склонности. Были варианты, смотря по тому имелось ли дело с крупными или средними заводами или с пережитками ремесленничества. После того, как рабочие синдикаты завладели фабриками и заводами, когда некоторые рабочие изъявили желание работать, как ремесленники, отдельно, им не мешали делать так, как они предпочитали. Точно также рабочие бригады на крупных и мелких заводах составлялись самими рабочими по взаимному соглашению, а не были результатом самовластного приказа распорядителей, — каждая бригада сама выбирала себе товарищей. Также и распределение различных функций производилось после совещания и с общего согласия заинтересованных бригад. Так как работа по координированию труда, руководящей организации и специализации не приносила никакой особой выгоды тому, кто возьмется за нее, то соперничества, домогательства одного и того же места были доведены до минимума и выбор занятия был часто благоразумным и рассудительным. Кроме того, в буржуазном обществе рабочий класс освоился уже с этим подбором знаний, благодаря существованию трудовых товариществ и деятельности производительных кооперативов, построенных на коммунистических основах, которые в нем были сильно развиты.

Сопротивление хозяев было просто сломлено, без долгих разговоров, если это были крупные промышленники; наоборот, по отношению к мелким и средним предпринимателям действовали мягко и посредством убеждения. Этим последним доказывали, что социализация освободит их от бремени забот и волнений, от погони за заказами, от вечной боязни банкротства.

Тех, кто упорствовал в желании жить по старому, держали в отдалении; их оставили жить за бортом общества, по своему вкусу, со всеми неудобствами старого общественного строя. Так как не было недостатка в орудиях производства, то у них не стали отнимать орудия, имевшиеся у них, которые, впрочем они могли утилизировать лишь в очень незначительной степени, за неимением рабочих, согласных работать на хозяев.

Рядом с этими упрямыми много было хозяев, подрядчиков, инженеров, которые старались приспособиться к новым условиям. Пожертвовав тем, что было искусственного в их прежнем существовании, они примирились с простой жизнью, какой должно было стать их существование в новой среде. Они успокаивали себя следующими аргументами: „Предположим, что я обанкротился, раззорился. Мне нужно было бы работать, чтобы жить... Это и случилось со мной, с тою только разницею, что я раззорен не один, а в компании“...

А так как человек обладает значительной эластичностью, так так он приспособляется быстро к самым разнообразным условиям, среде и климатам, эти „бывшие люди“, облаченные в панцырь оптимизма, приспособились к новой жизни, живя спокойно и счастливо, открыв удовольствия и радости, которых они раньше не изведывали во время искусственной жизни, даже чрезмерно пышной, какой могла быть их жизнь при старом строе.

В то время как синдикаты, в сфере своей деятельности, захватывали средства производства, занимались регулированием труда и старались сделать работу менее скучной и неприятной посредством лучшего оборудования заводов и усовершенствования орудий, производились также другие операции.

Корпоративные федерации, которые объединяли синдикаты одной и той же промышленности, устраивали съезды, на которых выяснялись общие условия производства.

Боялись, что производительность недостаточно вы-

сока, чтобы можно было удовлетворить насущные потребности без чрезмерного напряжения труда. Собранные сведения и статистические данные успокоили пессимистов. Убедились, что при рациональном пользовании существующими орудиями и благодаря уничтожению безработицы, столь ужасной и длившейся прежде такой продолжительный период времени во многих профессиях, фабричное производство достигнет необходимого уровня. В корпорациях и для работ, по отношению которых оставалось сомнение, решено было обратиться к доброй воле всех тех, кто в буржуазном обществе был занят бесполезным или даже вредным трудом, и которые теперь должны были возвратиться к нормальному производству. На первом плане были несколько сот тысяч солдат распушенной армии; потом рабочие по военному снаряжению, рабочие по производству оружия, рабочие пороховых заводов, арсеналов; затем служащие при пограничных и городских таможнях, по сбору косвенных налогов; сборщики податей, судьи, адвокаты, судебные пристава; затем целый ряд посредников, комиссионеров, торговцев, — наконец, всякого рода прислуга... Их было столько, что помощь их должна была быть достаточной, чтобы увеличить производство больше, чем на одну треть. Эта масса свободных рабочих рук, могущих взяться за полезный труд, успокоила рабочих, дала им уверенность в возможности жизни, полной довольства для всех, и увеличила их веру в будущее.

В каждой федерации высчитано было количество добавочных рук, какое понадобится для различных отраслей. И безработным также как и вчерашним паразитам оставалось только выбрать: им легко было решить, какая работа им наиболее подходит.

Определение необходимого количества сырья и выделанных продуктов, а также вычисления, касающиеся распределения труда в различных центрах, были облегчены для некоторых отраслей промышленности механизмом „комитетов“, которые прежде „контролировали“ эти отрасли или даже тайным образом трестировали их. Так,

напр., обстояло дело для каменноугольной промышленности, для сталелитейных заводов, для крупных металлургических заводов.

Помещения, где собирались эти „комитеты“, которые под невинной внешностью составляли для некоторых отраслей производства нечто в роде промышленной диктатуры — крайне боевой по отношению к рабочей корпорации, — были заняты, в первые дни победы стачечниками. Они нашли в них ценные документы, важные статистические данные, — и воспользовались ими при переустройстве общества.

На каждом из этих с'ездов собирались синдикаты рабочих, участвующих в какойнибудь из многочисленных отраслей общественно полезной деятельности: был с'езд рудокопов, железнодорожников, учителей и т. д.

Рабочие, занятые в промышленности, изготавливающей предметы роскоши, ювелиры, золотых и серебряных дел мастера тоже устраивали с'езды. Они обсуждали, какая доля пользы может быть приписана их работам. Считая, что их ремеслом не должно пренебрегать, так как потребности в искусстве и в предметах роскоши должны быть удовлетворены, — должны стать всенародными, а не уничтожены, — они пришли тем не менее, к заключению, что в данный момент их усилия пока должны направиться на производство более необходимых предметов.

Рабочие, производившие бесполезные предметы, имевшие ремесла или должности, которые были теперь упразднены, — рабочие военных заводов, пороховых складов, морских арсеналов, таможенные служащие, — также собрались, чтобы обсудить сообща, на какие работы предпочтительнее было им направить свою деятельность.

Таким образом, на собраниях своих организаций различные категории рабочих вырабатывали условия, специальные для своей сферы деятельности и готовились принять участие в общем регулировании труда и про-

изводства, которое должно было явиться результатом конфедерального с'езда.

Г л а в а XVIII.

КОНФЕДЕРАЛЬНЫЙ С'ЕЗД.

На с'езд с'ехали делегаты со всех концов Франции, от всех ремесел, от всех профессий. В громадном зале, где происходил с'езд, крестьяне, учителя, рыболовы, врачи, почтовые служащие, каменщики, сидели рядом с огородниками, рудокопами, металлстами. Все общество было там, — в сокращенном виде.

Трогательное зрелище представлял этот с'езд, на котором собрались самые энергичные и самые горячие борцы революции и который, открывая новую эру в истории человечества, должен был выявить и представить в сжатом виде стремления народа, — указать, по какому пути он решил пойти.

Старые революционеры, — которые видели на своем веку столько с'ездов! — которые перенесли такую тяжелую борьбу против капитала и государства и которые, в минуты тревоги и сомнения, отчаивались когданибудь увидеть осуществление своих надежд, сияли от радости. Их смелые идеи воплощались в жизнь. Они присутствовали при осуществлении своей мечты! Счастливые минуты переживали при встрече старые товарищи. Они подходили друг к другу с протянутыми руками и, глубоко взволнованные, целовались, — переродившиеся, сияющие.

Новые делегаты, растерявшись сначала в этой лихорадочной атмосфере, быстро заразились общим энтузиазмом. Многие из них были продуктом событий. До революции они не знали себя, и если бы последняя не встряхнула их, они продолжали бы прозябать, инертные, безучастные, скептики. Благодаря революции, их

внутреннее пламя разгорелось, они познали себя и, полные страсти, энергии и жара, они жили теперь интенсивной жизнью.

Еще великолепнее и отраднее, чем картина общего энтузиазма, охватывавшего съезд, было зрелище общего единодушия, полной гармонии мысли и действия воодушевлявшей его.

Мнения, которые так разделяли людей, делали бесплодными столько усилий, вызывали столько ненависти, — которые заставляли проливать столько чернил... и столько крови! — были неизвестны на этом съезде. На нем не было политических партий. Они были сметены бурей, сгинули вместе с государством. Они были уничтожены, — революция убила их. Все подразделения, все классификации, которые пораждал парламентаризм, отжили свой век. Поэтому возбуждение, охватывавшее делегатов, было вызвано заботами высшего порядка, а не низкими и вульгарными аппетитами и честолюбием, присущими законодательным собраниям старого строя.

В этой зале не было депутатов, неизвестных своим избирателям, — получивших, однако, от них неограниченную власть, — и беззастенчиво подменяющих стремления своих верителей своими личными взглядами..., которые часто менялись, смотря по тому, куда дул министерский ветер. Здесь были рабочие, заседающие временно, которые должны были высказаться по вопросам, выясненным товарищами, делегировавшими их. И кроме того, какая значительная разница с прежним: через несколько дней, когда съезд будет закончен, все делегаты вернутся в свои синдикаты и примутся за свою прежнюю работу, — на заводах, в мастерских, в полях.

Перемена громадная! И люди, которые прежде, сбивые с правильного пути вредным влиянием государственной среды, смотрели бы друг на друга, как на врагов (под предлогом разногласия в своих взглядах на государство), теперь были в полном согласии, — так

как вопрос о государстве был совершенно вычеркнут, не мог даже больше ставиться. Главной, доминирующей и упорной заботой с'езда было работать для достижения экономической гармонии и осуществить, — или стараться осуществить — среду, благоприятствующую развитию человеческого личности.

Практически, дело заключалось в том, чтобы координировать и объединить стремления различных корпоративных и федеративных организмов, так чтобы произошло равновесие, которое, не задевая личной свободы, наоборот, расширило бы ее и продолжило, благодаря поддержке, какую каждый будет иметь для себя в согласии с своими ближними.

В первую очередь была принята резолюция, которая не обсуждалась, — ее не надо было даже и ставить, — так она была логична и неизбежна: общество должно было взять на свое попечение детей, инвалидов, стариков. Это был вопрос принципиальный, который показывал тем, кто был предубежденно настроен по отношению к новому строю, насколько будущее будет мало походить на прошлое.

Было решено, что между стариками не будет делаться никакого различия и что „бывшие люди“ и пролетарии будут иметь право на одинаковое к себе отношение. Не могло быть также вопроса о скупом ограничении их возможности существования, установлении жалкого минимума и выдачи им, как это было прежде, недостаточной пенсии. Итак, было решено, что им будут предоставлены возможно большие жизненные удобства.

Затем было постановлено, что рабочий возраст будет начинаться в среднем с восемнадцати лет и кончаться максимум в пятьдесят лет; этот предельный возраст для труда был только временным и должен был понизиться до сорока пяти лет, когда деятельность общества разовьется настолько, что явится изобилие рабочих рук.

Исследование статистических данных, собранных

Биржами Труда и корпоративными федерациями, о вероятном производстве и потреблении, заставило установить сроком на один год, среднюю длину рабочего дня в восемь часов. В профессиях, в которых рабочий день был короче, длина его не была увеличена, и для работ особенно тяжелых средний восьмичасовой рабочий день был сокращен.

Таким образом, разрешен был старый вопрос квалифицированного и простого труда „выших“ и „низших“ ремесл, — как говорили в средневековых итальянских республиках. Нужно ли было делать еще подобные различия? Нужно ли было вновь создавать нечто вроде аристократии труда, называемого „интеллектуальным“, и простые и тяжелые ремесла считать низшими?

Еще задолго до революции вопрос этот обсуждался в синдикальных организациях. Все они много раз высказывались за равенство заработной платы, что в ту эпоху означало, что не хотели делать различия между тем или другим родом труда. Эта точка зрения могла только усиливаться, — поэтому на съезде не было защитников теории неравенства.

Наоборот, выставлялось — в качестве аргумента, — что „низшие“ ремесла логически имели бы больше права на высшее вознаграждение по одному тому, что они тяжелее, чем „вышие“ ремесла.

Делегаты, выражавшие это мнение, объясняли, что врач, инженер, профессор должны считать себя широко „вознагражденными“ удовольствием, какое они испытывают, развивая свой ум; они утверждали, что если некоторые имеют право на добавочное вознаграждение, так это те рабочие, которые занимаются тяжелым трудом. Они не требовали, чтобы их точка зрения была принята во внимание. Но они сильно настаивали на необходимости отказаться от методов производства, практиковавшихся на некоторых заводах, изготовлявших химические продукты, и других, — методов чрезвычайно вредных для здоровья рабочих. Нужно было уничтожить

как можно скорее эти варварские пережитки; несовместимо было с новыми порядками, чтобы эти чудовищные условия труда продолжались. И они заключали: насколько необходимо и неизбежно, чтобы каждый давал какойнибудь определенный труд, настолько неприемлемо, чтобы труд этот производился в условиях, губительных для здоровья.

Этот вопрос вызвал другой вопрос первостепенной важности; было решено, что никакая корпорация, никакое общественно полезное предприятие, — автономные с точки зрения своих внутренних распорядков и своей деятельности, — не могут жить обособленной жизнью, завести свою частную бухгалтерию, оторваться от общества. Если будет иначе, если группы смогут, под видом кооперативов, создавать себе свои частные интересы, вне интересов целого, это будет зародышем коллективных привилегий, корпоративных преимуществ, которые разовьются на развалинах индивидуальных привилегий капитализма.

На эту опасность, выставляя массу аргументов, указывали многие делегаты, — и этот опасный подводный камень был избегнут.

С этим решением был связан вопрос об облегчении труда, научном оборудовании заводов.

Если бы система организации на кооперативных основах одержала верх, меркантилизм и конкуренция продолжали бы существовать: более богатые корпорации могли бы лучше оборудовать свои предприятия и общий интерес был бы подчинен интересу нескольких единиц.

Принятым решением достигалось неминуемо и автоматически согласованность между общим интересом и интересами частными: корпорации, трудовые группы, которым будут нужны рабочие инструменты или понадобится какойнибудь ремонт, уведомят об этом соответственные федерации или просто производительные группы, способные выполнить нужную работу, и они получают то, что им надо, без всякой процедуры. Не нужно будет в данном случае устанавливать баланс „дебета и кредита“

между группой требующей и между группой снабжающей; инструменты, материал, оборудование не рассматривались, как капитал — ни как представляющие капитал, — а просто, как богатство, способное увеличивать богатство всех: стало быть, могущее способствовать увеличению благосостояния каждого.

Чтобы практически осуществить это решение, принята была широкая анкета, которая должна была указать, какие нужно было выполнить работы по ремонту и оборудованию заводов, фабрик и мастерских. Запасы машин и рабочих инструментов, имевшихся на складах, позволили удовлетворить, отчасти, многие нужды. Кроме того, не было недостатка в строительных рабочих: крупные заводы, работавшие на военное и морское ведомство, были уже закрыты, и они должны были быть оборудованы под производство полезных орудий труда. Потом, чтобы дело шло лучше и быстрее, решено было обратиться за помощью к ученым, инженерам, профессионалам, — к доброй воле людей энергичных, молодых или старых.

Вопрос о вознаграждении труда и распределении был тесно связан с предыдущим вопросом. Впрочем, если внимательно рассматривать данные социальной проблемы, все вопросы тесно переплетены между собой; все находятся в такой тесной связи друг с другом, в такой зависимости один от другого, что в решении их нужно исходить из одного и того же принципа.

В какой пропорции будет установлено потребление тех или других? Как будет принят каждый на общественном пиру?

Это был страшный вопрос!

По поводу его велись длинные, горячие прения, обсуждался он всесторонне. Каждый делегат излагал и защищал свою точку зрения горячо и убежденно. Все чувствовали, что дело было не в том, чтобы привлечь на свою сторону большинство, покорить его красноречивыми фразами, ораторскими приемами, — но найти модус взаимоотношений между производителями и по-

требителями, который, несмотря на неизбежные недостатки и хотя не отвечающий всецело идеалу каждого, тем не менее, будет принят всеми, как разумное решение, которое не должно было заграждать дорогу будущему.

Две тенденции проявились на с'езде: одна, принадлежала чистым коммунистам, которые стояли за полную свободу потребления, без всякого ограничения; другая, хотя и исходила из коммунистических предпосылок, находила, что строгое применение коммунизма преждевременно, и стояла за менее прямолинейное, смягченное решение вопроса.

Эта последняя одержала верх. Постановлено было следующее:

Каждая человеческая личность, какова бы ни была ее общественная функция (выполняемая ею в пределах возраста и времени, указанных выше), имеет право на одинаковое вознаграждение, которое делится на две части: одна служит для удовлетворения обыкновенных потребностей; другая — для удовлетворения потребностей роскоши. Это вознаграждение выдается для первой части в виде членской карточки синдиката; для второй — в виде „чековой“ потребительской книжки.

Первая категория включает в себе все с'естные припасы, все пищевые продукты, одежду, все, что имеется в достаточном количестве, чтобы потребление не было ограничено; каждый будет иметь право черпать по своим потребностям в общем фонде, без всякой другой формальности кроме пред'явления своей членской карточки, в магазинах и складах, занимающихся распределением.

Во вторую категорию должны были войти различного рода продукты, которые, находясь в слишком небольшом количестве, чтобы их можно было предоставить бесплатно всем, сохраняли свою покупную стоимость, которая могла меняться в зависимости от степени их редкости от большего или меньшего спроса на них. Цена этих продуктов должна была вычисляться по старому

денежному способу, и количество труда, необходимого для производства их должно было служить одним из элементов определения их стоимости; они должны были отпускаться на „потребительские чеки“, механизм употребления которых напоминает банковые чеки.

Только было решено, что по мере того как продукты этой второй категории будут в достаточно обильном количестве, чтобы достигнуть уровня свободного потребления, они будут входить в первую категорию и, перестав считаться предметами роскоши, будут предоставлены во всеобщее пользование, без всякого ограничения.

Благодаря такому распоряжку, принятому на с'езде, общество должно было автоматически приближаться все больше и больше к чистому коммунизму.

С'езд не видел неудобства в том, чтобы стоимость предметов роскоши определялась таким же способом, какой практиковался в капиталистическом обществе: он считал, что принимать за единицу измерения стоимости рабочий час вместо одного грамма золота, это играть словами. Конечно, царство золота и монополизация его породили громадные бедствия; но этот металл, отныне лишенный своего величия, среденный на степень простого товара, потерял свой яд, у него не было больше никакой засасывающей ни эксплуататорской власти, — следовательно, пользование им не представляло больше опасности.

Поэтому не боялись оставить за деньгами, которые еще были в обращении, их покупательную силу. Впрочем, обстоятельства обязывали к этому, по крайней мере, во время переходного периода. Но было решено, что, возвратясь в общественную казну, они должны выпускаться оттуда лишь в исключительных случаях, — для приобретения заграничных продуктов или для того, чтобы покупать у лиц, еще противящихся новому социальному строю.

Необходимо было, действительно, хотели этого или

нет, считаться с непокорными, — хотя бы для того, чтобы привлечь их на свою сторону путем убеждения.

По отношению лиц, которые в среде, находящейся в периоде полного преобразования, упорствовали, по узости ума или из боязни потерять при перемене порядков, в желании жить по старому, не применялось ни какой другой меры, кроме бойкота. Они хотели оставаться в стороне, — пусть остаются! Они очутятся в таких невыгодных условиях, что положение их станет невыносимым; они не смогут, работая обособленно от других, конкурировать с общественным производством и, если бы они захотели заняться торговлей, у них нашлось бы мало покупателей... И когда они признают свою ошибку, что не замедлит случиться, их примут без всякой злобы.

Менее выжидательный и менее индифферентный образ действия был предпринят по отношению к отсталому населению некоторых областей, — главным образом крестьянскому, — которое не было затронуто движением. В особенности эти — то крестьянские, еще невежественные массы и нужно было убедить в превосходстве новых порядков. Итак, были выработаны основы широкой пропаганды, методически проводимой, в которой должны были принимать участие городские и сельские делегаты: они должны были отправиться в эти местности, об'яснять механизм нового общества, доказывать его преимущество и превосходство.

Другая категория непокорных были привилегированные старого строя. Они не все эмигрировали, — что облегчило бы задачу! Некоторые, примирившись с событиями, принялись за работу, приспособились и ассимилировались. С ними, стало быть, надо было обращаться, как с товарищами. Но оставались другие! Те, которые не изменились и которые временно жили за бортом общества, продолжая свой прежний паразитизм. Как к ним относиться? Продолжать оставлять их ничего не делать? Это было недопустимо, и никто не думал так поступать. Было решено потребовать от них

чтобы они выбрали какую нибудь профессию и, если они откажутся, пригласить их эмигрировать. Если они не согласятся на это добровольно, им должны были заявить, что они будут приравнены к „апахам“ и с ними будут обращаться, как с таковыми.

О! речь шла не о том, чтобы построить вновь тюрьмы и восстановить — по отношению к непокорным упраздненную систему репрессий. Нет! Дело должно было ограничиться тем, чтобы освободить территорию от их стеснительного и вредного присутствия: снабдив их небольшим количеством золота, их должны были отправить в ту страну, которая согласится принять их. Следовательно, против них не принималось никакого насилия. Так как они отказывались войти в соглашение с обществом, так как они не намерены были жить иначе, как паразитами, разрыв становился неизбежным.

Чтобы избежать ссор, могущих возникнуть от разрыва, к ним применялась наименее грубая мера: изгнание.

Излишне было бы следить шаг за шагом за деятельностью с'езда, передавать и перечислять все его работы и решения. Мы хотели, укавав на некоторые из них, выставить основные черты деятельности с'езда, показать, что его решения всегда диктовались горячим чувством человеческой солидарности, широким духом коммунизма.

Прибавим, что не было ни одной неприятной нотки, которая нарушила бы дружественную атмосферу с'езда. Конечно, были горячие споры, говорили повышенным тоном, но ни разу в этом тоне не было язвительности, и можно было констатировать, насколько искусственны были разногласия, которые, при господстве буржуазии, волновали Конфедерацию и вызывали борьбу реформистов с революционерами. В огне сражения ссоры стихли: на развалинах капитализма произошло примирение.

Когда с'езд кончился, Конфедеральный Комитет, составленный из делегатов корпоративных федераций и

Бирж Труда, приступил к деятельности. Работа его заключалась не в управлении, а в концентрации и анализе: он концентрировал статистические данные о степени производства и потребления и служил объединяющим центром для всех групп. Он был как бы центром огромной телефонной сети, к которому стекались и от которого исходили все сведения, позволяющие регулировать общественную деятельность, всюду поддерживать равновесие, чтобы не было переполнения в одном пункте, в то время как в другом не достача.

Г л а в а XIX.

ЗЕМЛЯ КРЕСТЬЯНАМ.

В деревнях движение шло своим чередом и усиливалось, распространяясь эпидемически, захватывая одну деревню за другой. Крестьяне отбирали землю у собственников, но этот захват земли происходил не везде одинаково и не по заранее выработанному плану.

Однако, ориентация происходила в сторону коммунизма. Крестьяне шли к нему скорее инстинктивно, чем рассудочно. Их влекли на этот путь чувства солидарности и единения, — пережиток прежних коммунистических обычаев, которые государство, несмотря на вековые усилия, не могло искоренить, — а также социальные стремления, которые все больше и больше проникали в деревню.

Повторились, с севера до юга, революционные дни, которые потрясли в 1907 году юг Франции во время восстания виноделов. Как и тогда, в движении доминировала ненависть к государству. В этот раз также лозунгом было: „Долой политику!“ И во многих деревнях, где крестьяне выступили дружно и с одинаковым подъемом, если бы их спросили: „Кто вы?“ они ответили бы, как ответили в 1907 г. виноделы одной

восставшей деревни: „Мы те, которые любят республику, те, которые ее ненавидят и те, которые на нее плюют!“

Ненависть к государству давно, — всегда! — была сильна и живуча в деревнях. Там его ненавидели так же, как землевладельцев. Законная ненависть! Не государство ли, — монархическое или демократическое, — узаконило грабеж земли у крестьянина, чтобы отдать ее помещику, буржуа? Не углубляясь в историю дальше царствования Людовика XIV, не указ ли этого монарха, изданный в 1669 г., позволил помещикам бесстыдно присвоить себе большую часть общинных владений? И с тех пор что сделали все последующие правительства?

Только санкционировали этот грабеж, сделали его более полным.

Крестьяне помнили это! Два чувства воодушевляли их в их восстании: любовь к земле! ненависть к государству!

Поэтому с начала революционного периода, несмотря на некоторое колебание, они выбрали форму группировки, которая наилучше отвечала их желаниям: синдикат.

Синдикат занял место прежнего муниципалитета, и за разрешением всех вопросов он обращался к деревенским собраниям, вновь вошедшим в силу и вернувшим крестьянина к общественной жизни, от которой отучили его экономическая изолированность и политический уклон, навязанные ему капиталистическим строем.

Мы говорили выше, каким образом паника и гнев, овладевшие крестьянами, встряхнули их и побудили вооружиться. Увеличению серьезности этого восстания и его быстрому развитию способствовало то обстоятельство, что к деятельности синдикатов Конфедерации Труда присоединилась деятельность тысяч земледельческих синдикатов, которые по своему построению и составу вначале не казались революционными элементами.

В этих давно созданных синдикатах находились в неприятном соседстве мелкие и крупные собственники.

Эти последние сначала нянчились с ними с задней мыслью пользоваться ими, как избирательным орудием. Но мало по малу новый дух проник в эти организмы; влияние мелких собственников стало в них преобладающим, и в них зародился крестьянский, несколько специальный, синдикализм и оживил их.

Кооперативная работа и взаимопомощь были вначале единственным правом на существование этих синдикатов. Мало по малу горизонт их расширился и перед ними встал идеал социального переустройства на кооперативных началах, при котором кроме освобождения их от ига государства, у них явилась бы возможность более рациональным способом возделывать землю.

Когда началось революционное движение, эти синдикаты, — вначале недоверчивые и враждебные, — были увлечены общим потоком. И так как в революционный период люди быстро шагают вперед, — они шагнули!.. и скоро догнали синдикаты Конфедерации Труда.

Серьезной задачей для крестьян был вопрос собственности. Как они должны были его разрешить? При строго коммунистическом решении вопроса все земельные наделы должны были перейти в общее пользование и должна производиться общественная обработка всей земли. Но если в местностях, где господствовало крупное земельное хозяйство, такое решение могло быть легко принято, то, наоборот, там, где велось главным образом мелкое земельное хозяйство, оно на первых порах не встречало сочувствия крестьян.

Не сразу, стало быть, крестьяне пришли к соглашению относительно изменения старых форм сельскохозяйственного производства. Они начали с мер, не встречавших ничьей оппозиции, которые все одобряли: они освободили землю от обременявших ее налогов, они уничтожили ренту, ипотеки. После этого предварительного соглашения, крестьяне, в зависимости от формы земельного хозяйства, практиковавшейся в той местности, в которой они жили, — и также в зависимости от сте-

цени их собственного развития, — решили способ обработки земель, отнятых у богатых.

Если бы сразу предложили мелким собственникам уничтожить загородки и соединить их земли вместе, большинство отказалось бы от этого, — несмотря на то, что при обработке земли отдельными участками их работа была тяжелая и утомительная. Им не пришлось в первое время высказываться по этому поводу.

Все земли, возделываемые непосредственно их владельцами, не подвергались ревизии, предпринятой синдикатами. Даже среднюю собственность не трогали, если землевладельцы возделывали свою землю сами или при помощи членов своей собственной семьи, не пользуясь наемным трудом.

Ревизии подверглись только земли, обрабатываемые наемными рабочими. Все они были об'явлены общественной собственностью, и синдикат работников земли исполнял роль управляющего по отношению к ним. Да и то во многих случаях выработаны были соглашения, в зависимости от местности, — и если имели дело с мелкими фермерами, арендаторами, обрабатывавшими землю своей семьей. Тогда эти земли подпадали под общее правило общинных владений, сохранившихся в некоторых местностях, несмотря на хищническую политику старых форм правления; эти владения распределялись для пользования и возвращались общине со смертью владельца или по его от'езде из деревни.

Что касается крупных ферм, крупных поместий, громадных земельных хозяйств, — которые представляли из себя сельскохозяйственные заводы, — они были отобраны без всяких разговоров. Было, конечно, некоторое недовольство со стороны управляющих и фермеров, которые находили для себя неприятным спуститься на уровень обыкновенных смертных; однако те, кто упорствовал в отстаивании прав своих хозяев, были редки; большинство согласилось занять место в молодой коммуне, где им предложено было заниматься делом, отвечающим их способностям.

Синдикаты не ограничили свою деятельность изменением системы землевладения; одновременно с этим они занялись улучшением положения парий земли, вчерашних рабов. Нужно было, чтобы они сразу же почувствовали, что жизнь стала лучше; нужно было спаять их судьбу с судьбой революции, дабы они стали ярыми защитниками ее. Эта забота выпала на долю сознательных крестьян, ибо слишком многие среди этих современных рабов, невежественных и примитивных, не дерзнули бы. Недопустимо было, чтобы эти последние продолжали вести животное существование, какое они вели до сих пор, — существование, которое можно было сравнить с существованием рабочего скота, с той только разницей, что о них не заботились так, как заботились о животных, так как животное стоило денег, а батраки ничего не стоили. Возвратившись вечером с работы, усталые, измученные, они не имели даже постели, чтобы отдохнуть, и спали на клочке соломы в конюшнях, хлевах, амбарах.

Этого теперь больше не было. Было решено, что каждый будет иметь свое собственное помещение, — по крайней мере, комнату и постель! Это, казалось бы, столь простая и естественная вещь встретила материальные затруднения, с которыми справились, как могли. Обложили буржуазные помещения и поместья: все, что в них было найдено лишнего из мебели, послужило для снабжения необходимым тех, кто был так долго этого лишен. Материальные условия сельских пролетариев, стало быть, улучшились и сравнялись с условиями окружающей их среды. И никому от этого не было ущерба.

Бывшие фермеры, управляющие крупных поместий, также как и хозяева, эксплуатировавшие труд своих слуг, согласившись на новые условия жизни, оставались в прежнем положении в смысле материального благосостояния; изменилось только то, что они не могли больше командовать, что они лишены были прислуги и должны были сами приняться за работу.

Работа, впрочем, стала менее тяжелой, менее не-

приятной, лучше обставленной и значительно менее утомительной. Вместо бесконечного рабочего дня прежнего времени, который, во многих местах, начинался с восходом солнца и кончался только поздно вечером, средняя длина его была сокращена до восьми часов.

Строгое установление длины рабочего дня было невозможно в промышленности, и очень трудно было это сделать в деревне, где работы находятся в зависимости от климатических условий. В спешных случаях, — когда опасались грозы или в других экстренных случаях, — работали без отдыха, не считая часов. Никто не ворчал! Каждый работал с увлечением, охотно, забывая усталость, — работали для себя, а не для хозяина!

Возможность значительно уменьшить длину рабочего дня была облегчена переселением рабочих из города в деревню. „Возвращение в поля“, которое тщетно проповедывали многие экономисты, произошло само собой, как только совершилась революция. Многие, оторванные от родной среды, которых манила искусственная городская жизнь, обманчивые надежды быстро разбогатеть и, в особенности, желание избавиться от скучной, надоедливой и бозастановочной работы за жалкую, смешную плату, возвратились в деревню, как только представилась возможность более легкого и здорового в ней существования. Они встретили радостный прием. Добрая мать-кормилица, земля, нуждалась в оплодотворении. Период, когда она была в руках отдельных владельцев, и время нищеты прошли. Чем больше будут работать на ней, тем больший урожай она будет давать, — и тем обеспеченнее и благоустроеннее будет жизнь каждого! Поэтому вновь прибывшие были встречены, как блудные сыновья, очень сердечно, и им было дружески предоставлено место в производительных группах.

Отныне прилив рабочих рук нигде не являлся бременем. Наоборот! Как в деревне, так и в городе,

езде, он служил к общему облегчению труда и влек за собой увеличение материальных благ для всех.

К этому обилию рабочих рук прибавился другой еще фактор, увеличивающий интенсивность и продуктивность труда: механические орудия, все более и более совершенствуемые, а также химическое удобрение, высыпаемое из промышленных центров, дали возможность получать больший урожай и позволили произвести крупные работы по улучшению способов ведения сельского хозяйства, о которых раньше, ввиду недостатка капиталов, нельзя было и думать.

Пример этой общественной обработки, выставленной, как убедительная антитеза, рядом с обработкой небольших земельных участков мелкими собственниками, которые, несмотря на тяжелый труд, получали посредственный урожай, сделал больше для доказательства превосходства ассоциации, чем строгая и серьезная аргументация.

Крестьянин любил землю глубокой и горячей любовью. Он любил ее за ее самую, — и потому что она ему обеспечивала свободу и независимость. Он боялся, что если он войдет в товарищество со своими соседями, присоединив свой земельный участок к их, его свобода и независимость уменьшатся. Опыт показал ему, насколько его опасения были ложны: он видел, что благодаря общественной обработке земли, вместе с экономией орудий и экономией труда, получались лучшие урожаи. Соединенными силами и при разделении труда можно было сразу и на одном пространстве производить работы, которые в деревне, разделенной на мелкие участки, производились отдельно и повторялись столько раз, сколько было мелких землевладельцев.

Уход за рабочим скотом, содержавшимся вместе в здоровых конюшнях, был обставлен лучше; то же самое было и со стадами. Каждый не ходил больше к своему клочку земли с своей сохой и бороной, более или менее годными; вместо рассеянных сил, траты времени, бес-

полезных работ, была согласованность в труде, симметрия, и бесполезная трата сил была доведена до минимума.

Эта перемена в психологии была подготовлена кооперативами, организованными для продажи сельскохозяйственных продуктов и товариществами для покупки семян, удобрения, машин; те и другие под покровительством синдикатов, значительно развились в последний период капитализма. Эти объединения, имевшие при своем возникновении ограниченную цель, — устранить посредника, спекулянта, — подготовили путь к высшей форме организации.

Крестьяне вступали сначала в эти кооперативы для того, чтобы иметь возможность приобретать по более умеренной цене удобрение, семена, сельскохозяйственные орудия; потом они нашли выгодным покупать машины, — общие всем членам товарищества, которыми каждый пользовался по очереди, — а также создавать кооперативные пекарни и мельницы. Другие объединились для того, чтобы образовать общие подвалы, молочные, сыроварни, имея также целью лишь освобождение от скупщика-купца, который душил их. Мало по малу, они начали ценить благо взаимной поддержки, и идея общественной обработки земли перестала им быть совершенно чуждой.

Эти кооперативы вошли в сношения с рабочим населением; они нашли большой сбыт в потребительских кооперативах промышленных центров; при этих сношениях сельчане и промышленные рабочие лучше узнали друг друга и научились взаимно ценить друг друга.

Таким образом, причины, способствовавшие ориентации крестьян в сторону социальных преобразований, были разнообразны. Но чтобы эти коммунистические зародыши пустили ростки, нужно было горячее дыхание революции. Без нее стремления, которые опытный глаз давно уже заметил в деревнях, ставших дружелюбно относиться к кооперации, и которые обещали пышный расцвет, оставались бы бесконечно долгое время в скрытом состоянии.

В деревнях, в которых начался деятельно проводиться в жизнь коммунизм, кооперация была вдвойне полезна; она была фундаментом, на котором была воздвигнута сельская коммуна и, с другой стороны, она значительно облегчала соглашение между городом и деревней в деле обмена.

Синдикат централизовал в своих руках все операции обмена и заместил мелких торговцев, для которых торговля была часто лишь добавочным источником дохода. Он был складом всех промышленных и мануфактурных изделий, местом общего снабжения и был в состоянии удовлетворять все требования, тем более, что имел телефонное сообщение со всеми главными складами и мог, не задерживая, обслуживать самые разнообразные нужды.

Коммунализация не ограничилась одной торговлей: мельницы, пекарни стали коммунальными; это было возрождение, в усовершенствованном виде, банальной мельницы и банальной пекарни старых веков. Также и различные ремесла деревни, — сапожное, слесарное, тележное, — стали коммунальными предприятиями.

Деревня, в своей внутренней организации, стала как бы большой семьей, в которой, однако, семейные группы сохранили свободу действия и потребления. Что касается отношений ее с внешним миром, то они происходили согласно конфедеративным принципам: деревня отправляла городским объединениям излишек своего производства, направляя его в указанные ей пункты. Находясь в постоянных сношениях с Биржей Труда ближайшего центра, а также с земледельческой федерацией, она была в курсе требований и, в зависимости от качества почвы, увеличивала производство того или иного сельскохозяйственного продукта усиливала разведение той или иной породы скота, сообразуясь с нуждами страны и статистическими данными.

В обмен на свои продукты, деревня получала орудия, сельскохозяйственные машины, химическое удо-

брение, необходимые для получения хорошего урожая. Она получала также в достаточном количестве, чтобы удовлетворить нужды коммуны, фабричные изделия первой необходимости, которые предоставлялись всем бесплатно.

Кроме того, каждый сельчанин имел право на получение своей доли предметов роскоши, — также как и жители городов. Эти предметы (а также предметы, потребление которых в силу их редкости было регламентировано) имеющий на них право мог получать на месте, через посредство синдиката, или даже непосредственно, — потребовав их из специальных складов, в количестве, не превышающем максимум того, что он мог купить. Это, конечно, было не обязательно; он мог отправиться сам в центры изготовления этих предметов и приобрести желательные для себя вещи в обмен на свои „потребительские чеки“ или даже прежние деньги.

В деревнях, в которых принципы Конфедерации еще не были восприняты и в которых, следовательно, коммунизм еще не был воплощен в жизнь, обмен производился по старому коммерческому способу. Отдельные крестьяне или их торговые кооперативы покупали и продавали по своему желанию. Продукты, какими они располагали, направлялись в городские склады, и им платили за них старыми деньгами; равным образом, так как они не состояли в Конфедерации, они не имели права на бесплатное получение чего бы то ни было и должны были покупать на деньги как предметы потребления, так и сельскохозяйственные машины, земледельческие орудия, удобрение.

В этом пережитке старого строя была пробита брешь делегатами, посланными из города, чтобы установить и обеспечить доставку земледельческих продуктов и скота, а также пропагандистами из Конфедерации, — которые большей частью были сами крестьяне. Те и другие показывали и доказывали земледельцам выгоды, какие они могут извлечь от полного присоединения к

принципам Конфедерации, — как в смысле облегчения труда, так и в смысле увеличения своего благосостояния; они проводили параллель между методом торгового обмена, который не давал им возможности ничего приобрести без денег, и методом Конфедерации, который предоставлял им бесплатно самые усовершенствованные орудия и обеспечивал им удовлетворение их нужд; они объясняли им, что если, в коммуне, они захотят предпринять какие нибудь крупные работы, большие постройки, обставить гигиенически свои жилища и если при этом им не хватит для этого рабочих рук, им только стоит обратиться с призывом к добровольцам и те придут к ним из городов в достаточном количестве чтобы помочь им в их работах.

Эта пропаганда, которая, еслибы она оставалась только теоретической, не имела бы большого влияния, становилась убедительной, благодаря примеру: полученные уже результаты в соседних деревнях говорили больше, чем всякая аргументация. Таким образом, в местностях, где революция сначала ограничивалась тем, что у богатых собственников отобрали их владения, коммунизация распространялась, расширялась, захватывая новые области, создавая всюду изобилие и довольство.

Г л а в а XX.

ВООРУЖЕНИЕ НАРОДА.

Строительская реорганизационная работа не заставила забыть работу противоположного характера, но неизбежную: уничтожение институтов насилия и принуждения, которые обеспечивали силу и продолжительность капитализму. Парижские революционеры занялись этим делом немедленно и для начала распустили персонал, ко-

торый жил этими учреждениями или пробавлялся около них.

Они сделали больше. Из избытка предосторожности, дабы парализовать, затрудняя концентрацию сил, всякую попытку наступления буржуазии, дабы лучше искоренить институты прошлого, они уничтожили здания, которые служили им убежищем, были их символом.

Префектура полиции была одним из первых занятых синдикалистами правительственных притонов, — и она была снесена в первую очередь. Дворец правосудия постигла та же участь, вместе с двумя тюрьмами, примыкавшими к нему, — Дено и Консьержери.

Полицейские, городовые испарились. Травля их во время всеобщей стачки в обитаемых ими кварталах была предупреждением об опасности, какой они подвергались. Поэтому, как только они увидели, что торжество народа было лишь вопросом нескольких часов, они поспешили исчезнуть.

Во дворце правосудия был народ. Там копошились и занимались пустяками адвокаты, законники, судебские чиновники, темные люди, которые, плохо отдавая себе отчет о значении готовившагося переворота, не понимая его, предполагали, что они смогут продолжать свою деятельность и жить еще насчет народа. Их иллюзии были обмануты. Всем этим людям дано было знать, что их деятельность была больше ненужна, что было покончено с паразитизмом во всех его видах и что они должны были выбрать для себя полезную профессию или ремесло. Им посоветовали не ждать дальнейших событий и войти в синдикат той профессии, к какой они имели склонность, или какая лучше отвечала их вкусам.

Революционеры отправились в тюрьмы, где они выпустили всех политических заключенных, — также как и уголовных преступников. Только по отношению к последним были предварительно выполнены некоторые формальности.

Было поручено конфедеральной комиссии войти в сношения с специалистами, известными своими знаниями и честностью; они должны были осмотреть тех из заключенных, которые ввиду их физиологических ненормальностей, являлись больными, которых надо было лечить и внезапное освобождение которых представило бы некоторую опасность для общества, — их перевели в лечебные заведения.

Затем конфедеральные делегаты собрали заключенных, вместе с тюремными сторожами. Тем и другим они изложили условия новой жизни; они объяснили им, что революция была совершена для того, чтобы упразднить всякого рода лентяев, паразитов, воров и преступников и что, следовательно, отныне необходимо было, чтобы все трудились, и не один здоровый человек не должен был уклоняться от труда. Потом, обращаясь безразлично к тюремщикам и заключенным, они прибавили:

„Вы должны решить, чувствуете ли вы себя способными приспособиться к новой среде, переродиться. Если да, вы выберите себе профессию или ремесло и вас примут в соответствующий синдикат. Там вы найдете только товарищей; они будут обращаться с вами по дружески и не будут знать, — или забудут, — кем вы были до сих пор... В случае, если эта жизнь в здоровом труде, основе благосостояния, вам не покажется соблазнительной, вы свободны отказаться от социального договора, какой мы вам предлагаем. В таком случае вы будете изгнаны с нашей территории и отправлены в страну, какую вы сами выберете для себя. Но чтобы по вашему приезде туда вы не очутились совершенно без средств, мы снабдим вас небольшим количеством денег...“

Эти слова, произнесенные среди толстых стен тюремного здания, за решетками и в тюремном полумраке, в сырых камерах, пропитанных насквозь грязью и человеческими испарениями, там, где умерло в агонии столько скорбящих душ, обращенные к заключенным и тюрем-

щикам, которые слушали их на равной ноге.., эти слова показали всю громадность социального переворота, — и они тронули и убедили слушавших их.

Тюремщики были счастливы покинуть профессию, которая только озлобляла их и которую они исполняли по нужде; что касается заключенных, откровенность и искренность слов, обращенных к ним, — которые не походили на лицемерие, обычно практиковавшееся по отношению к ним, — произвели на них сильное впечатление, и большая часть из них согласилась принять договор, какой предлагали им.

Разрушение тюрем и трибуналов и размещение по производительным группам паразитов, которые раньше жили мошенничеством, воровством, преступлением, — непосредственно, принимая в них участие, или косвенно, под предлогом репрессии и в качестве полицейских, судей, тюремщиков, — не имели своим последствием разгула разбоя и лени.

Отныне противучеловеческие поступки были в ведении трудовой группы или синдиката, в который входили виновники их.

Каждый, стало быть, был „судим себе равными“. Но, или „виновник“ признавался больным и его лечили соответствующим образом; или же ему выносился приговор, который вместо физического наказания влек за собой чисто моральное наказание, в форме бойкота, презрения. Этот карантин прекращался, как только находили, что тот, к кому он применялся, исправился.

В чрезвычайно редких случаях применялось изгнание из страны, решением общего собрания синдиката, против которого можно было апеллировать к корпоративной федерации и даже к конфедеральному Комитету. Но к этой мере приходилось прибегать только в исключительных случаях. Чаще всего бойкот был достаточен, чтобы исправить преступников.

Человек, который согласился бы быть так отвергнутым всемп, должен был обладать твердым, закаленным характером и находить поддержку в великой благородной

идее, — так было прежде с революционерами, которые, черпая силу в своих революционных идеях, пренебрегали общественным мнением и плевали на общее баранье порицание, окружавшее их; или же такой человек должен был знать, что найдет поддержку и одобрение в определенной среде, — так было с уголовными преступниками, которые для тюремного мира были героями.

А так как теперь нужно было иметь больше энергии, чтобы пренебрегать общим порицанием, чем для того, чтобы подчиниться требованиям трудовой жизни, — и так как не было больше сомнительной пубрики, чтобы восхищаться „апашами“, не было больше прессы, чтобы греметь о их подвигах, эти жалкие типы исчезли.

Положение зачумленного, в какое попадали виновные, было так тяжело переносить, что преступления становились все более и более редкими. Эта нравственная узда была более действительной, чем все кары буржуазного общества: этим способом достигли результата, какого не могли добиться тюрьмами и казнями, — количество противучеловеческих поступков в значительной пропорции уменьшилось.

Число их уменьшилось еще с самого начала, автоматически, на пятьдесят процентов, потому что не было больше преступлений и проступков, совершенных на почве материальной нужды, неравенства, вредного действия капитализма. Кроме того, преступления, которые были последствием физиологических ненормальностей, вырождения, психических заболеваний, начали понемногу исчезать под влиянием среды. Остались, стало быть, только преступления, совершенные на почве страстей, и вызванные случайными причинами, — для которых даже в буржуазном обществе находили всегда извиняющие причины, смягчающие обстоятельства, если не выносился прямо оправдательный приговор.

Правда, случалось иногда, что, в порыве негодования, свидетели какогонибудь акта гнусного насилия совершали тут же на месте суд и расправу. Так, были случаи, когда изнасиловавшие женщину или ребенка,

застигнутые на месте преступления, были убиты без пощады.

Эти насильственные акты, какими бы жестокими, зверскими и кровожадными они ни казались, были благотворны. Они охраняли всех слабых! Зловредные животные, имевшие несчастье оставаться истинными потомками своих предков-дикарей, должны были насколько возможно остерегаться проявления своих зверских инстинктов, благодаря угрозе, висевшей над их головой. Если эти чудовища не могли сдерживать себя, тем хуже для них! Они не повторят два раза своего поступка...

Как бы жестока и безжалостна ни была эта система непосредственного укрощения, она была менее отвратительна, чем прежняя процедура вместе со своим судебным аппаратом, и она имела оправдание в законном гневе, — оправдания этого не было у судьи, который действовал хладнокровно.

В то время, как разрушались тюрьмы и казармы, форты, окружавшие Париж, тоже не были забыты.

Армия была распущена. Все солдаты были отправлены по домам. Уже многие еще раньше, по своей собственной инициативе, сами распустили себя. В особенности старательно разоружали так называемые отборные войска, в которых поддерживался аристократический дух.

Эти меры предосторожности были дополнены роспуском военных училищ.

Что касается казарм, их снесли без всякого колебания. Слишком долго они угрожали Парижу, чтобы постеснились их разрушить, под благовидным предлогом, что они могли быть переделаны в жилые дома. Гнев народа с яростью обрушился на них, и образовавшиеся рабочие бригады с энтузиазмом принялись, работая мотыгами и ломами, разрушать их до основания.

Форты постигла та же участь. Их принялись ломать с тем большим усердием, что они были постоянной угрозой Парижу в случае реакционной попытки. Действительно, они были построены больше с задней

мыслью утилизировать их для бомбардировки Парижа в случае восстания, чем ввиду защиты его против нападения внешнего врага. И если правительство не пустило в ход их пушки, то это потому, что революция развернулась неожиданно, быстро и не дала ему возможности использовать все средства обороны. С ним случилось то, что, во время прошлых революций, погубило правительства, которые накануне своего падения казались непобедимыми, — оно было парализовано размахом движения, решительным, сильным натиском революционеров.

Разрушение фортов носило больше характер народного гулянья, чем революционной экспедиции. Революционеры отправились их сносить веселыми группами; на фортификациях устроили праздник, нелли, танцевали, пили вино. Затем, навеселившись вдоволь, принялись сравнивать рвы, разрушать сводчатые подземелья, заклепывать пушки, уничтожать военные припасы.

Оставили только ружья и оружие, с которым легко было обращаться, которые перенесли торжественной процессией в Виржу Труда.

Это была хорошая и разумная тактика. Это доказывало, что народ, который был в состоянии победить, будет способен также защитить свою победу, так как насколько он считал необходимым уничтожить всякое оружие, служившее для наступления, и все средства нападения, настолько он ценил преимущество сохранения у себя оружия, служившего для обороны. Он помнил, как он страдал из за отсутствия ружей! Он помнил испытанные разочарования, когда ему представлялись случаи освободиться и он не мог ими воспользоваться, благодаря отсутствию оружия! Поэтому он не пренебрегал возможностью вооружиться, — несмотря на то, что нужда в этом, благодаря его полному торжеству, была проблематична.

Народ всегда относился с отвращением к военной службе; он всегда ненавидел войны между народами и резню, жертвами которой были его дети. Но это ни-

чуть не означало для него покорность и непротивление злу, проповедуемые Толстым, — и не с веселым сердцем, согнув свою спину под гнетом, он отдавал свои рабочие руки для эксплуатации. Всегда он старался вооружиться, чтобы нейтрализовать военные и другие силы, — которые, при старом строе, держали его под ярмом. Он запасался револьверами! Он покупал ружья, когда мог! Он пользовался с взрывчатыми веществами и употреблял бомбы!.. Поэтому было нормально, что поставленный в возможность вооружиться серьезно, он поспешил это сделать.

В данном случае синдикаты шли только по следам революционеров 1789 года, которые с таким же жаром забирали оружие всюду, где они его находили, с каким они брали приступом монастырь Сэн-Лазар и Бастилию.

В эту отдаленную эпоху лучшим оружием были пушки, — и парижане, которые ценили их больше, чем кремневые ружья, считали их как наилучший аргумент. Поэтому они отправлялись забирать их всюду, где они были!..

Организовывались экспедиции против известных замков, чтобы захватить пушки: взяты были пушки в замке Шуази-ле-Руа, и были хорошей добычей также пушки замков Шантильи, Иль-Адам, Лимур, замка Брогли и многих других дворянских усадеб.

Когда возвращаясь после одной из этих операций, парижане везли свою добычу в Париж, они не были настолько наивны, чтобы послушаться вероломных советов Лафайетта, который с огорчением видел, что народ вооружается и, для того чтобы ловко разоружить его, хотел, чтобы округа выдали ему свои пушки, под предлогом образовать из них артиллерийский парк. Парижане не попали в ловушку, они не послушались этих коварных советов: они хранили пушки в своих секциях, — и это была их сила в великие дни революции!

Итак, подражая революционерам девятнадцатого

века, их правнуки двадцатого века брали оружие везде, где находили. Так как оружие было теперь более усовершенствовано, у них не было такого уважения к простым пушкам, как у их прадедов; напротив, они не пренебрегали пулеметами и скорострельными пушками. Они тщательно забирали всякое оружие, могущее служить для обороны, — и оно было роздано в синдикатах здоровыми товарищам, которые хотели вооружиться.

К оружию, найденному в фортах, прибавилось оружие, оставшееся после разоружения войска, оружие, хранившееся в военных складах и взятое из оружейных магазинов.

Радикальная чистка, которую мы только что описали, не ограничилась одной столицей. С таким же подъемом провинция принялась делать то же самое: суды и тюрьмы были снесены, казармы и форты разрушены.

Вскоре на всей территории не было больше ни одного вооруженного батальона. Одновременно с роспуском армии была произведена перепись оружия, служащего для обороны, и через посредство Бирж Труда оружие это раздавалось в синдикатах по требованию.

В каждом синдикате образовалась группа обороны, в которую добровольно вступали молодые и активные элементы; там упражнялись в стрельбе и боевых приемах для отражения врага, чтобы не быть застигнутыми врасплох в случае заговора реакционеров. Эти группы находились в ведении Бирж Труда, и завязывая сношения с однородными группами данного района и отдаленных центров, члены их не переставали быть деятельными работниками в своих синдикатах. Они не считали себя освобожденными от производительного труда под предлогом, что они занимались военной гимнастикой.

Эти синдикальные группы не были силой, посторонней народу. Это был сам народ, который, освободив труд, имел осторожность вооружиться для охранения завоеванной свободы.

Эта организация обороны на корпоративных и федералистических началах делала невозможной всякую попытку изменить смысл существования этой вооруженной силы. Подозрительные и чуждые элементы не могли туда войти; там были все товарищи, и для того чтобы быть принятым в одну из этих групп, нужно было не только быть членом какого нибудь синдиката, но быть еще известным и иметь поручителей, которые отвечали за вас. Предосторожность запуганного, но полезная, чтобы помешать проникнуть туда подозрительным элементам из бывших господствующих классов.

Теперь снабженная ружьями и штыками, пулеметами и скорострельными пушками, синдикальная Франция была на стороже; это могучее оружие было в руках людей сильных и решительных, — и она имела преимущество над Францией 1789 года в том, что она окончательно вылечилась от всяких Лафайетов.

Г л а в а XXІ.

АГОНИЯ РЕАКЦИИ.

С первых дней революционных событий масса привилегированных имели предосторожность укрыться в надежном месте. Когда движение усилилось, целые толпы начали эмигрировать за границу.

Среди бежавших от революции одни были поверхностные, пустые люди, любящие свои удобства и боящиеся всяких волнений; другие имели более серьезные причины, чтобы переменить воздух: имя их приобрело такую печальную известность, что казалось, что в нем сосредоточилась вся народная ненависть. Впрочем, для тех и для других эмиграция была лишь небольшим инцидентом. Длинные путешествия на автомобилях, экскурсии по берегам Нила или в норвежские фьорды пропитали их космополитизмом. Так как они

знали, что везде могут устроиться удобно, то оставление родины не угнетало их. И потом, у них были такие же иллюзии, как у эмигрантов 1790 г.: они рассчитывали скоро вернуться, и — данные события были для них лишь случаем совершить путешествие неожиданное, но не неприятное.

К тому же, эмигрировать так просто. Несколько часов езды на автомобиле, и доехал до границы. Единственный риск представлял проезд через восставшие деревни. Да и то беглецы должны были бояться больше как автомобилисты, чем как эмигранты. Действительно, автомобиль не пользовался уважением крестьян, — он давил кур и также людей... А так как страсти разбушевались, то можно было опасаться, что гнев народный повернется против него. Однако, редки были случаи расправы, еще реже были такие, которые кончались трагически.

Революционеры не препятствовали эмиграции. Наоборот! Некоторые желали ее, видя в ней средство продолжать без помехи экспроприацию капиталов. Так как революция творилась больше против учреждений, чем против личностей, то бегство привилегированных давало возможность избегать столкновений и споров с ними. Эмигранты могли увозить свое золото, — но они не могли увезти то, что составляло истинное богатство, свои земли, заводы, недвижимое имущество. С их уходом было легче занять крестьянам их владения, пустить в ход заводы, оборудовать заново здания, которые они покидали.

Но не все владельцы капиталов эмигрировали. Были такие, которые, как мы говорили выше, отказались предоставить свободное поле действия революции и которые, когда парламентаризм был свергнут, старались сами защитить себя. В тот же период правительство пробовало вновь сконструироваться, в провинции; члены его, — министры, депутаты, высшее офицерство, — собрались в Шалонском лагере и там, окруженные остатками армии, они пытались реорганизовать военную силу

и надеялись, что представится случай начать наступление.

Буржуазия рассчитывала в своей попытке прямой оппозиции революции, на свои многочисленные „центры“, в которых она собиралась: во-первых на торговые палаты и синдикаты хозяев; затем, на центральные комитеты, которые в некоторых индустриях контролировали производство, — конторы кузнечных мастеров, комитеты каменноугольного производства, ткацкой промышленности; они рассчитывали также на страховые общества против стачек и на многие другие различные общества.

Благодаря этой сети различных групп, привилегированные, „бывшие люди“, желавшие защищаться, могли предположить, что они в состоянии оказать сопротивление. Они успокаивали себя иллюзиями. Их социальный горизонт не расширился, и они продолжали себя считать в прежней среде, не желая видеть, что происходил социальный переворот, создавались новые социальные условия.

Применяемые ими средства были главным образом финансового порядка и организмы, на которые они опирались в своей оппозиции, были приспособлены к капиталистическому обществу. Пока вопрос ограничивался тем, чтобы предохранить хозяина или даже целую промышленность против стачки или частичного восстания, эти общества, сильно вооруженные в финансовом отношении, могли бороться с опасностью. В данном случае было иное. Революция развернулась во всю ширь, и нужно было помешать разрушению старого строя. Громадная работа, выполнить которую эти общества были тем более бессильны, что их промышленное или торговое могущество было уничтожено.

Могла ли буржуазия возлагать большие надежды на различные смешанные и убудочные организации, состоявшие из хозяев и покорных рабочих, в которых добрые души думали вызвать элементы примирения классов?

Эти организации были непрочны. Рабочие, которые вошли туда когда то по робости или из чувства подражания, не были людьми, которые бы стали драться за своих хозяев. И, что еще важнее, в них произошла перемена: они должны были, чтобы иметь возможность существовать, войти в конфедеральные об'единения и, соприкасаясь в них с товарищами, они становились новыми людьми, — более расположенными защищать революцию, чем бороться против нее.

Буржуа, стало быть, очутились, за редкими исключениями, предоставленными своим собственным силам и лишенными того, что, до сих пор, составляло их силу: финансового влияния. Золото потеряло свою притягательную силу. Жизнь стала возможна без него. И так как труд обеспечивал существование всем, то покупать людей стало трудно.

„Бывшие люди“, привыкшие до сего момента, чтобы их защищали, теперь должны были платить своей собственной персоной. И какую жалкую фигуру они представляли! Прежние финансовые короли, короли железоделательной промышленности, каменноугольной, все колоссы капиталистической промышленности, все главы трестов, после того как они держали под своим ярмом армии рабочих, играли господствующую роль в государстве и подчиняли себе министров, были лишены своих привилегий. Они теперь были слабее жалких недоносков и до такой степени растеряны, что не были уверены, будут ли они есть завтрашний день!

Они не могли предпринять ничего существенного против революции. Дело было уже не в том, чтобы свергнуть какое нибудь правительство, надлежало уничтожить творческую силу корпораций и вернуть весь народ к прежним социальным условиям, возратить систему наемного труда. Но как бороться с новым обществом? Не было больше государственной централизации, и средства сообщения и транспорта были в руках рабочих федераций, которые парализовали без больших усилий действия реакционеров. Контр-революция была, стало

быть, невозможна, так как это было бы самоотречением рабочего класса.

Мы видели, что революционеры действовали поспешно с самого начала победы, не колеблясь принимать нужные меры: захватывая заводы, банки, весь общественный арсенал, они занимали в то же время помещения, где заседали тресты, и все пункты, где реакционеры могли бы собраться и сговориться. Последние были, стало быть, лишены центров, где они прежде собирались, и на которые они рассчитывали. Все рушилось вокруг них! Их гибель была неминуема! Их усилия были бы напрасны. С трудом они собрались в некоторых тихих городах, вдали от экономической жизни, в уголках, куда не проникла революция. Они представляли один генеральный штаб, без солдат. К ним присоединились несколько авантюристов с обезьяньим умом и офицеры старой армии.

Что касается офицеров и унтер-офицеров промышленной армии — персонал директоров, инженеров, старших мастеров, — их явилось мало; большая часть, которые составляли настоящий пролетариат умственного труда, отказались вступить в авантюру реакции и открыто перешли на сторону народа.

Против сброда паразитов и эксплуататоров, которые намечали контр-революционный жест, синдикаты употребляли только бойкот. Местности, где собрались „бывшие люди“, были отрезаны, безжалостно изолированы. Туда не пропускали ни поездов, ни жизненных припасов, — ничего! И чтобы кольцо бойкота, окружавшее их, не могло быть прорвано, революционеры удвоили свою бдительность, превосходно вооружив синдикальные группы этих местностей: их снабдили пулеметами и скорострельными пушками, которые, поставленные на автомобили, представляли страшное оружие. Это было сделано не потому, что хотели выступить против реакционеров, — но, чтобы быть в состоянии отразить их, в случае еслибы они решили начать наступление.

Они не могли это сделать!..

У них не было ни оружия, ни боевых припасов, ничего. Роли переменялись. Пролетариат был вооружен, они были мало вооружены, — и никто не был за них...

Их положение было такое же ненадежное, какое было прежде положение народа, так долго длившееся, с тем увеличивающим их слабость обстоятельством, что они боролись ради того, чтобы вернуть свои привилегии, тогда, как народ поддерживал в его мартирологе идеал свободы.

Что касается призрака правительства, которое, в Шалоне, старалось создавать себе иллюзии, старалось казаться, что оно живет и пыталось объединить рассеянные остатки капиталистической силы, то его меньше щадили.

Бойкот, каким его окружили, был чрезвычайно суров. Ему с трудом удавалось доставать себе пропитание; оружие и боевые припасы, оно не в состоянии было возобновить, за невозможностью доставать их в общественных магазинах. Это неудобство для него было чувствительнее всего остального; оно ставило его в необходимость пользоваться старыми способами обороны и нападения без всякой возможности их усовершенствования ни изменения. Насколько легко было, действительно, для члена Конфедерации получить, через посредство своего синдиката, самые разнообразные металлы, сталь, алюминий и другие, настолько это было трудно для тех, кто отказывался принять новые социальные условия, так как больше не было торговли металлами. Таким образом, правительство и его сторонники должны были довольствоваться старым, — и это сделало их неравными в борьбе с синдикалистами, в особенности что касается таких страшных орудий, как воздушные корабли и аэропланы.

Когда правительство со своими защитниками, окруженное сплошным кольцом бойкота, находилось как бы в тисках, против него были употреблены ужасные разрушительные средства, для которых не требовалось

военной мобилизации. Эти средства были давно известны. Но правительства не хотели к ним прибегать. Когда они заставляли драться свои народы, они хотели сохранить за резней некоторый дипломатический декорум, и они отказывались вести войну настоящего истребления, которая была бы так же опасна для генеральных штабов, как и для простого пушечного мяса.

На заре лучезарного дня над Шалонским лагерем появилась флотилия воздушных кораблей. Авиаторы, взявшие на себя инициативу этой экспедиции, — и которые шли с полной охотой, — обнаружили неслыханные самообладание и смелость: они пролетели на небольшой высоте и с точностью, которой не помешала стрельба противника, они совершили свое разрушительное дело.

Они бомбардировали лагерь! И бомбы, сыпавшиеся как град, были двух сортов: одни начиненны были сильным взрывчатым веществом, другие содержали в себе удушливые газы.

Последствия были ужасны! Почти бесшумный взрыв бомб с удушливыми газами, которые на большом расстоянии косили людей, падавших, как пораженные громом, был еще ужаснее, чем взрыв бомб с взрывчатыми веществами. От этих последних по долине пронесся огненный ураган, пронзительный свист, глухой гром.

В течение меньше часа все было разрушено, не осталось ни одного здания ни одного сводчатого подzemелья. Пушки валялись, разбросанные, со сломанными колесами и лафетами. Люди были охвачены невыразимым, ужасом. Те, кто в первые минуты пробовал, напрасно, бороться, отказывались быстро от продолжения борьбы. Началось безумное, бешенное бегство во всех направлениях...

Оставшиеся в живых могли бежать, без оружия; их не трогали. Цель синдикалистов была лишь защитить себя, раздавить окончательно реакцию, — а не уничтожить побежденных. Некоторым удалось перейти границу...

Это был конец!

Таким образом, несмотря на горечь, какую причинял ей социальный переворот и крушение ее привилегий, буржуазия ничего не могла предпринять против революции: она превратилась в прах, без возможности совместного выступления, без всяких средств борьбы. Конечно, в ее рядах были сильные личности, способные на личную отвагу и на героические акты, но не имея почвы под ногами, они тратили свои усилия зря: им так же невозможно было побороть торжествующий феодализм, как обнять океан.

Г л а в а XXII.

ЭКСПРОПРИАЦИЯ И ОБМЕН.

Последние конвульсии капитализма не мешали делу нового социального строительства. Во всех областях синдикаты кончали реорганизацию. В редких отраслях промышленности, где — по невежеству или по инертности, или вследствие давления капиталистов — рабочие не были прежде объединены, дело было поправлено теперь, благодаря помощи и советам делегатов Конфедерации. Так что мало по малу, рабы, остававшиеся в первый момент революции в стороне от движения, прониклись революционными идеями и восприняли их.

Недоверчивость исчезла. Страх потерять при перемене общественного строя, попасть еще в худшее положение, — который вначале революции мешал боязливым присоединиться к ней, рассеялся. Факты доказывали нелепость этих опасений. Поэтому в отсталых провинциях, в которых теперь совершился перелом, затруднения, которые создавали раньше серьезную помеху, разрешались легко.

Так, вопрос о вознаграждении за понесенный

ущерб мелких промышленников и мелких торговцев, которых новый строй упразднял, не ставился больше; тогда как в первые дни этот вопрос экспроприации с вознаграждением или без вознаграждения был часто камнем преткновения. Он дебатировался на конфедеральном съезде, — и был решен в отрицательном смысле.

Экспроприация без вознаграждения, — которая, впрочем, была уже совершившимся фактом, — была принята всеми, в тех случаях, когда дело касалось крупных состояний, крупных землевладений, крупной промышленности. Наоборот, некоторые старались установить разницу между другими капиталами. Они делили их на два разряда: с одной стороны, были капиталы, образовавшиеся, благодаря своему собственному росту, — следовательно не дающие права на вознаграждение, с другой стороны, капиталы, явившиеся результатом непосредственного труда их владельцев, плода сбережений, — и заслуживавшие компенсации. Эта компенсация, говорили они, могла бы состоять в даровании заслуживающим ее экспроприированным права на потребление в размере определенного процента.

На это возражали, что улучшение жизненных условий и обеспеченность завтрашнего дня, вместе с постоянством и бесконечным увеличением благосостояния, приносимые революцией для категории „привилегированных“, которых считали заслуживавшими вознаграждения, компенсировали — и с лихвой! — потерю ими их маленького капитала. Так, разве мелкий собственник, достигший возраста, в который удаляются на покой, теперь живет не шире и не лучше, чем он жил бы раньше на свои тощие доходы? Разве мелкий коммерсант, мелкий фабрикант, — которым, к тому же, предоставили свободу коснеть в своей норе, если им это угодно, — пользуются теперь не большими жизненными удобствами, чем прежде? Что касается крестьян и пролетариев, которые, собирая по копейке, скопили себе маленький капитал, как раз достаточный для того, чтобы одолжать соседу под залог недвижимого и по-

лучать с него проценты, или купить несколько акций, то разве они не вознаграждены также очень широко за потерю своих крошечных привилегий?

И потом, прибавляли сторонники простой экспроприации без вознаграждения, предлагаемая операция вызвала бы столько осложнений, что это одно уже является достаточным поводом, чтобы ее отвергнуть. Во-первых, как провести демаркационную линию между капиталами, заслуживающими вознаграждения и незаслуживающими его? Затем, предположим, что преодолели это первое затруднение, возникнут другие, такие же сложные: понадобился бы целый штат чиновников, чтобы производить анкеты и оценку капиталов для установления нормы вознаграждения; кроме того, аппетиты разгорятся, благодаря соблазну продолжать еще жить паразитами. Это значило бы продолжать старый строй в новом. Это значило бы привить язву в сердце молодого общества. Нет! Нет! Не надо вознаграждения

К этой аргументации противники вознаграждения прибавили пример 1789 года. Они говорили, что не следует повторять обман 4-го августа. В этот знаменательный день Учредительное Собрание в громких фразах провозгласило уничтожение феодальных привилегий... с выкупом! Почему? Потому что члены Учредительного Собрания боялись крестьянского восстания и потому что они рассчитывали остановить его обманчивыми обещаниями. После 4-го августа старая феодальная система продолжалась, — с своими оброками и податями! — и она осталась бы, если бы крестьяне не навели порядок, уничтожив путем ожесточенной борьбы привилегии, которые они ненавидели. Четыре года они! упорно дрались. Только после этого периода беспорывных бунтов, в 1793 году, Учредительное Собрание вынуждено было санкционировать уничтожение феодальных прав без всякого выкупа.

Кто может сказать, какой размах совершила бы эта революция, если бы, в начале ее, в 1789 году, Учредительное Собрание сознало бы необходимость от-

ветить на народное восстание упразднением без выкупа феодальных привилегий?

Теперь, прибавляли они, такое же положение: привилегии капитала равноценны феодальным привилегиям 1789 года... но тогда как в интересах членов Учредительного Собрания, которые были буржуазного или дворянского происхождения, было сохранить эти привилегии, наши стремления иные: наши интересы одинаковы с интересами наших товарищей, и мы не имеем права полумерами обессиливать революцию.

По окончании дискуссий было решено, что капитал, каково бы ни было его происхождение, не получит вознаграждения. Широкая и легкая жизнь, какую общество обеспечивало каждому в обмен на его умеренный труд, составляло долю вознаграждения, на которую каждый мог справедливо претендовать.

Эта резолюция касалась только капитала в форме землевладений, недвижимого имущества, магазинов, заводов, государственных бумаг, акций. Что касается денег, имевшихся у частных лиц, они были оставлены в обращении. Также те, у кого были деньги в сберегательной кассе, могли взять их обратно, и лица, у которых хранились капиталы в банках, могли получить часть их обратно, максимум несколько тысяч франков, — приблизительно столько, сколько нужно было чтобы прожить около года, сообразуясь с тогдашними ценами на продукты. Неудобство этих мер было минимально, принимая во внимание, что эти деньги, могущие служить только для потребления, должны были — неизбежно и быстро — возвратиться в синдикальный банк.

Руководствуясь этими данными, федерация банковских служащих обеспечила функционирование синдикального банка и его отделений: этот банк, как мы говорили, был составлен из наличных сумм Французского банка, банкирских контор и ценностей еврейских, католических, протестантских и всяких других банков. Он был общим резервуаром, в котором черпало общество. Так как нужно было только отмечать количество по-

ступлений и выдач, так как не было ни кредита ни дебета, бухгалтерия была несложная.

Для поступления денежных знаков механизм был прост: частные лица, покупавшие в общественных магазинах по старому способу обмена, платили золотом или серебром. Эти деньги, которые магазину были ненужны (ибо он получал продукты по простому требованию, через посредство Федераций и Бирж Труда), он не хранил у себя, а отправлял их в банк. Последний вписывал в книгу получаемую сумму и ее происхождение, не внося ее, однако в рубрику кредита платящего магазина, — по той простой причине, что у него не было счетов с ним.

Для выдачи денег механизм был не сложнее. Было два случая: приобретение продуктов внутри страны и приобретение их заграницей.

Организации, которым нужно было сделать заготовки внутри страны, — напр., купить у крестьян, у скотоводов, которые еще не приняли общественного договора, — требовали у банка или одного из его отделений аванс деньгами или чеком, в необходимом размере и делали свои закупки по старой системе. А так как продавцы, которым платили деньгами, тоже нуждались в продуктах всякого рода, то они обращались в общественные магазины... и полученные ими деньги возвращались в синдикальный банк, откуда они вышли. Не все деньги поступали обратно; поступало меньше, чем выдавалось, — причиной этого была страсть некоторых маньяков копить. Это не имело никакого значения, ибо банк заботился не о том, чтобы сумма имевшихся у него в кассе денег не уменьшалась, а о том только, чтобы исполнять свою функцию насоса, вбирающего в себя продукты, которые он пускал в общественное обращение.

Торговля с заграницей производилась тоже по коммерческому способу: продукты, предназначенные для экспорта, отправлялись в морские гавани или на речные пристани или же в железнодорожные склады. Туда

же прибывали ввозимые товары. Синдикаты грузчиков руководили различными операциями вывоза и ввоза.

Ввезенные продукты, по требованию — или пропорционально количеству их в складе и потребностям — отправлялись синдикатами грузчиков в те или иные центры. Разумеется, коммерческие операции прекращались, как только ввезенные продукты поступали в обращение внутри страны.

Вывозился только избыток, — ибо вместе с капитализмом рушилась нелепая и пагубная система производить для экспорта, в то время как внутри страны народ жил в нужде, не имея продуктов, которые вывозились за границу. Степень благоденствия и богатства страны не измерялась больше размерами экспорта, а количеством материальных благ, распределенных между всем населением.

Навигация, вследствие особого положения, занимаемого ею, была двойного типа: она оставалась коммерческой в отношениях с заграничными странами; стала коммунистической внутри страны.

Моряки торгового флота одни из первых примкнули к революции, и синдикат их, без колебаний, захватил все суда, — как принадлежавшие отдельным хозяевам, так и снаряжаемые компаниями.

Первым делом нужно было составить заново экипажи, на основе взаимной склонности и симпатии, — ибо на море, больше чем где нибудь в другом месте, сходство характеров и согласие необходимы. Ввиду этого экипажи составлялись сами, под руководством синдикатов моряков. Также по общему соглашению среди персонала экипажа избирался капитан и другие люди, на которых дежало управление пароходом. Дело было больше не в функциях власти, а в естественном разделении труда, которое никого не ставило в более низкое положение, чем другие, и никого не возвышало в правовом отношении.

В то время как происходила реконструкция экипажей, вырабатывались новые условия навигации. Было

решено, что, находясь на французской земле и во французских портах, моряки будут пользоваться такими же финансовыми удобствами, как и все товарищи. Во время мореплавания они неизбежно должны будут подчиниться некоторым ограничениям, норме, необходимой на море. На расходы во время остановок в чужих странах они будут получать деньги в синдикальном банке того порта, из которого будут от'езжать.

Условия для перевозки пассажиров были также смешанные: пассажиры, входящие в Конфедерацию, должны были перевозиться бесплатно, иностранцы же — на прежних финансовых условиях. Точно также, тогда как французские товары, отправляемые за границу, должны были бесплатно перевозиться на пароходе, но облагаться таксой, которую должен оплачивать покупатель, как расходы по транспорту, ввозимые товары не облагались никакой таксой.

Пароходы, которые вели торговые сношения с заграницей, должны были получать указания, основанные на требованиях продуктов, поступивших в синдикаты грузчиков и моряков; им предоставлена была широкая инициатива для этих закупочных операций, — и синдикальный банк выдавал им необходимые денежные суммы.

По своем возвращении пароходы должны были сдавать в синдикальный банк суммы, полученные ими за вывезенные продукты или за перевозку пассажиров-иностранцев, — но они не были вынуждены устанавливать баланс между получками и расходами.

Таков был, в общих чертах, принятый механизм обмена с заграницей.

Можно было опасаться, что иностранные государства, из ненависти к революции, прекратят всякие торговые сношения с Францией. Правительства этого бы очень хотели. Но приманка наживы взяла верх. Все попытки международного бойкота провалились; нашлись иностранные капиталисты, которые использовали события и нажили большие барыши, так как, принимая во вни-

мание данные обстоятельства, французы не колебались платить высокую цену за необходимое им сырье.

Этот метод обмена, который должен был остаться в силе, пока соседние страны не освободятся от капитализма, был лишь продолжением позиции, занятой Конфедерацией внутри страны по отношению к уклоняющимся принять конфедеральный договор.

Денежное обращение имело коммерческий характер лишь по отношению к элементам, чуждым общественному договору; по отношению к членам Конфедерации банк функционировал, как общий резервуар, в котором каждый черпал в зависимости от своих нужд. Царство золота было, стало быть, уничтожено в новом обществе: этот металл потерял свою способность расти, которая прежде составляла его силу, за ним осталась лишь меновая функция, которая тоже все больше и больше слабела.

Г л а в а XXIII.

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПРОФЕССИИ.

„Интеллигенты“ — как говорили прежде — не слишком досадовали на революцию. Многие встретили ее с радостью и помогали ее торжеству.

Однако, среди них были такие, которым социальный переворот приносил ущерб, уничтожал преимущества, связанные с их материальным благосостоянием и общественным положением. Эти последние были не меньшими энтузиастами революции: новая жизнь казалась им освобождением. Они задыхались в капиталистическом обществе. Материальное довольство, выпавшее на их долю, не компенсировало отвращения и горечи, испытываемых ими при виде пороков, ничтожества и несправедливости, которыми изобилует буржуазный мир.

Люди высокой марки — в области наук, искусства, литературы, — находившиеся все в привилегирован-

ном положении при старом строе, питали по отношению к нему такое отвращение, что были в восторге от его крушения. Такое настроение общества помогло падению капитализма: так сильно желали его гибели, так ждали ее, что эти нетерпеливые желания создали атмосферу, благоприятную для революции.

Среди студентов многие участвовали в движении, — одни, перебежчики из буржуазии, другие пролетариинтеллигенты (жизнь которых не обещала быть легкой); они связали свою судьбу с судьбой рабочего класса, вступили в ряды борцов. Они принесли с собой свою энергию и добрую волю, — и были братски приняты.

Это сотрудничество интеллигентов в революции содействовало реорганизации школ, методов воспитания, а также преобразованию либеральных профессий.

Отныне, врачи, хирурги не должны были торговать своим знанием и опытом. Их профессия стала общественной функцией, деятельностью, принятой на себя и выполняемой по призванию, — из желания облегчить человеческие страдания, а не из за материальных соображений. Уже в капиталистическом обществе проявлялись симптомы этой перемены: какой-нибудь знаменитый врач, оказав медицинскую помощь богатым больным и получив очень высокий гонорар, лечил потом даром бедняков, — и иногда помогал им даже деньгами. У большинства это вызывалось сентиментальными побуждениями, — их жесты человеческой солидарности не вытекали из критического отношения к социальной действительности. Но каков бы ни был мотив их поступков, последние, тем не менее, были протестом против шокирующего неравенства, против вынужденного меркантилизма, — и они стремились восстановить равновесие. Поэтому эти доктора, которые думали о себе, что они просто сострадательные люди, были более, чем другие, подготовлены к коммунистическим порядкам новой жизни.

Также и архитектора, чертежники, инженеры, химики и другие потеряли свое прежнее привилегированное положение; они сделались полезными и ценными сотру-

никами в деле благоустройства общества, но их таланты не давали им права на привилегированное положение.

Профессиональные союзы, существовавшие прежде в либеральных профессиях, были преобразованы в синдикаты и федерировались между собою. Эти объединения были автономны, как и другие корпорации и, — как и они, — участвовали в жизни и деятельности Конфедерации Труда.

Как мы об'яснили, жизненные условия либеральных профессий не отличались от таковых других корпораций; их синдикаты раздавали своим членам карточки — подобные карточкам всех членов Конфедерации, — дающие право на бесплатное потребление продуктов, существующих в изобилии; они выдавали также каждому члену „чековую“ книжку, дающую возможность потреблять или получать, в равной пропорции со всеми, редкие продукты или предметы роскоши.

Теоретически, доля каждого на все продукты, на все предметы, более ограниченное количество которых вынуждало устанавливать норму в их распределении, была одинакова со всеми; но математически точное равномерное их распределение, помимо того, что оно невыполнимо, было бы нелепо и дало бы плачевные результаты. Логическое распределение, какого напрасно старались бы добиться этим способом, было достигнуто естественно, само собой, благодаря простору в удовлетворении вкусов и личных предпочтений; одни выбирали себе одни продукты, другие — другие, и это разнообразие желаний и вкусов осуществило равновесие между предложением и спросом. Каждому легко было удовлетворить, пропорционально степени общественного богатства, свои желания роскоши.

Эта равная безразлично для всех возможность потребления казалась слишком непостижимой только тем, кто держался в узких рамках буржуазной жизни. Другие, которые знали, какая предварительная работа подготовила — с половины девятнадцатого века — осуществле-

ние настоящих условий, мирились с этим, если не с радостью, то, по крайней мере, без большого ропота.

В самом деле, чувство равенства и равноценности всех занятий, каким был проникнут рабочий класс, возникло не сразу. Давно революционеры,—осудив привилегии богатства,—учили, что человек не приобретает, благодаря знаниям, высших прав, чем права других людей, и что он не в праве требовать тем большего вознаграждения, чем он больше образован; они доказывали, что тот, кто получил образование, обязан этим своим профессорам, накопленному труду прошлых поколений, всей окружающей среде, которая позволило ему развить свои способности. И они прибавляли: насколько каменщики, чистильщики сточных труб, булочники, огородники нуждаются во врачах, настолько этот последний нуждается в них; между ним и последними происходит обмен услуг, следовательно, должно быть равенство в правах, и было бы незаконно, чтобы кто-нибудь, чванясь своими знаниями, брал себе большую долю, в ущерб своим сочленам.

Не все были склонны принять без всякого возражения это общее уравнение. Тех, кто был этим опечален, один известный ученый, который при капиталистическом строе тщательно анализировал искусственные удовольствия, доставляемые богатством, утешал философски:

„Вы забыли, говорил он, что то, что богатый мог лично потреблять, было ничтожно по сравнению с его возрастающим богатством?

„У него был только один желудок, и он должен был его щадить. Когда он два раза в день съедал по два — по три блюда, он был уже вполне сыт. Он употреблял в пищу продукты высшего сорта, — но наивысшее качество продукта достигалось быстро.

„Картофель, лучшие овощи, он приобретал себе высшего качества по низкой цене. Что касается не сезонных продуктов, первых плодов, то цена их могла быть чрезвычайно высокой, но это не значило, что они

были в такой же степени вкусными. Большая часть были менее вкусны, чем сезонные плоды.

„Один и тот же человек имел одну только постель, так как пользование одной за другой несколькими постелями зараз мешало бы ему как следует спать, не давая взамен никаких компенсирующих удобств. Платье то же, что и постель. Перемена платья скорее доставляет некоторое стеснение. Нужно примерять его, сделать его по своей фигуре, самому приспособиться к нему, так что сами миллионеры не имели значительно больший гардероб, чем приказчик магазина.

„Человек этот имел одну только спальню, по той же причине, по какой у него была одна только постель; то же самое нужно сказать и относительно двух-трех комнат, которые ему действительно служили столовой, кабинетом, интимным салоном. Остальные комнаты были для приема, для других...

„Он мог путешествовать? Но частые путешествия нарушали его спокойный образ жизни и подвергали его тысяче неприятностей, которые для многих были сильнее, чем развлечения, каких они искали в них.

„Он мог присовокупить других к своим удовольствиям, но помимо того, что могло быть более или менее приятно организовать для посторонних развлечения, удовольствие было не только личным... В этом случае было начало социализации богатства“...

В заключение, оптимист ученый проповедывал своим собратьям приспособиться к новой среде: он говорил, что их наука и таланты будут оценены по достоинству, но не будут давать им особых преимуществ; он рисовал им, какую радость и удовольствие они испытают от сознания, что они такие же социальные единицы, как и другие,—радость и удовольствие, гораздо более приятные, чем то относительное и искусственное счастье, которое улетело вместе с их бывшим богатством.

Кроме того, если человек либеральной профессии, избалованный успехом, мог считать себя как бы обедневшим в смысле возможности личного потребления, на-

оборот, с точки зрения профессиональной он стал таким богатым, каким только мог желать быть.

Научные организации,—и их члены—имели в своем полном распоряжении усовершенствованные инструменты, прекрасно обставленные лаборатории и средства производить всевозможные опыты и делать какие угодно научные исследования. Отсюда вытекало, что если ученые могли жаловаться, что их личный излишек уменьшен, то зато,—при условии, если они страстно любят свою науку—они должны были признать себя в действительности богаче, чем они были прежде.

Организации врачей и хирургов, совместно с организацией санитарного персонала,—каждая в своей области,—должны были реорганизовать учреждения, обслуживающие общество в медицинском и гигиеническом отношении, заняв место непредусмотрительной и гнусной администрации Общественного Призрения, которое было уничтожено, без сожаления.

Лечебницы, больницы были преобразованы, превосходно обставлены в гигиеническом отношении и с максимумом комфорта. Ничто не было забыто, чтобы сделать из этих дворцов скорби место, где больной в веселящей глаз обстановке нашел бы, если не прекращение своих физических страданий, то, по крайней мере, успокоение своим нервам, нравственное умиротворение.

Прибавим, что больные не принуждались непременно лечиться в больнице или лечебнице,—за исключением случаев заразных болезней. Каждый мог лечиться, где ему угодно,—у себя дома или в общей клинике. С другой стороны, санитарный персонал, который прежде нанимался при плохих условиях, тем более, что он дурно оплачивался, набирался теперь среди людей, питающих склонность к этому занятию, призванию. В больницы больше не поступали по нужде. Поэтому сиделки и фельдшера были мягки и вежливы в обращении с больными, что прежде было крайне редко.

Кроме реорганизации больниц и лечебниц, синдикаты врачей, хирургов, фармацевтов, деятельно занялись

переустройством специальных школ, получивших отныне полную автономию в своей деятельности, которой они напрасно добивались при старом строе: решено было поставить эти школы в такие условия, что они ни от кого не будут зависеть в своих внутренних распорядках, ученики будут выбирать себе профессоров; преподавание, ничего не теряя от этого переустройства в теоретическом отношении станет гораздо больше практическим, техническим, клиническим.

Г л а в а XXIV.

ВОСПИТАНИЕ.

Учителя, организации которых давно участвовали в синдикальной жизни, которые одни из первых провозгласили необходимость освободить преподавание от государственной опеки, реорганизовать его на корпоративных началах, были среди наиболее горячих сторонников революции. Только, участвуя лично и в зависимости от своего темперамента в восстании, они не прекратили преподавания под предлогом всеобщей стачки. Они говорили, что стачка школ причинит больше неудобств родителям, чем правительству, и они остались при своих обязанностях, считая, что они больше принесут пользы делу народа, заботясь о его детях. Ученики, стало быть, могли продолжать посещать школу... до того момента, когда, увлеченные примером окружающих, они устроили сами всеобщую забастовку,—перестали являться в класс.

По окончании фазиса борьбы, когда наступил период торжества революции, федерация синдикатов учителей созвала съезд, чтобы обсудить методы воспитания и положить основы рациональному преподаванию, соответствующему совершенному общественному перевороту.

Прежняя классификация,—первоначальное обуче-

ние, среднее образование и высшее,—которая отводила для детей народа „мирскую школу“ и сохраняла лицей и гимназии для детей буржуазии, не была больше допустима. Система стипендий, которая в капиталистическом обществе, смягчала слегка произвол этой классификации, лицемерно отдавала долг равенству и позволяла некоторым детям из народа попасть в буржуазную школу, только еще больше подчеркивала гнусность этого деления. Эти перегородки в образовании, которые соответствовали обществу, основанному на эксплуатации, потому что благодаря им знание распределялось в различных дозах, смотря по тому, предназначались ли дети повелевать в будущем или повиноваться, заставлять других работать или самим работать без отдыха, не имела больше права на существование в обществе свободы и равенства.

Работа с'езда была двоякого рода: перестроить учебное дело в корпоративном отношении и выяснить и определить, чем должно быть новое преподавание.

В отношении к этому второму пункту с'езд, на котором участвовали не только делегаты синдиката народных учителей, но также и делегаты всех об'единений учебного мира, как учительских семинарий, так и средних и высших школ, имела больше характер серьезной анкеты по восприятию, чем с'езда в собственном смысле слова. Все, кто хотел предложить на обсуждение свою идею по этому вопросу, изложить проект, выслушивались; каждый мог высказать свое мнение, поделиться своими знаниями и опытом в данной области.

Прежде всего занялись корпоративным переустройством, чтобы видоизменить постановку и механизм преподавания; все лишнее и бесполезное было устранено,—и здесь, как и везде, живительная автономия сменила удушливые авторитарные начала.

После этого предварительного изменения в профессиональном отношении,—которое, впрочем, было тесно связано с преобразованием самого преподавания, были установлены главные основы этого последнего:

Первоначальное и среднее образование сливались в одно,—рациональное и всестороннее. Все дети, каковы бы ни были их способности и наклонности, должны были черпать в одном общем источнике знания,—разница их дальнейшего развития могла быть лишь результатом большей или меньшей способности заучивать, усваивать человеческие знания.

Следствием такой постановки вопроса было абсолютное уважение к правам ребенка,—который будет завтра человеком. Ребенок рассматривался, как существо совершенно свободное и независимое,—но находящееся в процессе развития,—и ни за кем не признавалось права, ни за отдельной личностью, ни за группой, обрабатывать его мозг, внашивать ему те или иные идеи предпочтительно перед другими.

Права родителей на мозг ребенка отрицались, были провозглашены тираническими и произвольными. За ними не хотели признавать права обрабатывать по своему желанию мозг ребенка, так же как право искривлять ему позвоночник. Так же категорически отвергались подобного рода претензии на ребенка, могущие возникнуть у его воспитателей.

Это понятие, клавшее в основу верховные права человеческого существа и требовавшее уважение к нему с начала и до конца его жизни, становилось краеугольным камнем воспитания, одинаково широко распространяемого на всех.

Создать людей! гармонически развитых,—физически, умственно и морально,—и тем самым способных дать максимум своей деятельности в избранном ими направлении. Такова была цель!

Физическое развитие было исходной точкой проповедуемого метода воспитания,—так как было принято, что умственное развитие находится в связи с физической деятельностью. Метод преподавания элементарных понятий, а также арифметики, географии, естественных наук, был насколько возможно конкретный, практический. В этих различных отраслях знания не приходилось

бояться никакой ложной ориентации. Затруднение началось с преподавания истории: преподавателям рекомендовалось при изложении исторических фактов заботиться не о том, чтобы заставить учеников разделять их взгляды, а о том, чтобы сделать их способными анализировать и судить,—составить себе свое собственное мнение, которое бы не было отражением личности учителя. Последний должен был, стало быть, стараться разбудить молодые умы, не утомляя памяти, а благодаря педагогической гимнастике, основанной на опыте, фактах и их объяснении.

Лучшее преподавание заключалось в том, чтобы дать ребенку солидные, точные знания и, в особенности, развить в нем настолько сильно вкус к знаниям, чтобы эта страсть не покидала его всю жизнь.

Юноше, индивидуальное развитие которого будет подготовлено этим предварительным воспитанием, которое можно назвать „первоначальным“, предоставлялся выбор „среднего“ образования, какое ему будет по вкусу. Это широкое, глубокое теоретическое образование должно было очень мало походить на образование, какое давали прежние лица. Оно не было классическим, „мертвым“, а, наоборот, очень живым: в новой школе естественным наукам было отведено первое место и к общему образованию было присоединено также профессиональное,—практическое, техническое, но не специализированное. Так как общественные нужды были иные, чем в капиталистический период, то в этих школах не должны были заботиться о том, чтобы создать судей, нотариусов, и другие образцы исчезнувших вредных пород,—а должны были стараться создать людей развитых, с открытым умом, с разумными знаниями, и способных быть полезными себе и своим ближним.

Оттуда юноша мог поступить по своему желанию в какую-нибудь техническую школу, профессиональную, агрономическую,—которые, в зачаточном состоянии, существовали уже в буржуазном обществе.

Эти технические школы выходили из рамок обра-

зовательных школ в собственном смысле слова. В них заканчивалось то, что прежде называли обучением ремеслу. Эти учебные заведения были связующей гранью между школами и жизнью производительного труда. Продолжая сравнение с прежней классификацией, их можно было бы сравнить с высшими школами. Для промышленности, сельского хозяйства, естественных наук, они должны были быть тем, чем были прежде юридический, естественный и филологический факультеты для либеральных профессий; они равнялись также новым медицинским, хирургическим, аптекарским школам.

Источником этих технических учебных заведений были корпоративные федерации: медицинские, аптекарские школы находились в ведении врачебного корпуса и фармацевтов; сельско-хозяйственные школы — в ведении земледельческой федерации; ткацкие — в ведении федерации текстильщиков и т. д.

Не было установлено различия между мальчиками и девочками; дети обоих полов должны были воспитываться вместе, в одних и тех же школах, на равной ноге. Не потому, что хотели принудить женщину заниматься теми же работами, что и мужчина, но потому, что совместное воспитание считалось лучшей подготовкой к нравственному слиянию полов.

Девочки, ставши молодыми девушками, должны были поступать в специальные учебные заведения, где им должны были преподавать женские ремесла и где они готовились к общественной деятельности, отвечающей их вкусам.

Всестороннее воспитание, главные линии которого мы только что начертили, было созданием с'езда синдикатов учителей и профессоров, и оно находилось в руках этих ассоциаций, отныне слившихся вместе, объединенных. Однако, рядом, не посягая на автономию преподавательского корпуса, образовались школьные организации, в которые входили родители, интересовавшиеся вопросами воспитания. Вместе с воспитателями эти орга-

низации старались улучшить школы, усовершенствовать методы преподавания.

Когда эти глубоко человеческие начала в области воспитания при всеобщем сотрудничестве были проведены в жизнь, лекции профессоров усердно посещались новым поколением, жаждущим жизни и знания. У него не было пороков, какими прежде страдали молодые люди: черствости сердца, желания достигнуть высокого положения в обществе, выкарабкаться в ущерб своим товарищам,— пороков, которые, в прежнем обществе, душили всякие благородные чувства.

Это молодое поколение, не знающее страха за завтрашний день, не испытывающее беспокойства за будущее, не видящее ни одной черной точки на горизонте— было полно жизни и любящее,—здоровое и сильное!

Г л а в а XXV.

СОЗДАНИЕ ИЗОБИЛИЯ.

Боязнь голода, которая так сильно угнетала всех в первые дни революции, рассеялась. Рабочие с таким под'емом принялись за производство, что обилие продуктов расло, превращалось в настоящее наводнение,—и вместе с ним расли восторженность и упоение. Радость бытия проникала в сердца, разливалась по всему существу. И теперь смеялись над вчерашней тревогой.

Однако, как ни напрасно было это беспокойство, было понятно, что оно тревожило лучших, наиболее оптимистически настроенных революционеров.

Когда был свергнут старый строй и началось строительство нового общества, было известно, насколько перепроизводство, выведившее часто из состояния равновесия капиталистическое общество, было искусственно: было известно, что никогда не было настоящего пере-

производства, а только скопление продуктов, вытекавшее из неравномерного и недостаточного распределения.

Если крестьяне жаловались, что у них слишком много фруктов, слишком большое количество сидру; если виноделы плакались на плохую торговлю, если рыбаки бросали обратно в воду рыбу, которую торговцы морской рыбой отказывались у них покупать; если магазины были переполнены обувью, платьем,—так это не потому, что было слишком много фруктов, сидру, вина, рыбы, обуви, платья... так как масса народа не имела всего этого!

Следовательно, надо было предвидеть, что раз потребление станет свободным, мнимое перепроизводство недолго просуществует.

С другой стороны, теоретики эксплуатации человека так настойчиво твердили, что принуждение необходимо, чтобы заставить человека работать, так как без жала голода, без приманки барыша, он предастся лени, что нелепые утверждения породили опасения.

Что, если осуществляться эти плохие предсказания? Если народ, уставши работать для других, откажется работать для самого себя? Тогда нужда не будет побеждена!.. и вскоре реакция восторжествует снова.

Ведь, таким образом погибли прошлые революции!

В 1848 г. народ пролил свою кровь, чтобы завоевать республику и отдал на служение ей три месяца нищеты... Но судьба его, вместо того, чтобы улучшиться, еще ухудшилась. Настали июньские избиения! Потом, так как дела шли плохо, работа не ладилась, хлеб стал еще реже, чем при монархии. Таким образом, разочарованный, народ дал совершиться государственному перевороту 1851 года.

Не нужно ли было опасаться подобной же перспективы, если, после того, как все запасы капиталистического общества истощатся, снабжение населения продуктами станет невозможным? Не следовало ли бояться, что начнутся ссоры и распри в рабочих рядах и что

буржуазия воспользуется этим, чтобы восстановить свое господство?

На конфедеральном съезде это сомнение беспокоило делегатов. Поэтому они не решились установить максимальный рабочий день меньше, чем в восемь часов. В данном случае, они лишь явились выразителями чувств рабочей массы: рабочие также, еще находившиеся во власти предрассудков и заблуждений, которыми их убаюкивали при прежнем строе, боялись, что не в состоянии будут удовлетворить все общественные нужды.

Опыт показал, насколько эти опасения были мало основательны. Никогда не работали с таким жаром, с таким единодушным увлечением,—за исключением, может быть, 1791 года, когда крестьянин, только что освободивший землю от феодальных привилегий, отнявший ее у помещика, почувствовал в себе пробуждение чувства человеческого достоинства и, свободный, принялся обрабатывать свободную землю, со всем усердием и рвением, на какие был способен. Эти чудные минуты пережили еще раз! И на этот раз крестьяне и рабочие были одинаково воодушевлены, одинаково полны энтузиазма. С каким подъемом, стало быть, принялись за работу!

Редко, кто не хотел работать. Так редко, что синдикаты не приняли даже по отношению к уклонявшимся от работы мер действительного бойкота. Ограничились тем, что презрительно относились к ним, сторонились их. К лентяям относились так же плохо, как прежде относились к шпионам и сутенерам. У шпионов и сутенеров было ремесло, которое их очень хорошо кормило, но оно считалось презренным, унижительным. Поэтому личности, у которых достаточно отсутствовало уважение к самим себе, не было желания нравственной опрятности и которым было достаточно безразлично презрение к ним других, чтобы заниматься этим ремеслом, были исключениями.

Были также исключениями и лентяи, предпочитавшие переносить презрение окружающих, чем заняться каким-нибудь ручным трудом, который несколько не по-

ходил на скучный и тяжелый труд в капиталистическом обществе, а был физической, мускульной гимнастикой, необходимой для здоровья.

Столько прославляли прежде праздность и лень,—в то время, как труд был на худом счету,—что нельзя было удивляться тому, что желание жить паразитом не исчезло сразу у лиц, развращенных буржуазной средой. Однако, помимо того, что это стремление к лени было ограничено, оно было лишь временным явлением! это была нравственная малярия, находившаяся в эндемическом состоянии в капиталистическом болоте, которая держалась еще после его уничтожения, но которая постепенно исчезала под влиянием новой здоровой атмосферы.

Работали, стало быть, с энергией и жаром, неизвестными на предпринимательских заводах и фабриках. Это не были больше рабы, наемные рабочие, исполнявшие тяжелый, неприятный труд, который тем больше угнетал их, что часто результат его был бесполезен или вреден: это были свободные люди, работающие для себя и, следовательно, исполняющие свою работу, на которую они добровольно согласились, с неслышанным рвением.

Опасение, как бы не было недостатка в необходимых продуктах, заставило совершить чудеса. Работали без усталости. Было сделано колоссальное усилие,—какое бы отказались сделать при наемном труде. На некоторых заводах рабочие, по своей собственной воле, постановили работать сверхурочные часы, чтобы увеличить количество запасов для всех; в других местах люди, достигшие возраста, в который полагается отдыхать, требовали, чтобы их оставили в мастерской, не желая быть свободными от труда до тех пор, пока не будет абсолютной уверенности в изобилии продуктов.

В огромных густо населенных центрах, между прочим, в Париже, опасение, что окажется недостаток в пищевых продуктах, сильно тревожило всех. Чтобы предотвратить эту предполагаемую опасность, рабочие тысячами записывались на земледельческие работы в

крупные хозяйства, находившиеся в окрестностях. Эти землевладения синдикаты сельско-хозяйственных рабочих и огородников, изобиловавшие в этом районе и которые давно работали вместе с Конфедерацией, немедленно захватили в свои руки. Организовались рабочие дружины, в которые вошли парижане и принялись дружно работать, без всякого чувства самоопущения, под руководством опытных и сведущих товарищей. Работа их была тяжелая,—принимая во внимание их непривычку,—но она не была изнурительной и неприятной, какой был земледельческий труд прежде. Пустили в ход все годные машины; почвоуглубители и плуги-автомобили творили чудеса. Работа шла так успешно, что через несколько месяцев была достигнута полная уверенность в возможности регулярно собирать достаточное количество овощей, картофеля, хлеба для удовлетворения нужд парижского населения.

Так как, с другой стороны, были завязаны сношения с земледельческим населением более отдаленных местностей, то совершенно успокоились: на всей территории страны,—нигде!—ничего было бояться голода.

По отношению к промышленному и мануфактурному производству опасений было меньше. Старались удовлетворять нужды страны,—по крайней мере, наивозможно больше,—пользуясь продуктами национального производства, чтобы прибегать к ввозу лишь в ограниченных размерах. Между прочим, с недостатком сырья,—как напр., кож и шерсти,—справились при помощи значительного развития скотоводства, рационально поставленного, которое удовлетворяло в то же время потребности в мясе.

Обработка сырья не представляла непреодолимых затруднений. Машины достигли такой высокой степени усовершенствования, что,—в том виде, в каком их передало буржуазное общество,—они позволили справиться с существенными потребностями страны без особых забот.

В отношении промышленного производства все усилия сосредоточились на том, чтобы ослабить,—если

не совершенно уничтожить,—вредное влияние некоторых видов промышленности, вредных ремесл. В данном случае, уменьшение длины рабочего дня было недостаточным палиативом,—нужно было, чтобы работа перестала быть пыткой, страданием. Это было необходимо для того, чтобы эти работы не были заброшены,—и в особенности, чтобы было установлено относительное равновесие между всеми видами общественного труда, ибо отныне было недопустимо и неприемлемо, чтобы одни работы были почти приятны, тогда как другие оставались, как в прошлом, каторжным трудом.

Синдикаты этих корпораций обратились в данном случае к инициативе всех сведующих лиц, призвали на помощь знание профессионалов и инженеров. Так как не приходилось больше оценивать человеческие жизни в зависимости от стоимости производимого продукта или выполняемой необходимой работы, то пришли к удовлетворительным решениям.

В самом деле, не имело большого значения, что для производства того или другого продукта приходилось затрачивать вдвое или втрое больше времени, чем прежде, лишь бы работа эта не была вредной для тех, кто ее выполняет, и чтобы она производилась в удовлетворительных гигиенических условиях.

Во многих случаях, как по отношению к орудиям производства, так и по отношению к способам обработки, было известно, какие нужно было сделать преобразования, оставалось только их ввести. Если этого не было сделано раньше, то по вине хозяев, которые отказывались от этих новшеств, чтобы не увеличивать общих расходов,—а также по вине рабочих, которые по привычке, недостатку сознательности (и, увы! подгоняемые нуждой!..), выполняли работы, которые, они знали это, должны были повлечь за собою серьезные органические заболевания, если не смерть.

В этой области технических и гигиенических улучшений были достигнуты значительные результаты. Так, благодаря научному оборудованию и введению различных

усовершенствованных методов, работа по канализации перестала представлять прежнюю опасность; в стекольном производстве всюду были введены механическое выдувание стекла и также механическая выделка оконных стекол, и благодаря этому гигиеническому оборудованию заводов, работа на них перестала быть адским трудом; в железоделательной, сталелитейной промышленности, на химических заводах, ткацких фабриках—всюду!—происходили такого же рода преобразования.

Стирка белья, производившаяся столь примитивным способом в плохо оборудованных и неудобных прачешных, с маленькими помещениями, предназначенными для сортировки белья, во время которой распространялись зародыши заразных болезней; этот труд, который, когда пытались его индустриализировать, еще вреднее отзывался на здоровье рабочих,—был совершенно видоизменен.

В способах печения хлеба, которые до двадцатого века оставались доисторическими, произошла тоже целая революция; грязные, вонючие, плохо проветриваемые хлебопекарни были упразднены; хлебопек не примешивал больше своего пота к тесту, — тесто месила машина.

Многие другие отрасли промышленности были также совершенно преобразованы. Ни одна из отраслей человеческой деятельности не была забыта; во все гений изобретения внес усовершенствования, которые удесятирили производительность труда и уничтожили всякие следы человеческого рабства: человек не был больше рабом, а хозяином машины!

Применены были масса открытий, остававшиеся в забвении,—которые можно было черпать готовыми в Школе Художеств и Ремесл. Начался пышный расцвет изобретений, которые не могли пробить себе дорогу раньше,—равнодушие, недобросовестность, рутина или заинтересованность душили их.

Действительно, богатые компании, крупные капиталисты имели привычку покупать патенты на усовершенствование своих машин и инструментов, чтобы не

дать им возможности появиться в свет. Вещественно е доказательство этому было найдено при захвате парижских электрических заводов: в амбарах была открыта, между прочим, целая серия электрических счетчиков, один совершеннее другого. Компания купила патенты на них у изобретателей не для того, чтобы использовать их, а для того, чтобы уничтожить их, дабы избавить себя от необходимости менять свои аппараты.

Сколько подобных примеров можно было бы привести! Сколько гениальных людей не могли осуществить свои проекты, благодаря препятствиям, которые чинили им! Сколько не могли довести их до конца, за недостатком средств? Сколько натолкнулись на ненависть своих современников? Сколько умерло в пути, унося свои идеи в могилу?

В восемнадцатом веке Жакар подвергся преследованиям, и его ткацкий станок был сломан и сожжен лионскими ткачами, которые боялись за свою заработную плату; в конце девятнадцатого века станок Нортропа также подвергался проклятиям в прядильнях, как полвека тому назад самодействующие мюль-машины; когда Лебон изобрел газовое освещение, ни у кого во Франции не нашлось настолько ума и смелости, чтобы дать ему возможность применить свой способ; Ашперо, плодовитый изобретатель, обогативший целую плеяду капиталистов двумя десятками изобретений, сделанных им в течение своей жизни, умер от голода в жалкой лачуге, в Мевильмонтане; Мартэн, изобретатель тормоза с безвоздушным пространством, который предотвратил столько железнодорожных катастроф, был осмеян и в то время, как он вел жалкое существование и умер почти в нищете, его открытие широко употреблялось под именем тормоза Вестингаузов,—американцы, которые применили его на практике и которым он принес миллионы; гениальный изобретатель, дивный поэт Карл Кросс, изобретатель цветной фотографии и фонографа—которые эксплуатировал Эдиссон,—влячил жалкое существование всю свою жизнь. Мишо, изобретатель телеграфа „Бодо“, умер на

каторге, сосланный за то, что выстрелил из револьвера в того, кто дал имя его аппарату и извлекал из него доходы...

Сколько еще имен можно было бы прибавить к этому мартирологу!

Капиталистическое общество было злою мачехой для людей, выбивавшихся на дорогу! Когда оно их не убивало, оно осмеивало их: его официальные ученые выносили приговор против предтеч в науке, доказывая обильной аргументацией, что они были ненормальные, сумашедшие или невежды.

Теперь больше не было так. Человек, у которого зарождалась идея в голове, мог беспрепятственно преследовать ее осуществление. Так как никто не был заинтересован в том, чтобы мешать ему проводить в жизнь свои открытия, он мог ждать помощи от всех. Если дело шло об усовершенствовании какой-нибудь машины или о новом способе производства, который он мечтал применить на практике, он находил среди товарищей корпорации не только поддержку, но иногда и полезный совет.

В рабочих руках не было недостатка. Также и в сырье. Не отказывались испробовать ни один проект. Не останавливались даже перед сомнительным опытом, под пустым предлогом избежать траты труда и материалов. Предпочитали рискнуть потерпеть неудачу, чем подвергаться возможности упустить быть может ценное открытие.

Эта психология, порожденная революцией, была обратна буржуазной психологии, которая целиком проникнута консерватизмом и ненавистью ко всяким новшествам.

Характерной чертой буржуазного строя была боязнь перемены, всякого потрясения, всякого видоизменения: неподвижность была угодна буржуазному обществу; застывшее состояние, окаменелость могли считаться за идеал.

Теперь было обратное; гибкость была сущностью нового строя; равновесие его получалось благодаря его

чрезвычайной подвижности; благодаря этому постоянному становлению, общество должно было отныне постоянно видоизменяться, бесконечно прогрессировать.

Из этой тенденции нового общества к постоянному изменению вытекал идеал жизни более высокий, чем когда либо.

Равенство материальных благ не порождало бездельности и отсутствия энергии и, далеко не истощив источников соревнования, оно сделало их более чистыми. Те, кто прежде полагал, что если приманка барыша исчезнет в обществе, дух исследования, предприимчивый дух, стремление к знаниям и к открытиям пострадают от этого, могли констатировать, насколько подобные утверждения были ошибочны.

Г Л А В А XXVI.

ВНЕШНИЕ ОСЛОЖНЕНИЯ.

Глубокое социальное потрясение, которое всецело изменило физиономию Франции, имело отклик во всей Европе. Народы, побуждаемые примером французского рабочего класса, стремились пойти по его стопам.

В латинских странах королевская власть была свергнута, и испанцы и итальянцы старались не отставать на этом, старались чтобы революция их не ограничилась простым изменением политической формы правления, а приобрела социальный характер, который один мог сделать ее благотворной. В саксонских странах, где вера во всеобщую стачку была менее горячей, народ колебался пуститься в авантюру.

Правительства, которые еще держались, опасаясь, что они не в состоянии будут бесконечно сдерживать напор освободительного движения, стали еще больше ненавидеть революцию. Между ними и новым строем, который устанавливался во Франции, дипломатические

сношения были прерваны с самого начала революции. Это было естественно. Не могло быть контакта и сношений между экономическими организмами, явившимися результатом революции,—которые были отрицанием всякого правительства,—и политическими наростами, какими являются всякие государства, как монархические, так и демократические.

Правда, был во Франции, в центре синдикальной сети, Конфедеральный Комитет, образованный из делегатов федеративных организаций. Только, если бы и хотели этого, тут невозможно было никакое недоразумение: этот комитет не мог представлять из себя правительство. Однако, перед ним именно встал вопрос о дипломатических сношениях с иностранными правительствами. Будет ли он их поддерживать? Вопрос был решен и отрицательном смысле. Наоборот, было решено упрочить и развить существовавшие раньше отношения между рабочими федерациями и конфедерациями всех стран. Эти решения единогласно были одобрены конфедеральным с'ездом.

Эта международная солидарность между рабочими была тем более необходима, что иностранные правительства подумывали вмешаться во внутренние дела Франции. Предлог было легко найти; разве они не должны были охранять интересы своих граждан? Во-первых тех, которые жили во Франции и торговые и промышленные предприятия которых были разорены, затем тех, у кого были французские бумаги (государственные бумаги, железнодорожные акции, акции горно-промышленных предприятий и др.), интересы которых страдали, благодаря финансовому банкротству Франции?

Правительства встревожились, стало быть, охваченные чувством капиталистической солидарности,—совсем как в 1792 г. их предшественники заволновались, движимые чувством династической солидарности. Так же, как и в 1792 году, революция была в ущерб их интересам, и они мечтали затопить ее в крови, чтобы покончить с прозелитизмом, какой она вызывала повсюду.

Германский император, опиравшийся на могучих

предпринимателей, прочно организованных и весьма боевым образом настроенных, был во главе новой коалиции. Он выступил с тем большей готовностью, что чувствовал, что революционная волна охватывала крупные германские рабочие синдикаты. С другой стороны, его толкали на выступление против французской революции эмигранты, которые выбрали Страсбург своей резиденцией и которые прибегали к реакционным маневрам, кланча помощь у всех правительств против своего „отечества“. В особенности, они старались мобилизовать Германию и Англию против него; они мечтали окружить кольцо революцию и комбинировали план соединить наступление на суше и атаку с моря с новой Вандеей.

Таким образом, история повторялась: Страсбург являлся повторением Кобленца! Буржуазия двадцатого века подражала аристократам восемнадцатого века и копировала армию Конде!

Много было капиталистов, которые в первые дни революции эмигрировали в этот прирейнский город; много также бежало туда после разрушения Шалонского лагеря. Там были крупные финансисты, находившиеся в деловых сношениях с своими за-рейнскими коллегами; там были члены металлических и горно-промышленных трестов, находившиеся тоже в союзе с своими германскими братьями; потом там находился правительственный и парламентский персонал, а также династические семьи республики. За ними шла орда авантюристов, хулиганов из различных классов общества, всякого рода эмигранты, — которые предпочитали продолжать жить паразитами, чем заниматься каким-нибудь трудом.

Всем этим господам этот город, оторванный от Франции, казался наилучшим убежищем: они чувствовали в нем себя хорошо, спокойно под охраной германского знамени, — и отныне германский император казался им лучшим союзником.

Как эмигранты 1792 года ставили выше нации верность своему королю, так, в настоящий момент, и для новых эмигрантов идея отечества была вытеснена

идеи класса,—поэтому французские капиталисты находили нормальным обратиться за помощью к капиталистической Германии против рабочей Франции.

При первых слухах об угрозе иностранного вмешательства Конфедеральный Комитет,—который не мог самостоятельно принять никакого решения,—обратился к самому народу, через корпоративные организмы: он созвал общий съезд всех синдикатов.

Это народное совещание,—которое было вторым со времени установления нового общественного строя,—было созвано быстро. В несколько дней делегаты были выбраны и собрались в Париже. Были делегаты от всех отраслей общественной деятельности. Все профессии были представлены, так как все теперь были объединены в федерации и синдикаты,—и все имели право обсуждать и решать общие интересы.

Все делегаты ненавидели войну всеми фибрами души. Они ненавидели и также боялись ее. Они боялись ее не только ввиду тех ужасных страданий и зла, которыми она сопровождается, но также, и в особенности!—ввиду ее губительных последствий. Они видели в ней варварство, которое грозило снести прекрасную рождающуюся гармонию.

Однако, нельзя же было допустить раздавить резолюцию! Нужно было ее защищать!

Но как?

После прений, в которых слышались тревога и беспокойство, съезд отверг проект военной обороны, которая была бы возвратом к старому строю. Он считал, что победа обошлась бы слишком дорого, если бы пришлось быть ею обязанной регулярной армии, вновь учрежденной для даяного случая. Он не хотел, с целью предохранения себя против внешней опасности, создать себе ужасную внутреннюю опасность.

Было, следовательно решено не прибегать к старой системе, состоящей в том, чтобы выставять вооруженные массы и набрасывать их друг против друга. Решено было ответить на внешнее нападение общей, р а с п ы-

ленной войной,—которая не будет вульгарной партизанской войной, но беспощадной, немилосердной борьбой. Надлежало воспользоваться для обороны последними научными открытиями,—пренебрегая, без стеснения мнимым правом людей.

Исходили из того соображения, что, чем ужаснее будут употребляемые средства, тем они будут действительнее, и тем короче будет война.

Специальные комиссии, составленные из энергичных и смелых техников, принялись за дело. Им было предоставлено самое широкое поле действия, и предложенные ими средства, к которым они намеревались прибегнуть, были одобрены С'ездом.

Подготовив меры общественного спасения, вызванные угрозами внешней реакции, с'езд хотел подтвердить свою непоколебимую веру в будущее, приняв решение, которое должно было показать плодотворность революции. Так как точная анкета показала, что, принимая во внимание необходимые запасы, уровень производства значительно превосходил уровень потребления и что можно было удовлетворить последнее с гораздо меньшими затратами труда, средняя длина рабочего дня была определена в шесть часов, вместо восьми.

Такое решение в подобный момент показывало, насколько конфедералисты были уверены в себе, какая вера была у них и насколько их мало тревожили приготовления к выступлению против них, которое через несколько дней, быть может, подвергнет их дело опасности.

В виду возможности наступления таких событий, комиссии обороны принялись деятельно за работу. Им не приходилось, впрочем, изобретать ничего нового. Достаточно было применить открытия, уже известные,—даже прежнему правительству, которое не смело думать о их применении, потому что оно считало их слишком страшными.

Одна из этих комиссий занялась тем, чтобы использовать в данном случае герцовские волны. Уже

в 1900 г. Густав Лебон указал, каких ужасных дел можно наделать, пользуясь их свойствами: этот ученый заявлял тогда, что в близком будущем возможно будет направлять, на расстоянии, на военные корабли электрические волны, достаточно сильные, чтобы вызвать взрыв снарядов и торпед, находящихся на них; что возможно будет также вызвать,—на расстоянии же,—воспламенение запасов пороха и снарядов, содержащихся в крепостях, обозов с артиллерийскими припасами армии в походе и взрыв металлических патронов солдат в их патронташе. Несколько лет спустя, вслед за катастрофой на крейсере Иена, один ученый, Нодэн, перешел от теории к практике и осуществил, первый, научные предположения Густава Лебона: в 1908 году ему удалось взорвать на расстоянии ящик с порохом.

В этой области были достигнуты поразительные результаты: могли взрывать с математической точностью,—и на расстоянии,—груды взрывчатых веществ, зарытых в землю или запертых в трюме парохода. Комиссия обнаруживала это ужасное открытие, и сейчас же были построены в достаточном количестве радио-взрывные аппараты, чтобы быть готовыми ко всяким событиям.

Пользуясь тем же открытием, комиссия применила к воздушным торпедам способы управлять движением при помощи герцовских волн, способы, примененные уже к подводным торпедам. Построена была флотилия аэропланов, из которых каждый мог поместить на себе несколько сот килограммов взрывчатых веществ,—последние, путем радио-автоматического разобщения, могли быть выброшены на землю в надлежащем пункте.

Эти воздушные торпеды приводились в движение посредством мотора и управлялись во время полета при помощи клавиатуры Габэ: механик садился на расстоянии нескольких километров от намеченной цели, пускал телемеханический аэроплан и, надавливая на клавиши радио-комбинатора, он заставлял его маневрировать, поворачивал, направлял вперед, назад. Когда аэроплан достигал намеченного пункта, механик нажимал на спе-

циальный клавиш клавиатуры, и взрывчатые вещества воздушной торпеды сбрасывались на землю.

Этот аэроплан обладал одним грозным преимуществом: когда он летал над лагерем, величайшею неосторожностью со стороны армии, которой он угрожал, было пытаться остановить его полет... единственным результатом чего было лишь ускорение взрыва!

Комиссия химических и микробиологических исследований работала для обороны в другой области,—но результаты ее работ должны были быть еще ужаснее: надлежало распространить заразные болезни в нападающей армии,—заразить животных и людей чумой, тифом, холерой... при помощи специальных ужасных прецедентов, насыщенных патогенными бактериями этих эпидемических болезней. Были приняты все меры предосторожности, в виде предохранительных прививок и всевозможных сывороток, какими располагали, чтобы обезопасить себя от возможного заражения.

Для применения этого страшного средства истребления были придуманы различные комбинации, — или погружая в воду, которую неизбежно должна будет употреблять для питья нападающая армия, студенистые и другие продукты с разводками бактерий, или же бросая на вражескую армию с высоты воздушных кораблей или посредством радио-аэропланов, стеклянные бомбы, которые, взрываясь, должны были с силою разбрасывать тонкие иглы, укол которых должен был прививать бактерии заразных болезней.

Эти способы обороны и истребления были, как мы уже говорили, известны раньше, но правительства всегда отказывались серьезно рассмотреть их применение. Они хотели сохранять, даже на полях сражения, видимость цивилизации... только видимость! Ибо было гораздо больше настоящего варварства натравливать друг на друга тысячи людей, чем употреблять эти ужасные способы.

Благодаря этим средствам, война стала бы невозможной! А правительства хотели сохранить войну,—ибо боязнь войны была для них лучшим способом господ-

ствования. Благодаря боязни войны, искусно поддерживаемой, они могли содержать постоянную армию, которая, под предлогом защиты границ, угрожала в действительности лишь народу и охраняла лишь правящие классы.

В тот день, когда стало бы известно, что кучка решительных людей может охранить неприкосновенность границ,—общественное мнение заставило бы уничтожить постоянные армии. Чтобы избежать необходимости это сделать, правительства держали в тайне открытия, которые позволили бы народу охранять свою территориальную независимость при помощи науки,—и лучше, чем при помощи армии.

То, о чем не хотели думать правительства, конфедералисты собирались сделать: без армии, без битв,—лишь благодаря действию незначительного меньшинства,—они хотели сделать неприкосновенными свои границы.

Конфедералисты решили не скрывать способов обороны, к каким они собирались прибегнуть. Придавая их гласности, они уведомляли таким образом правительства, какую встречу они готовили нападающим. Кроме того, в этой гласности было еще одно преимущество: таким путем давали знать народным массам чужих стран, которые согласятся принять участие в преступном вторжении, какому риску они подвергаются.

Итак, выпущены были манифесты на всех языках, извещающие, что отныне на французской границе была установлена опасная зона, которую под страхом смерти было запрещено переступать всякой вооруженной банде.

Г л а в а XXVII.

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА.

Три корпуса армии проникли одновременно на

французскую территорию: один занял долины Фландрии, другой двинулся на Нанси, третий на Везуль.

Эти корпуса были сформированы из германских, австрийских и английских солдат, казачьих орд и нескольких батальонов, доставленных балканскими королевствами и северными державами.

Союзные правительства были так уверены, что они без усилия раздавят революцию, что они не спешили действовать против нее. Они хотели придать торжественный вид подавлению, хотели сделать его примерным. Они хотели, чтобы французский рабочий класс потерпел такую кару, которая заставила бы застыть от ужаса все народы и задушила бы в них, и навсегда, всякое желание бунтовать. И для того чтобы придать разгрому революционной Франции больше мрачной торжественности, союзники хотели, чтобы он был коллективным делом армий Европы.

Войска собирались долго. Это не беспокоило военное начальство, которое должно было руководить походом; оно не считало время драгоценным,—так оно было убеждено в успехе. Оно смеялось над совещаниями конфедерального съезда, и работы двух с половиной десятков ученых, которые претендовали остановить поход лучших воинов Европы, служили поводом к постоянным шуткам. Военные власти знали открытия, которые заставляли смотреть спокойно на будущее конфедералистов; но, гордясь своим ремеслом, они считали, что нет ничего выше сильной армии.

Когда они найдут, что настал подходящий момент, говорили они надменно, они подадут сигнал к наступлению: в несколько этапов они войдут в Париж, и, очистив столицу от революционеров, они восстановят старые порядки.

По вступлении на французскую территорию генеральные штабы армии коалиции посмеивались сначала. Они переступили границу! Они расположились лагерем в знаменитой опасной зоне! И они чувствовали себя недурно... Их не постигла смерть!

Эти вызывающие насмешки скоро уступили место удивлению,—с оттенком беспокойства, которое все расло. Генералы, несмотря на то, что они были уведомлены, ожидали встретить какое-нибудь сопротивление, хотя бы самое слабое,—до такой степени они считали непреложными обычные методы войны... Но ничего не было перед ними. Ничего! Никакое войско не преграждало им путь. Форты, которые прежде охраняли границу, молчали,—большая часть их были разрушены самими революционерами!

Наоборот продвижение вперед было затруднено, благодаря различным препятствиям. Нельзя было и думать о том, чтобы использовать железнодорожные пути; помимо того, что мосты были перерезаны, туннели загромождены, использована была каждая неровность земли, яма или насыпь,—чтобы сделать движение по ним еще более невозможным. Дороги пострадали не меньше: местами—произведенные взрывы образовали на них ямы или загромодили их обломками скал или грудами вырванных деревьев.

Воды не было. Колодцы и ключи были заражены; ручьи и реки несли воды, загрязненные химическими веществами, вонючими и вредными.

Все население ушло,—уведя с собой скот и уничтожив запасы продуктов и урожая, которые оно не могло унести с собой.

Это было хуже чем пустыня! Вражеские войска встречали перед собой только следы разрушения и опустошения. Они не могли продвигаться вглубь страны; прежде чем идти дальше, и быстро, они должны были обеспечить себе пути сообщения и продовольствие.

Эта война была странной!

Такой странной, что через несколько дней, не видя ни одного врага, не сделав ни одного выстрела из ружья,—единственно благодаря неуверенности и тревожному состоянию,—солдаты оказались более деморализованными, чем если бы они выдержали ужасное сраже-

ние, слышали свист пуль и грохот разрывающихся снарядов и шрапнелей.

К тому же санитарное состояние лагеря начинало ухудшаться. Лошади первые заболели эпидемическими болезнями, которые быстро уносили их. Что касается здоровья солдат, то оно тоже становилось все менее и менее блестящим; несмотря на предписанные строгие гигиенические меры, отмечены были многочисленные случаи отравления.

В одно прекрасное утро, на рассвете, над лагерем пролетели воздушные корабли,—освещенные первыми лучами восходящего солнца. Сейчас же была поднята тревога; навели на них пушки, и дирижабли коалиции приготовились открыть за ними погоню. Не обращая внимания на все эти опасности, экипажи аэропланов разбросали тысячи экземпляров воззвания, напечатанного на различных языках. Это был ультиматум Конфедерации: союзным армиям давался срок в 24 часа, в течение которого они должны были снять свои палатки и начать отступление; затем генеральным штабам предписывалось, в случае принятия ими условий Конфедерации, поднять белый флаг на следующее утро при восходе солнца... В противном случае должна была начаться разрушение и истребление, — способами, указанными в ультиматуме.

Впродолжение целого дня работал беспроволочный телеграф между армиями и правительствами коалиции. Последние возмущались при одной мысли об отступлении перед революцией и дали приказ более активно продолжать продвижение.

Когда войска узнали, что они должны будут продолжать наступление, их беспокойство сменилось ужасом; они почувствовали себя обреченными на смерть! У многих проснулись чувства возмущения и негодования. Но так как в их странах антимилиитаристская пропаганда была очень слабая и незначительная, чувства эти вылились в проклятия, а не перешли в бунт. Дисциплина взяла верх, и несчастные, перепуганные, удрученные, ждали событий, которые не замедлили совершиться.

Утром, аэростаты, которые сторожили над лагерьем, заметили на расстоянии нескольких километров необычные сооружения, походившие на сооружение беспроволочного телеграфа. Об этом было доложено высшему начальству, но прежде, чем было возможно принять меры для разведки или защиты, разрушительное действие началось.

Без всяких атмосферических пертурбаций, предвещающих какое-нибудь грозное явление природы, сильные взрывы опустошили почву. Земля дрожала, проваливалась! Точно прорвался вулкан, извергающий железо и пламя. Это взорвались артиллерийские обозы и склады боевых припасов,—почти одновременно. К взрывам снарядов примешивались звуки от взрыва шрапнелей, напоминающие петарды, и треск патронов. В то же время в воздухе показались приближавшиеся теле-механические аэропланы, изящные и гибкие; они двигались, легкие и грациозные, совершенно свободно, без всякого труда. Когда они были над войсками, в момент, который помещавшиеся вдали механики находили подходящим, они, путем радио-автоматического разобщения тока выбрасывали на поле бомбы с удушливыми газами, начиненные цианистой кислотой и тонкими ядами, а также разрывные бомбы и снаряды громадной разрушительной силы.

Ураган железа и огня пронесся по лагерю, неся всюду ужас и смерть. Жертв было бесчисленное множество. Земля была покрыта убитыми и ранеными, в воздухе носились предсмертные хрипы и стоны. Солдаты, оставшиеся целыми и невредимыми, обезумевшие от страха, ничего не слыша и не слушая,—ни призывов о помощи раненых, ни командования строиться нескольких офицеров, сохранивших спокойствие,—бежали без оглядки; одна мысль была в их свихнувшемся мозгу: бежать! бежать! убежать скорее от этой сцены разрушения и отчаяния.

Это было отступление! Бегство, поражение...

В страшном беспорядке то, что осталось от армии, бежало к границе. Инстинкт самосохранения уни-

чтожил в этих бандах всякие другие чувства. Слышались лишь дикие крики, гневные возгласы. Не поздоровилось бы тому, кто попытался бы остановить это бегство.

Паника еще усилилась, дошла до пароксизма, когда беглецы увидели летающими над ними аэропланы конфедералистов. Поднялись безумные крики и вопли отчаяния,—беглецы думали, что эти воздушные корабли прилетели сюда для того, чтобы посеять возвещенные ужасные эпидемии...

Это было бы жестокостью и бесполезным варварством. Урок был достаточен!

В то время, как на суше эта драматическая катастрофа положила конец войне, на море, подобным же способом, происходило разрушение флота коалиции.

Этот флот так же медленно собирался, как и армия на суше. Поэтому, когда он показался на море, на таком расстоянии, что его можно было видеть из французских портов, последние были уже наготове,—снабженные радиовзрывными аппаратами.

Союзным эскадрам так же как и сухопутным армиям было пред'явлено требование удалиться. Адмиралы презрительно отказались повиноваться этому ультиматуму Конфедерации, тем более, что они знали, что их флот прекрасно вооружен и снабжен ужасными орудиями разрушения они имели в своем распоряжении радио-автоматические торпеды и дальнобойные пушки на броненосцах!

Но нужно было иметь перед собой врага, чтобы напасть на него. А ни один броненосец, ни один миноносец, ни одна подводная лодка не явились преградить дорогу нападающим...

Союзнический флот усилил блокаду. И тогда он был беспощадно разрушен.

Один за другим, колоссальные броненосцы, крейсера и миноносцы были поражены невидимой силой,—ни один признак не обнаружил прохождения разрушительных токов. Радио-электрические волны, направленные на трюмы, воспламенили взрывчатые вещества, на-

ходившиеся там в большом количестве. С оглушительным грохотом треснули и раскрылись бока пароходов, откуда брызнули гигантские огненные снопы.

Потом, после света и пламени, вызванных взрывом, наступила тишина, и обломки кораблей, также, как и несчастные экипажи, потонули.

При известии об этом гигантском разрушении, какое постигло их на суше и на море, правительства были удручены. Они почувствовали, что холодная дрожь смерти пробежала по ним, тогда как вихрь революции пронесся по воспрянувшим духом народам.

Тут больше, чем в день победы под Вальми, подходили пророческие слова Гете: „Здесь в истории начинается новая эра...“

ГЛАВА XXVIII.

ПРОИЗВОДСТВО ПРЕДМЕТОВ РОСКОШИ.

Забота об организации борьбы с реакцией внутри страны, а также изыскание мер для предотвращения опасности извне не вызвали подавленного состояния духа у конфедералистов,—не заставили их пренебрегать интересами интеллектуального характера.

Несмотря на тяжелую борьбу, несмотря на препятствия, революции укреплялась, выставляла свои привлекательные стороны, нисколько не отталкивала от себя.

Когда получилась уверенность, что предметы первой необходимости будут в изобилии, что каждый будет есть до сыта, начали думать о приятном, о предметах роскоши. О последних не думали в первые дни революции. Рабочие художественных мастерских оставили свои профессии, чтобы заняться делом, более непосредственно полезным. Когда кризис прошел, они стали возвращаться к своим прежним занятиям,—по мере поступления требований.

Естественно, что в этих ремеслах,—граверы, ювелиры, декораторы,—уровень производства колебался гораздо больше, чем в ремеслах, отвечающих непосредственным нуждам страны. В этих последних статистика вычисляла с приблизительной точностью, каково должно быть количество требований, тогда как в производстве предметов роскоши были непредвиденные случаи, следствие возможного пристрастия к некоторым предметам. Снядикальные организации этих различных отраслей производства вышли из затруднения, созданного этими особенными условиями, рассылая образцы по магазинам распределения или составляя каталоги. Затем требования удовлетворялись по мере их поступления.

Среди этих произведений не первой необходимости были предметы,—часы, лампы и т. д.,—входящие в категорию бесплатного потребления и которые, однако, могли быть включены в категорию нормированных изделий, или потому, что они были сделаны из редкого металла, или же потому, что на изготовление их требовалось столько времени, что невозможно было изготовлять их в изобилии. В этом случае предметы эти приобретали стоимость, которую устанавливали по количеству потраченных на них редкого металла и труда. Удавалось вычислить это лишь приблизительно, но это считалось достаточным, так как не старались больше получить точное определение стоимости предмета. Это—проблема старого времени, которая была сдана в архив вместе с алхимией, пытавшейся открыть философский камень.

Кроме этих изделий, которые сохраняли еще характер общепользных, рабочие художественных ремесл занялись, в зависимости от требований, изготовлением предметов роскоши, служащих для услаждения зрения, для удовлетворения разнообразных вкусов населения, становящихся все более и более утонченными.

Нормированные предметы производства выдавались в обмен на потребительские чеки на получении предметов роскоши. На этих чеках, как мы указывали, для простого удобства были поставлены цифры, обозна-

чавшие франки,—хотя эти цифры не отвечали больше своему назначению.

Рабочие, изготовлявшие эти нормированные предметы роскоши, не получали вознаграждения, отличного от вознаграждения всех других рабочих: они получали наравне с другими работниками свою карточку на бесплатное получение продуктов и чековую книжку на потребление нормированных продуктов.

Отношения между производителем и потребителем были, стало быть,—как и во всем,—отношениями, основанными на равенстве и солидарности: между теми и другими был лишь простой обмен услугами. „Социальный чек“ выступал на сцену лишь для того, чтобы определить значение совершенного обмена,—обозначить его точку равновесия; но он не устанавливал, как прежде деньги, барыши для одной из сторон засчет дефицита другой стороны.

Этот организационный механизм, распределявший пользование в зависимости от возможностей момента и, благодаря нормированию, устанавливавший баланс в пользовании роскошью, был применен в различных областях, между прочим, к деятельности театра.

Артисты и всякого рода персонал, участвующий в какой-нибудь степени в жизни театра, были объединены в синдикаты и федерации, и,—также как, и во всякой другой общественной отрасли,—корпоративный организм обеспечивал функционирование театра.

Здесь, также как и во всякой другой профессии, не давалось особых привилегий таланту: вознаграждение, для всех, было одинаково с вознаграждением во всех других корпорациях. Это равенство вознаграждения, это социальное уравнение, которое поднимало обездоленных до одинакового уровня с другими в возможности пользования материальными благами, оскорбляло некоторых профессионалов сцены, которые примирились бы с любым стрессом, при условии, чтобы артисты выделялись и были в привилегированном положении; они возмущались, кричали, что начиналась эра варварства, и, связанные

общими идеями с „бывшими людьми“, эмигрировали за-
границу.

Эти актеры и актрисы, чванливые и тщеславные, пылали больше страстью к барышам, чем к искусству. Что касается настоящих артистов,—тех, которые видели в театре не выставку редких предметов, на которую назначалась большая или меньшая цена, а простое и истинное искусство,—они остались с народом: они пожертвовали золотом и ассимилировались в новой среде.

Прежняя организация театров была, разумеется, совершенно изменена. Директора, вкладчики капитала, акционеры, были продуктами капиталистического строя они вместе с ним исчезли с лица земли. Вместе с торгашеством исчез тот род зрелищ, который унижал слово искусство и преследовал лишь достижение финансовых успехов грубыми способами. С тех пор как не играли больше для сбора и публику не привлекали в залы зрелищ рекламами, вкус ее, искусственно извращенный, утончился.

Образовались группы артистов, смотря по роду искусства и зрелищ,—музыканты, драматические артисты, певцы,—составлявшиеся по взаимному влечению, группы, которые жили общей жизнью и выступали вместе на той, или иной сцене. Театры, ставшие общественной собственностью, были предоставлены бесплатно в их распоряжение, также как и все, что необходимо для сцены, декорации и костюмы. Когда нужно было обновить эти вещи, поставить новый спектакль, театральная группа,—непосредственно, или через посредство своего синдиката,—сносилась с группами соответствующих профессий и получала то, что ей было нужно. По крайней мере, дело обстояло так, когда была приобретена полная уверенность в будущем. Раньше, в переходный период, в период неопределенности, когда боялись, что будет не хватать необходимого, о лишнем не думали, и театры должны были довольствоваться запасами в магазинах.

На представления была назначена такса, оплачиваемая „чекамп“ на предметы роскоши. Этот „сбор“ не

шел на вознаграждение труппы; так как эти „чеки“ были односторонни, они всегда были лишь средством потребления, а не обмена; в данном случае они играли роль билета в театр, а не денег. Однако, этот „сбор“ имел свою пользу: он показывал степень удовольствия, какое доставлял публике тот или иной спектакль и считался, как вознаграждение, получаемое персоналом театра. Было бы ненормально, действительно, чтобы персонал этот работал перед пустым залом и занимался делом, которое равнодушие народа делало ненужным.

Рядом с этими театральными группами, которые регулярно организовывали спектакли и делали из них свою профессию, развивались, говорили прежде, любительские спектакли. Постепенно они приобретали общее распространение и, быть может, наступит время, когда они уничтожат совершенно профессиональный театр.

Это было результатом уменьшения количества труда, требуемого обществом от каждого из своих членов. С сокращением рабочего дня, — а он имел тенденцию еще больше уменьшиться, — у каждого было свободное время, и он употреблял его, сообразно своим вкусам, стремлениям и способностям.

Недостатка средств, отсутствия помещений и декораций, которые прежде ставили в невыгодное положение любительские группы по сравнению с профессиональными артистами, теперь больше не существовало; у них была такая же возможность поставить спектакль, как у этих последних. К тому же не возникало больше мелочного соперничества между этими различными объединениями; так как меркантилизм, откуда зарождались конфликты, радикально был уничтожен, то их отношения были добросердечные, насколько позволяли это еще проскальзывавшие у них честолюбие и тщеславие артиста; профессионалы не боялись конкуренции любителей, и, помогая друг другу, они жили в товарищеских отношениях.

Литературная деятельность была обеспечена таким же образом: образовались синдикаты литераторов, журнали-

стов, которые все на равной ноге участвовали в новой жизни.

Во время периода борьбы газеты составляли превосходное орудие для осведомления народа о совершившихся событиях,—и этим орудием революционеры широко воспользовались. Они оздоровили ежедневные газеты, которые действительно в их руках выполняли функцию, для которой они предназначены: распространять известия, давать информацию и сообщать о событиях.

В капиталистическом обществе газеты выполняли эту функцию почти всегда пагубным образом,—некоторые даже достигли верха зловредности; созданные капиталом, они жили им и для него; финансовые короли пользовались ими для своих спекуляций, и введение в заблуждение народа было их наименьшим злом.

Когда кончился переходный период, ежедневные газеты не могли больше существовать в своем прежнем виде. Их многочисленность была аномалией, так как не надо было больше вести кампанию в пользу каких-нибудь коммерческих предприятий, печатать рекламы,—ибо надлежало лишь честно информировать население, подвергнуть его оценке и суждению события, которые развертывались изо дня в день.

Механизм ежедневных газет был изменен до основания: газета составляла одно целое вместе с телеграфными и телефонными информационными агентствами, которые соединялись и слились с ней.

Благодаря комбинированию телеграфа и телефона с способами печатания и фотографирования на расстоянии, информационное бюро передавало во всех направлениях доставляемые ему известия.

В залах вокзалов, в ресторанах, в местах, где собирается публика, в клубах, на всех перекрестках,—везде, где считали нужным,—устанавливались специальные аппараты, и события последовательно отпечатывались, фотографировались, записывались светящимися буквами, выкрикивались по телефону. Это была непрерывно выпускаемая газета.

Кроме этой постоянной газеты, которая ежедневно, ежеминутно сообщала всем, кому угодно, события, выходили печатные издания, рассылаемые бесплатно всем общественным организациям, библиотекам, клубам, в залы общественных собраний.

Частные лица могли, уплатив „чеками“ на предметы роскоши, абонироваться на печатные издания или на постоянную газету. В последнем случае в квартире подписчика устанавливался приемник, и печатная и фотографическая передача продолжалась безостановочно, тогда как словесную передачу можно было остановить и снова восстановить, по желанию подписчика, при помощи коммутаторов.

Кроме этой газеты, выходили многочисленные газеты и журналы беллетристические, философские, научные, социологические и другие, издаваемые отдельными личностями или группами. Вопрос о свободе прессы не ставился,—критике был дан полный простор.

Механизм этих изданий был прост: инициаторы набирали себе подписчиков, которые делали взносы „чеками“ на предметы роскоши,—или они сами оплачивали первые расходы из своей собственной доли „чеков“. Если появлялось достаточно подписчиков, чтобы покрыть расходы по изданию, последнее продолжалось. Случалось даже, что издатель или издатели этого журнала или этой газеты отдавались всецело своему делу, если число подписчиков достаточно возрастало. Они выходили тогда из своего профессионального синдиката и входили в синдикаты журналистов или литераторов. Их общественное вознаграждение не изменялось с этой переменой,—и даже с успехом их издания; самое большее они могли вернуть себе „чеки“ на предметы роскоши, которые они внесли, чтобы обеспечить выпуск первых номеров. Единственная вещь, которую они могли сделать, если число подписчиков возрастало настолько, что „расходы“ больше чем покрывались, это улучшить издание. Но если инициаторы этих частных изданий не получали большего вознаграждения, чем кто бы то ни было другой, они испытывали удо-

вольствие распространяя свои идеи, развлекая, заинтересовывая, увлекая своих современников.

Издание различных других произведений, романов, исторических трудов и других, производилось почти таким же образом: синдикаты печатного дела брали на себя издание, и эти произведения, кроме широкого бесплатного распределения по группам и библиотекам, продавались в магазинах и общественных складах, как предметы роскоши. Часто автор должен был из своих личных „чеков“ покрыть расходы по печатанию своего труда,—с тем, чтобы получить их обратно в случае успеха. С другой стороны, случалось также, что он мог, в продолжение некоторого времени, пропорционального значительности этого успеха, воздержаться от своей общественной обязанности, что позволяло ему отдаться всецело созданию нового труда.

Благодаря этой организации издания литературных художественных и всякого рода других произведений, новые труды появлялись без помехи, и авторы их не были вынуждены для этого бороться с враждебностью окружающей среды, не должны были преодолевать рутину и предубеждения, не должны были взбираться на голгофу. Это потому, что между ними и публикой не воздвигалось барьера. Личности и группы обладали широтой взглядов, благодаря чему они легко воспринимали оригинальные идеи, новые веяния; раздоры сменялись товарищескими отношениями, и всюду чувствовалась доброжелательность и благосклонность.

Ошибочно было бы заключить отсюда, о значительном улучшении человека. Это изменение объяснялось средой. Люди были не лучше и не хуже; они были такими же, как и прежде, ни хорошими ни дурными. Пока они жили в обществе, в котором личный интерес побуждал к совершению дурных поступков, или благо одного строилось на несчастье другого, жизнь была тяжелой борьбой, и все, что есть плохого в человеческом существе выходило наружу. Отныне положение изменилось: общественная среда была такова, что интерес каждого

находил свое удовлетворение в удовлетворении интереса своих ближних; чем больше все были счастливы, тем больше каждый был счастлив. Естественно, стало быть, что хорошие поступки доминировали, ибо они одни были творцами благосостояния, радостей, удовольствий.

Поэтому все больше и больше каждый тратил, не считая, свои силы и энергию,—не заботясь о том, какое вознаграждение он получит за свои усилия.

Эта эволюция ознаменовалась развитием групп по симпатиям и духовному сродству, которые,—как мы указали относительно театра,—образовались рядом с профессиональными объединениями и вне корпоративных обязанностей, от которых они не избавлялись. Появлялась масса таких групп, создававшихся ввиду самых разнообразных целей. Одни занимались искусством и литературной деятельностью; другие посвящали себя самым разнообразным исследованиям,—научным, лингвистическим, историческим, археологическим...

Этих групп было такое количество, что можно было предвидеть момент, когда, благодаря инициативе, активности, усилиям их членов, большая часть деятельности в области искусства и науки потеряют профессиональный характер и будет производиться, по выполнению общественного труда, группами добровольцев, которые будут находить в ней удовольствие, отдых и умственное удовлетворение.

Эта тенденция была тем более логична, что предельный трудовой возраст, около пятидесяти лет, освобождал человека от общественных обязанностей в период, когда его способности сохраняли еще свежесть, ясность и силу.

Новая жизнь открывалась перед пенсионерами. Хотя они освобождались от своих прежних корпоративных занятий, они не могли примириться с бездействием; их мускулы и мозг нуждались в физических и умственных упражнениях, для того, чтобы избежать одервенелости и сохранить за организмом состояние полного равновесия. Они легко могли удовлетворить этой

потребности, или принимая участие в работах групп, которые наиболее отвечали их темпераменту и склонностям, или входя больше и глубже в синдикальную деятельность, отдаваясь ей.

Последнюю, в самом деле, занимались добровольно согласившиеся на то лица, делегированные общими собраниями, различными комитетами, синдикальными, федеральными, конфедеральными. Это дело не освобождало их от их профессиональных занятий. Тщательно избегалось восстановление старого бюрократизма, который превратил бы некоторых лиц в чиновников, изолировал бы их от производительной деятельности и закристаллизовал бы общественный организм, вместо того, чтобы поддерживать его в состоянии постоянной эволюции и прогресса. Синдикальная деятельность, стало быть, не оплачивалась особо. Ей отдавался тот, кто любил ее.

Каждый мог легко справиться с работами по статистике, по координированию данных производства, обращения продуктов, потребления, так как по выполнении профессиональной работы оставалось много свободного времени. Стало быть, возможно было, не создавая особой категории чиновников, справиться с работами, связанными с делом общественного управления, и те, кто добровольно брал на себя эти работы, легко выполнял их с необходимыми точностью и регулярностью.

Г л а в а XXIX.

ИСКУССТВО и РЕЛИГИЯ.

Революция совершила чудо, которое, до торжества ее, казалось таким же фантастичным, как найти квадратуру круга,—единство взглядов.

Произошло примирение на экономической почве, и крушение всей государственной надстройки скрепило это согласие, сделало его неразрушимым. Люди смеялись над

своим прежним безумием. Они удивлялись, что могли так ненавидеть, так преследовать друг друга, под пустым предлогом разногласия в политических убеждениях.

Такое же явление произошло в области религии. Страсти улеглись. Разница в личных верованиях не вызвала вражду между людьми. Они перестали поносить друг друга из-за разногласия в области философского и метафизического мышления; они не относились больше с ненавистью друг к другу из-за того, что их понятия о вселенной и о проблеме жизни и смерти были противоположны.

Поэтому еще отдаленнее казались, чем ссоры на политической почве, еще глубже отошли в область истории времена варварства, когда люди убивали друг друга во имя религии.

Эта гармония в идеологии, это интеллектуальное умиротворение вытекали из социальной структуры общества а не из личных желаний. Революция, разрушив формулы и догматы, не навязывала никаких идей. Она ограничилась тем, что расчистила почву и вырвала плевелы, чтобы возросло доброе семя. И оно возросло, дав обильную жатву! Принцип уважения к человеку и очищенного, возвышенного эгоизма, лежавший в основе революции и составлявший ее притягательную силу, создав довольство для всех, в то же время осуществил просветленное умиротворение в интеллектуальной и моральной области,—умиротворение, которое не исключало развития разнообразных доктрин.

Мы видели, что революция, главным образом, направлена была против учреждений. В этом она отличалась от прошлых революций,—и это то и придало ей социальный характер.

Она считала безвредными привилегированных, лишенных своих привилегий,—столь же мало опасными, как гремучие змеи, у которых вырвали ядовитые зубы.

Она нанесла удар государству в его организациях,—и она забыла вредную роль его персонала, когда он

согласился войти в ряды трудящихся, переродиться при помощи труда.

Она нанесла также удар церкви в ее живых творениях, в памятниках, в которых кристаллизовалось ее злое и пагубное дело. По отношению к ней было поступлено так же, как по отношению ко всем силам прошлого: ее богатства были возвращены народу, и служители ее должны были приняться за работу,—их паразитизм был так же несовместим, как и всякий другой, с новой организацией общества.

Правда, когда вспыхнула революция, церковь казалась лишенной своего могущества; отделение церкви от государства казалось освободило ее; молодое поколение было проникнуто равнодушием к религии. Несмотря на это, народ помнил, что она была первоисточником всякого рабства,—что государство было лишь ее младшим братом,—поэтому он не отнесся к ней с пренебрежением, не совершил этой неосторожности.

Однако, среди революционеров было два течения, не по отношению к тому, как следует поступить с церковью, поскольку она является привилегированной кастой,—в этом пункте было единогласие: но относительно того, что нужно сделать с церковными зданиями.

Одни считали, что церкви, соборы могут быть использованы различным образом,—или, как общественные залы, или как музеи; они напомнили, что в 1793 г. санкюлоты превратили их в залы для собраний и даже в амбары для фуража и в конюшни; они прибавляли, что в средние века, которые, однако, были эпохой сильного религиозного чувства, церкви служили для многих целей,—там устраивались базары, а также и спектакли. Следовательно, как в видах пользы, так и из артистического чувства, они стояли за сохранение религиозных зданий.

Другие энергично восставали против этого мнения. Они высказывались за то, чтобы безжалостно снести все церковные здания. И те, которые проповедывали это разрушение, вовсе не были людьми с варварскими на-

клонностями. Наоборот, это были культурные люди. В них не было никакой ненависти к самому зданию,—лишь ненависть к суевериям, символом которых оно являлось. Они провозглашали, что критика не убивает религий, что тщетно можно, из поколения в поколение, доказывать их нелепость... что они продолжают иметь своих правоверных, пока остается центр магнетического притяжения, каким является церковь. И они прибавляли, что первые христиане знали это: доказательством является то, что, как истые революционеры, они позаботились, как только победили, разрушить языческие храмы,—тогда как им было так легко очистить их и использовать для нужд церкви. Христиане, замечали они, поняли, что для новой веры нужны были новые храмы, — и это составляло их силу!

Этого революционного чутья, какое было у христиан четвертого века, сторонники разрушения церквей не находили у революционеров 1793—94 гг.: „Жалкие революционеры, которые для того, чтобы убить христианство во Франции, ограничились тем, что ломали, с большой помпой, каменные тучелы у дверей церквей, и считали себя крайне смелыми, превращая эти последние в амбары или залы для собраний. Насколько было бы обдуманнее с их стороны гильотинировать поменьше попов и разрушить побольше церквей!.. И несколько лет спустя обнаружились последствия этой ошибки: когда Наполеон I хотел реставрировать христианскую религию, это сделать было очень просто, — нужно было только открыть церкви и очистить их“. И они заключали: „Пусть урок прошлого послужит нам уроком. Не будем повторять ошибок наших предшественников!“

Против такой тактики возмущались поклонники скульптуры и художественной архитектуры; они ратовали за сохранение соборов, в которых воплотилась душа наших предков,—которая не всегда была очень католической.

После горячих споров эти две противоречивые аргументации часто примирялись на компромиссе: решали

сохранить монументы, которые символизировали какую-нибудь эпоху, отражали ее искусство,—и быть беспощадными по отношению к неуклюжим зданиям, построенным архитекторами, у которых не было ни художественного чувства, ни веры.

Таким образом, во многих центрах готовилось уничтожение христианства. Но в данном случае, как и во всем другом, проявлялся дух революции: она хотела изменить человека посредством изменения среды. И поэтому, ненавидя суеверия и разрушая церкви, революционеры уважали верование каждого.

Это уважение к религиозным верованиям вызвало в католицизме изменение, первые признаки которого уже проявились при капиталистическом строе после отделения церкви от государства. Некоторое число священников,—главным образом в деревнях,—умудрились вернуть себе свое жалованье, занимаясь каким-нибудь трудом. Одни стали заниматься пчеловодством, другие сделались фабрикантами консервов из овощей, из фруктов, или же столрами, переплетчиками. Таким образом, они, в большей или меньшей степени, перестали быть паразитами, оставаясь священниками. Они, стало быть, немного подготовились к жизни в новом обществе, откуда паразиты были изгнаны. Поэтому, тогда как епископы и священники крупных центров, привыкшие к искусственной жизни, какова была их жизнь до настоящего момента, почувствовали себя растерянными, сельские священники, наполовину рабочие, приспособились без затруднения к новой среде; они продолжали, между работой, исполнять свои обрядовые обязанности. И никто не мешал им это делать. Всякий, кто хотел, ходил в церковь.

Кроме того, равнодушие к религии усиливалось. Уже до революции дух исследования поколебал внутренне католицизм: священники, принявшие работать, почувствовали себя более независимыми от епископской власти, и, ставши смелее, они высказывали свои сомнения; нелепостям католицизма они противопоставляли слова евангелия, и, незаметным образом, они подходили к туман-

ному христианству, весьма не ортодоксальному. Это движение революция усилила.

Важно было то, что бесповоротно были уничтожены все религиозные касты, что никто, ссылаясь на то, что он был священником, протестанским пастором или раввином, не мог претендовать на освобождение от труда и жить, ничего не делая, насчет своих ближних. Это было главное. Когда это было сделано, каждый был свободен веровать или не веровать; быть христианином или спиритом, буддистом или теософом. Это было личным делом, не имеющим общественного значения.

Впрочем, с улучшением материального благосостояния, — еще больше чем с образованием, — вера падала в населении. Прежде многие искали утешения от горестей жизни в молитвах перед алтарем, — как другие надеялись найти его в алькоголе. Религия и алкоголизм играли тогда роль болеутоляющих средств, — одно более материальное, другое более духовное, — к которым прибегали несчастные, выбирая то или другое, в зависимости от моральных условий, в каких они находились, и от степени их развития.

Обеспеченное материальное существование способствовало устранению этих печальных слабостей. Алкоголизм исчезал и суеверие теряло почву.

Правда, хотя жизнь рисовалась все более и более радостной и светлой, путь не был свободен от всех терний и шипов. Кроме комфорта, который распространялся теперь на всех, счастье человеческое нельзя было заранее предусмотреть, предвидеть, предугадать, так как это вопрос исключительно моральный, вопрос чувств.

Несмотря на это, в этой психологической области, — как и во всем, — последствия социального преобразования были чувствительны; нравственные страдания и печали, умственные огорчения были менее жгучими, менее острыми: так как они не усиливались больше нуждой и трудностями существования, они умерялись и притуплялись отчасти, благодаря материальному довольству.

Нравы быстро изменялись. Их эволюция, уже намечавшаяся до революции, усиливалась.

При капиталистическом строе, синдикальные организации вели активную борьбу против алкоголизма, и она давала реальные результаты. Как один из примеров, достаточно напомнить, что до 1906 г. корпорация землекопов, до того времени очень слабо организованная, насчитывала значительный процент алкоголиков. Но несколько лет спустя, когда синдикат парижских землекопов объединил большую часть членов корпорации, алкоголизм значительно уменьшился, тогда как, благодаря усилиям синдиката, заработная плата была увеличена на 25 процентов. Землекопы пили меньше,—потому что их материальное благосостояние улучшилось и потому что, параллельно с этим, они стали сознательнее и у них увеличилось уважение к своей личности. Это уменьшение алкоголизма замечалось не только у землекопов, оно отмечено было также в других корпорациях. Таким образом, благодаря синдикальной пропаганде, число посетителей заведений, торгующих спиртными напитками, уменьшалось.

С революцией кабатчики,—заведения которых были прозваны „салонами бедняка“, — должны были исчезнуть. И это произошло очень быстро, так как в них не было больше по требности.

Пока рабочие принуждены были интенсивно и чрезмерно работать, они искали в алкоголе возбуждающего средства против переутомления; с другой стороны, после долгого дня утомительной работы или для того, чтобы как можно позднее вернуться к себе, в свою часто нищенскую обстановку, они слишком привыкли ходить отдыхать в кабак. Там, чтобы отдохнуть от своих профессиональных занятий, они играли в карты или расправляли свои мускулы игрой на бильярде. Кроме того, кабак был для них местом свиданий, местом, где собирались различные общества и группы, членами которых они состояли.

Раз не было больше бедных, естественно, что исчезли заведения, которые служили им „салонами“.

Привычки изменялись, стало быть, одновременно с средой,—и по меньшей мере столько же!

Во-первых, стали больше жить семейной жизнью, которую капиталистический индустриализм делал трудной,—и даже уничтожил в некоторых местностях,—поработив труду не только мужчину, но и женщину и также детей. Так как не было больше нездоровых конур, так как все квартиры были комфортабельно обставлены, стали испытывать удовольствие оставаться у себя дома.

Что касается мест общих свиданий, сменивших кабаки, кафе, портерные, они имели отдаленное сходство с прежними клубами: там можно было что-нибудь съесть и выпить,—но это были больше центры для собеседований, чтения, собраний, чем места для выпивки. Многие были устроены в прежних кафе и заведениях подобного рода, и,—кроме того, что в них библиотеки отчасти лишили вино его первенствующей роли,—они отличались художественным устройством.

Некоторые из этих зал были украшены мебелью, картинами, статуями, безделушками самых разнообразных эпох, другие являлись воспроизведением какой-нибудь одной эпохи: одни представляли средневековые периоды, другие напоминали эпоху Мольера или Дидро; третьи были устроены во вкусе 1793 г., или в стиле 1830 г., или второй империи.

Это устройство зал в стиле различных эпох,—которое обнаруживало верный вкус у рабочих, занимавшихся этой работой,—было сделано без большого труда, при помощи остатков коллекций буржуазии, которые не могли найти себе места в музеях. Там были произведения современной эпохи, которые буржуа, богатые деньгами, но бедные умом, покупали за безумную цену, считая их древними. По возможности были установлены авторы этих подделок, обнаруживавших ловкость и знание работников, которые их исполнили, и некоторые из

этих произведений носили их имя или название мастерской, откуда они вышли.

Это была проницательная критика модных увлечений и тщеславия капиталистического общества, которая в то же время подчеркивала, в каком почете были в эту эпоху меркантилизма обман, лукавство, ложь.

Когда революционеры забрали частные коллекции, собранные привилегированными капиталистического мира, из снобизма или тщеславия,—иногда с задней мыслью спекуляции,—но не из настоящей любви к искусству, эта груда разных вещей имела смешной вид. Рабочие и художники, известные своим знанием и компетентностью в данной области, разобрали эти коллекции и в считавшихся наилучшими они заметили массу подделок. Была произведена умелая сортировка, и часть этих произведений пошла на обогащение музеев и библиотек, остальное же было употреблено на украшение публичных зал, убежищ для стариков, всех мест народного собрания.

Излишне прибавлять, что музеи перестали быть бестолковым нагромождением художественных богатств, непонятных для масс,—и имевшим лишь ничтожное воспитательное значение и несколько не служащие для отдыха,—какими они были прежде. Они были преобразованы, и не чиновниками, а людьми, любящими искусство и понимающими его.

Тщательность с какой было приступлено к этой реорганизации, указывала на начало новой эпохи в искусстве: художественные чувства, распространяясь среди всего народа, должны были утончаться, стать более простыми, правдивее и чище,—они не должны были больше извращаться меркантильными соображениями, которые прежде оказывали на них сильное и даже доминирующее влияние.

В этом перенесении частных коллекций в музеи, которое было лишь применением принципов социальной экспроприации революции, последняя не делала ничего нового: она только подражала, — следовала примеру прежних режимов.

Действительно, каким образом, в девятнадцатом веке, обогатились национальные музеи? Во-первых, благодаря бесстыдным грабёжам, производившимся генералами республики или первой империи, во время их разгуливания по Европе; они брали, по праву завоевателя, не стесняясь, как то, что они находили в музеях, так и то, что принадлежало частным лицам.

Музеи обогатились также, благодаря экспроприациям духовенства, конгрегаций, а также экспроприации, последовавшей за отделением церкви от государства...

Теперь происходила операция такого же рода, — но в более широком масштабе: капиталистическая собственность переходила во всеобщее пользование.

В большинстве случаев роскошные дворцы миллионеров были превращены в клиники или в богадельни. И естественно, что, — не опустошая их, однако, — произведения искусства, украшавшие их, пошли в музеи. Там они должны были вернуться к своему назначению, ибо они создавались не для того, чтобы быть запертыми в клетку, но для того чтобы доставлять удовольствие, вызывать чувства и настроения, для того, чтобы ими любовались.

До революции 1789—93 гг. искусство было главным образом королевской привилегией. Оно стало затем монополией капитала. С новой революцией оно становилось всеобщим достоянием, достоянием, вообще, человека.

Одно за другим господствовали искусство попов, искусство королей, искусство капиталистов: пробил час искусства человечества!

Искусство, вместе с наукой, должно было заполнить пустоту, оставленную в душах смертью религий. Последние проклинали жизнь, проклинали красоту, проклинали чувства и широту их проявления, превозносили унижение и самоотречение.

Жизнь готовилась вознаградить себя! Человек не был больше закован в цепи наемного труда; цель его усилий шла дальше приобретения средств существования. Промышленность не была больше его госпожей, но его

слугой. Освободившись от всяких оков, он мог дать простор всем своим чувствам и стремлениям.

И не надо было опасаться, что уровень искусства понизится от распространения последнего в массах. Напротив, оно должно стать шире и глубже, Область его будет безграничной! Оно проникнет во все производства. Оно не будет ограничиваться писанием картин ваянием из мрамора и выливанием из бронзы. Искусство будет во всем! Оно будет в какой-нибудь пустынной, картинке, как в живописи Пюви де Шаванна, в малейших предметах домашнего обихода, как в группе Константина Менье.

И не будет больше крупных художников, погубленных нуждою, завязших в болоте общего равнодушия,— как это бывало слишком часто прежде!

Кто может сосчитать всех выдающихся превосходных артистов, которые,—как и изобретатели,—пострадали от капиталистического общества, умерли неизвестными, убитые голодом, или исчезли, не оставив никакого следа, за отсутствием благоприятных обстоятельств?

И сколько среди тех, которым удалось выдвинуть свой талант, должны были жестоко бороться, терпя самые ужасные физические и нравственные страдания? И эти еще были счастливы!.. Сколько других, которые, пробившись в мучительной борьбе со всякого рода трудностями, претерпев все горечи, умерли от непосильного труда,—и были признаны великими артистами лишь после своей смерти?

Г л а в а ХХХ.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ.

Конечно, если бы могли проникнуть в глубину сердец, по всей вероятности, нашли бы не мало среди привилегированных лиц капиталистического общества та-

ких, которые в глубине души проклинали революцию, — и которые терпели ее, потому что ничего не могли поделать против нее: увлеченные волной, слишком слабые, чтобы преодолеть социальную неизбежность и не обладая достаточно сильным темпераментом, чтобы поднять бунт против нее, они отдались общему течению, не пытались противиться.

Так было во всех прошлых революциях. Так было и теперь! На свете есть масса пассивных существ, которые приспособляются к новым условиям, не противясь, которые идут за пионерами, при условии, чтобы эти последние были победителями!

Эта податливость массы, которая в эпоху эксплуатации и угнетения обеспечивала торжество правящих классов, теперь служила революции. Благодаря ей, усилия революционеров легко привели к счастливым результатам. Почти безболезненно привычки, обычаи, образ жизни глубоко изменились.

Одним из характерных проявлений этого изменения было движение населения из городов в деревню. Быстро огромные городские центры разгрузились и население рассыпалось роем в сторону периферии.

Эта тенденция к децентрализации заметно проявилась еще до революции; предместья манящих к себе городов, — главным образом Парижа, — покрылись домами с садиками и маленькими домиками, в которых селились рабочие, счастливые тем, что могут немножко пользоваться чистым воздухом и иметь свой угол, не быть в этом отношении во власти домовладельцев. Требования условий труда, дороговизна путей сообщения, — а также финансовая невозможность, — задерживали эту децентрализацию, мешали ей. Теперь, когда эти препятствия не существовали больше, когда по упразднении торговли, ажио и всех осложнений капиталистического общества, — жизнь упростилась и облегчилась, значительная часть поводов, заставлявших людей селиться в центрах города, исчезли. Поэтому, оставление городов и переселение в деревню усилилось.

Параллельно с этим стремлением к полудеревенской жизни, более обособленной, более изолированной, развивался, с другой стороны, обычай жить больше в обществе с другими, благодаря индустриализации, все более и более усиливающейся, домашних работ.

Противоречие между этими двумя тенденциями лишь кажущееся; в обоих случаях было горячее желание независимости, в которой все чувствовали нужду. Только эту независимость каждый искал и находил в условиях существования, которое ему больше нравилось.

В городских центрах, благодаря стремлению женщины освободиться от неприятных домашних работ, развилось много индустрий, которые прежде находились в зачаточном состоянии, за неимением благоприятствующих условий,—или эти индустрии не могли достаточно вознаградить затраченный на них капитал, или публика находила пользование ими слишком дорогим.

Эти неудобства не существовали больше: одна полезность принималась в расчет. Поэтому производили работы и применяли открытия и изобретения, которые были бы невыполнимы в капиталистическом обществе,—потому что их считали бы слишком убыточными в сравнении с получаемым от них доходом.

В области домашних работ старались индустриализировать неприятные, скучные работы, которые прежде в богатых классах изваливались на прислугу, а в рабочей среде выполнялись женщиной.

Так, чистка обуви производилась механически, машинами, впрочем, давно изобретенными, и которые теперь изобиловали в общественных местах и больших домах. Можно было также машинами,—тоже давно известными,—производить чистку квартир. Точно также мытье посуды, чистка платья не производились больше человеческим трудом. Эти работы были индустриализированы как и стирка белья. На каждой улице или при каждой группе домов было устроено заведение для механической чистки, и служащие брали все, что нужно было вычистить и сами же приносили обратно. Кроме

того, в магазинах пищевых продуктов стали применять целый ряд машин, употребление которых не было распространено при капиталистическом строе.

Не было необходимости возиться с неприятной стряпней, как это было прежде: можно было заказать себе кушанья в общественных кухнях, и их приносили на лом; или, еще лучше, можно было пойти поесть, вместе с другими или отдельно, в общественные столовые, которые, очень комфортабельно устроенные, находились по близости.

В этой области было введено масса удобств, которые излишне перечислять, и готовились еще другие нововведения в этом же роде.

Женщина не была, стало быть, принуждена, по грубому выражению Прудона, быть „хозяйкой или куртизанкой“; она не должна была также добиваться детского конька суфражеток, которые видели свое освобождение лишь в завоевании избирательного права. Женщина могла оставаться женщиной,—в самом женском и самом человеческом смысле этого слова,—не подражая мужчине, не стараясь занять его место в тех работах, которые он исполняет.

Многие ремесла оставались женскими,—и долго еще останутся ими. Только женщина все больше и больше освобождалась от всех работ, которыми она занималась, не благодаря своим способностям, а потому, что труд ее дешевле оплачивался, чем труд мужчины.

В новом обществе считалось излишним устанавливать для женщины,—как это делалось для мужчины,—нравственное обязательство давать обществу определенное количество рабочего времени. Считалось, что ее высокие обязанности возможного материнства освобождали ее от всех других общественных обязанностей. Женщина была, стало быть, совершенно свободна располагать собой, работать или нет,—соглашалась ли она или нет быть матерью. Она не злоупотребляла этой свободой, как не злоупотребляли ею мужчины. Она выбрала себе занятия, отвечающие ее способностям. Кроме того, она занималась

различным трудом, как напр., воспитанием детей, уходом за больными. Конечно, она работала меньшее количество времени и отдыхала больше, чем мужчина и, как общее правило, оставляла работу, как только появлялись первые признаки беременности.

Женщина не отказалась, под предлогом простоты, от красивых тканей, нарядов и разных украшений. Ей нравилось, украсив свой ум, украшать и свое тело. Но она не была больше рабой моды. Уничтожение торговли повлекло за собой и уничтожение последней,—которая уступила место вкусу. Отныне, женщина одевалась изысканно, со вкусом и умела выбрать себе то, что к ней идет. В этом выражалась ее эlegantность,—а не в выставлении дорогих туалетов, которые показывали богатство их обладательницы, но не вкус.

Женщина, состоя, как и мужчина, членом профессионального синдиката, была на равной ноге с ним, и так же, как и он, участвовала в общественной администрации.

Непосредственным результатом этой материальной и моральной независимости женщины было облагораживание половых отношений. Отныне, взаимные влечения мужчины и женщины вызывались симпатией и любовью, а не отвратительными комбинациями. Гнусный торг, который был столь обычным явлением прежде, теперь был неизвестен. Мужчина больше не гнался за приданым! Девушка не искала больше себе содержателя,—законного или нет! Всякая ложь, всякие низости, неестественные связи и гнусности, порождаемые жадной богатства и боязнью бедности,—исчезли теперь, когда материальное довольство стало общей долей.

Материнство не было больше страшным. Образованная, сознательная женщина соглашалась стать матерью, когда она хотела... Ребенок мог родиться! Мать будет свободна сама его воспитать или доверить его почти материнским заботам других женщин. В чем она была уверена, так это в том, что ребенок будет желанным гостем,—у него будет место на общественном пиру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы кончили свою работу. Мы описали,—слишком неполно, конечно,—великий революционный период, который преобразил Францию, принес ей мир, довольство, свободу!

Конечно, новое общество несовершенно. Во многом можно его критиковать. Не все еще гладко, есть трения. Система производства оставляет желать многого, также и система распределения...

Да, идеал не достигнут!.. Будет ли он когда-нибудь достигнут?..

Но если есть еще тени на картине, по крайней мере, бедность побеждена и путь к будущему расчищен, свободен от препятствий!

Нет никакой задерживающей силы, которая могла бы помешать эволюции.

Так как никто не заинтересован больше в сохранении и увековечении обычаев прошлого; так как никакой угнетающий институт не может,—как это делало государство в течение веков,—задушить новые стремления, раздавить зародыш прогресса, движение вперед общества будет продолжаться беспрепятственно.

По мере того, как будут находить предпочтительнее те или другие улучшения, тот или другой образ жизни, они будут проводиться автоматически,—сторонникам их не надо будет бороться против тех, которые бы их не захотели, и эти последние не могут мешать им.

Во всех областях,—в экономической или моральной,—на все революция наложила свой благотворный отпечаток.

Социальный человек,—результат новой среды и новых условий,—занял место человека—животного капиталистического периода: человек стал хорошим, потому что у него нет больше интереса быть дурным!

Борьба, соперничество, ссоры, распри и война между людьми заменились согласием, сердечностью, взаимною помощью. Борьба продолжается лишь в области природы: на этой почве, соединенными и согласными усилиями, люди преодолевают враждебные силы, подчиняют их себе.

И теперь, когда все опасения исчезли; теперь, когда революция разливается волной по всему миру, принося одинаково всем народам мир, свободу, благоденствие; теперь, когда не приходится бояться никакой опасности ни внутри, ни извне... жизнь стала приятной и прекрасной.

Сердце наполняется радостью! Радостью, почерпнутой в уверенности, что революция бесповоротна, что никакая реакция невозможна.

Эта уверенность ярким солнцем освещает горизонт.

И перед обновленным человеком, освобожденным от всех пут, от всякого рабства, открывается широкая и прямая дорога к будущему.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр

ЭМИЛЬ ПУЖЕ, ЭМИЛЬ ПАТО: «УТОПИЯ» СИНДИКАЛИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	III
ПРЕДИСЛОВИЕ ТОМА МАННА	1
Предисловие П. А. Кропоткина	3
К читателям	14
I. Разгром	19
II. На другой день после избиения	27
III. Объявление стачки	34
IV. Да будет тьма!	44
V. Похороны жертв	51
VI. Положение правительства	57
VII. Наступательная стачка начинается	66
VIII. Революционные реквизиции	75
IX. Бунт армии	80
X. Падение парламентаризма	89
XI. Захват банков	95
XII. Всеобщая стачка в провинции	99
XIII. Восстание крестьян	106
XIV. Конец торговли	112
XV. Железные дороги и П. Т. Т.	117
XVI. Жизнь города	122
XVII. Организация производства	129
XVIII. Конфедеральный съезд	136
XIX. Земля крестьянам	146
XX. Вооружение народа	156
XXI. Агония реакции	165
XXII. Экспроприация и обмен	172
XXIII. Либеральные профессии	179
XXIV. Воспитание	185
XXV. Создание изобилия	190
XXVI. Внешние осложнения	199
XXVII. Последняя война	206
XXVIII. Производство предметов роскоши	212
XXIX. Искусство и религия	221
XXX. Освобождение женщины	231
Заключение	236
